Сергей Пыхтин
Андрей Савельев

Издание памяти С.П.Пыхтина,
к 70-летию со дня рождения

НАЦИОНАЛИЗМ:
тотальная борьба идей

Москва, 2016

Пыхтин С.П., Савельев А.Н.
Национализм: тотальная борьба идей, М., 2016

В сборник включены статьи с середины 90-х до 2011 года, посвященные идеологической борьбе и утверждению русского мировоззрения в политике, освобождению Русского политического движения от иллюзий и умозрительных схем.

Большинство статей издавались в журналах "Русский дом" и "Золотой лев". В книге они соединены в монографию, представляющую целостную идеологическую концепцию.

Предназначается для политиков, политологов, историков, для всех, кто был включен в события на рубеже веков, происходящие в России или интересуется их ходом и смыслом, а также полемикой вокруг будущего устройства государства и его правовых и идейных ориентиров.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Идеологическая борьба русского национализма в современной России состоит в том, чтобы избавить русское политическое движение от ложных ориентиров. Этому посвящена книга Сергея Пыхтина, включившая его публикации, начиная с середины 90-х годов XX века до 2011 года, а также некоторые материалы, подготовленные нами совместно или под влиянием Сергея Петровича. Общность взглядов и творческое общение в течение двух десятков лет позволяет представить читателю целостный труд, который автор не успел полностью структурировать и завершить при жизни. Мы, его друзья, выпуская его книги и представляя русской интеллектуальной публике его творческое наследие, больше всего озабочены интегральным представлением идей русского национализма. Причем не в сухо изложенных параграфах и пунктах, а в живой полемике, которой Сергей Пыхтин уделял большое внимание. Полемические произведения ярко высвечивают идеи, столь необходимые современной России для преодоления кризиса. Прежде всего, кризиса мировоззренческого.

Если бы разруха была только в головах у власти, это было бы не так страшно. Надо признать, что разруха постигла и сознание образованных слоев населения, а особенно сильно затронула молодежь, в которой встречаются самые причудливые смешения прежних политических догматов.

Бюрократия, меняя идеологические лики, подбрасывает ленивому сознанию универсальные лозунги. То общественный интерес предопределит успех страны, то частный интерес выставлен как панацея, то «сильная исполнительная» власть возьмет на себя все проблемы и справится с ними. Такие догматы меняются как узоры в калейдоскопе, а завороженный зритель рад обманываться: критическое сознание отключено и жизнь прекрасна. Пока не приходит время: подсчитали – прослезились. Но это уже потом, когда власть переделена и отдана в руки заказчиков очередной иллюзии.

Современная публицистика, заказчиком которой является все та же олигархия, навязывает измененные значение терминов. И возникает какое-то уже почти ласковое именование: «наш олигарх». Про какого-нибудь патентованного ворюгу, которому место в тюрьме или на плахе. «Олигархами» не прочь числиться даже вполне приличные предприниматели. Всего лишь потому, что где-то на местном районном уровне занимают видное место и служат поводом для пересудов сплетников. Меж тем олигарх – враг предпринимателя. Самый злейший. Олигарх и предприниматель – антиподы. Первый покупает власть и через власть добивается получения доходов от монопольного положения, доступности казны, внеэкономических решений. Олигархами назначал своих приближенных Ельцин, потом тем же стал заниматься Путин. Все эти люди не имеют никакого представления о предпринимательстве. Их деятельность – один из видов воровства. А предприниматель выше дохода и прибыли ценит свое дело. Поэтому готов спасать производство даже в условиях, когда терпит убытки. Он отвечает за своих работников, за технологию, за управленческую эффективность. Олигарху все это не интересно. Он и так неплохо устроился. Предприниматель создает ценности (потребительские товары и услуги), а олигарх манипулирует фиктивными ценностями и наживается на уничтожении производства.

Самооправдание бюрократии проводится через заказ публицистики и исследований, которые представляют бюрократию просто как сословие чиновников. Мол, как же можно выступать против бюрократии, без которой управление государством невозможно?! На самом деле чиновник должен исполнять волю нации, а бюрократ исполняет волю начальства. Чиновник должен жить по закону и не делать ничего сверх закона, а бюрократ не делает ничего по закону, а лишь заглядывает в глаза вышестоящему чиновнику и ищет там оправдания любой подлости. Бюрократия рождается из узурпации власти, из подавления нации, из преступления перед народом и страной. Бюрократ – злейший враг гражданина, враг нации и государства.

Оправдание бюрократии происходит через отождествление чиновника и государства. В результате при очевидной бюрократизации госслужбы, гражданин переносит свою ненависть с бюрократа на государство. А это нелепость. Государство не тождественно чиновнику, начальство - не государство. Легитимная власть не принадлежит чиновнику. Она либо от монарха, либо от нации. Либо от того и другого вместе. А бюрократ – противник государства, противник закона. Он хочет управлять по произволу, а не по закону, служить не нации и государству, а своей корпорации.

Ложной ориентацией пытаются склонить к совершенно непродуктивной деятельности, которая подкрепляет олигархию и бюрократию, облегчая жизнь обывателя. Проповедники «малых дел» с социалистической ориентацией говорят: не надо слов – лучше помогайте людям в их конкретных проблемах. И за это люди вас поддержат, и, может быть, приведут к власти. На самом деле обыватель только и ждет подачек: чтобы ему «на блюдечке с голубой каемочкой» кто-то принес что-то бесплатное, а он еще будет кочевряжиться и манерничать. Вся эта помощь ничуть не проясняет сознание. Она удовлетворяет благотворителя тем, что он, якобы, выполнил свою функцию и уже больше ничем и никому не обязан. А облагодетельствованного развращает тем, что лишает необходимости думать об источниках социальных нестроений. Обывателю плевать на политику и национальные интересы вовсе не потому, что ему недостаточно часто преподносят подарки, а по состоянию души. Это биомасса. По достоинству этой биомассе и растительная жизнь. Нас интересуют мыслящие люди. И только этот слой может быть продуктивным. Биомасса способна только на бунт. А в бунте мстят первому встречному, а не громят врагов нации.

Социализм проникает в качестве ошибочного синтеза и в национальное движение. Национал-социализм, не имея идейной основы, получил символическое значение в умах малообразованной молодежи как прямая противоположность либеральному космополитизму. Возникла даже НС-субкультура, то и дело за-

имствующая символы и лозунги у врага, битого нашими дедами в Великой отечественной войне. Якобы национал-социализм тем и привлекательнее просто национализма, что в нем есть нечто «социальное», социальные программы. На деле никаких программ нет, а есть только замороченное сознание, которому ввинтили меж здравыми мыслями дикую: взять на вооружение идеологический символ гитлеровской Германии (злейшего врага русских) и абсурдно соединить противоположности интернационализм (без которого не бывает социализма) и национализм.

Теоретики социализма пытаются теперь опереться на немецких философов, совершая элементарную подтасовку: где под социализмом понимали просто «социальное», теперь втискивают интернациональную доктрину. Исторический опыт говорит нам: никакого иного социализма в России, кроме того, который был, существовать не может. И это означает, что для национализма никакой социализм попросту не нужен. В национализме содержатся все элементы социальности, которые необходимы. Лепить бирку национал-социализма на русское движение – значит, оказывать услугу олигархии.

В том же духе ложный синтез, приемлемый для олигархии, но вредный для русского движения – в попытке присоединить к русскому движению сталинизм. Что может быть абсурднее превращения в кумира русских людей очевидного инородца, русофоба, загубившего миллионы русских не только своей животной ненавистью к свободному мышлению и свободной жизни, но и от элементарной дури! Как может разрешить русские вопросы опыт сталинизма? Никак. В нем лишь навыки озверелой бюрократии по уничтожению всего русского и физическому истреблению русского народа. И не надо сталинизму приписывать Победу. Победили не идеологией сталинизма, а русским духом, русским подвигом, русским умом. Сталинизм тяжким грузом висел на плечах воюющего народа, понуждая худшую его часть к доносительству, идеологическому догматизму, бумажной волоките. И это в условиях войны! Сталин не был великим стратегом. Он два года на крови миллионов учился элементарным зна-

ниям, которым владели командующие фронтами и руководители Генштаба. Потом научился. И в этом есть оправдание сталинизма? Сталинизму, этой оголтелой форме бюрократии, нет никакого оправдания и никакого места в русском национальном самосознании.

В субкультурах постепенно складывается оригинальная версия воинствующего атеизма, приобретающего придуманные формы славянского язычества, свободно оперирующего отдельными языческими символами и именами, но не имеющего к историческому язычеству славян никакого отношения. Игры в «немцев» (заимствования повадок из советских фильмов о войне) или в «язычников» (обычно эти игруны не читали даже трудов академика Рыбакова) – от лукавого. Тем не менее, нам есть что заимствовать из немецкого интеллектуального наследия (от Гегеля до «консервативной революции»). А в образах, пришедших из дохристианского прошлого, нам нужно уважать глубинные корни нашего народа: без них Слово о полку Игореве стало бы пресной хроникой. Но есть и другие образы, есть смыслы исторического опыта, история человечества. Языческие образы в национальном самосознании – незначительный пласт. Пусть он будет. Но не надо выпячивать его как нечто самодостаточное.

Третье поветрие, связанное с вторжением на территорию русского национализма – новодел национальных демократов. Его явление в российской политике связано с попыткой перелить энергетику русского движения, проявившегося 11 декабря 2010 года на Манежной площади, в совершенно деструктивное русло под сепаратистским лозунгом «Хватит кормить Кавказ!». Сочетание политических свобод с национальными интересами – вполне позитивная программа – превращается в соблазн пойти вместе с либералами против действующей власти, и даже уступить либералам лидерство в этом альянсе. Подчинение национального движения либеральной фронде ярко выразилось в многолюдных митингах конца 2011 года, когда массивными финансовыми вливаниями удалось вывести на улицу десятки тысяч интернет-тусовщиков.

Еще один порок русского движения - «бесплотная духовность» почвеннической интеллигенции, которая пыталась и до сих пор пытается говорить языком столетней давности, когда национализм только ещё входил в политический лексикон русской публицистики. Подобная «духовность» убеждала разве что малые группы, кучковавшиеся вокруг изданий, потерявших массового читателя. Причём, такие группы ревниво враждебны к подобным же группам.

Нам нет никакой надобности выбирать из плохого и очень плохого. Не имеет никакого смысла выбор между социализмом и капитализмом. Это ложный выбор, отвлекающий от национальных интересов. Нет необходимости противопоставлять частный и общественный интерес. Национальный интерес балансирует то и другое. Нам нет нужды ввязываться в спор «леваков» меж собою: либерализм и социализм – сугубо «левые», космополитические идеологии, гибель каждой из которых нас может только радовать.

Русским националистам надо избавляться от невежества, от всякого рода маргинальщины, от сектантских выдумок. Русский должен не растравливать в себе безотчетные чувства (они легко насаждаются системой либеральной пропаганды), а искать научную основу национализма. Только в этом случае практика борьбы за русское будущее, за русификацию России принесёт позитивные плоды.

Нахрапистость – это проявление слабости. Сильные духом не ведут себя как шпана, случайно поймавшая удачу. Воля к власти – это не внешняя форма. Чиновник, алкающий повышения по службе – жалкое ничтожество, не понимающее, что есть власть. Дорвавшийся до казны коррупционер имеет волю не к власти, а к наслаждениям, из которых самое сладкое – иллюзия обладания всеми наслаждениями мира, будто бы доступными «за большие деньги». Русским националистам (особенно молодежи) не стоит копировать эти убогие взгляды на жизнь.

Воля к власти – явление коллективного порядка, в котором индивид видит своё место в строю и исполняет свою миссию в

процессе утверждения государства (власть вне государства тоже требует воли, но это другая тема). Среди русских хватает тех, кто понимает свою миссию, но у нас недостаточно солидарного единства в этом понимании, недостаточно совокупной воли. Она размыта годами коммунистической, а потом либеральной деспотии. И только кризис проясняет сознание, открывая людям, что все их «прагматические» расчёты – ничто, что все их деньги и материальные приобретения обращаются в прах. Когда выживание индивида ставится под вопрос, у него есть выбор – приобщиться к воле нации, воле к власти, или издохнуть как утративший способность жить кусок биомассы.

Наш фронт пролегает по границе, за которой начинается космополитизм, интернационал, чужие и чуждые ценности и интересы. Космополитизм многолик и хитер в своих уловках. Видеть эти уловки и не попадаться в терминологические сети, не тратить силы в ложных конфликтах, не творить себе кумиров из собственных врагов – задача настоящих русских националистов.

Крайне опасно внесение в среду националистов путаницы, в которой государство объявляется «враждебным». Государство Россия – наше достояние, которое отнято у нас и должно быть нам, русским, возвращено. Считать наше богатство нам «враждебным» – нелепость. Никакая политическая теория не отождествляет корпус чиновников с государством. Не надо путать государство и государственную власть. Не надо путать родину с начальством. Государство Россия – наше, власть в нём сейчас – чужая. Государство должно быть спасено и сохранено, враждебная власть – заменена. Конец должен наступить для режима, а государство должно продолжиться. Собственно, это и есть единственный выход из кризиса.

В современной России есть много того, что стоит сохранять и защищать. Но есть и то, что должно уйти в небытие вместе с олигархией и обслуживающей её бюрократией. Лозунг «чем хуже, тем лучше», мягко говоря, неумный. Лучше для кого? Хуже для кого? В этом лозунге клич нигилизма. Для русских националистов пригодны иные лозунги – более ясные и «адресные».

Чужая власть никогда не пойдёт на те антикризисные меры, которые предлагаются националистами. Потому что это от этого оскудеет кормушка поклонников «золотого тельца». Важно, чтобы антикризисные программы у националистов были не «реформистскими», а концептуальными. Именно такое видение было представлено в «Национальном Манифесте» (2009), одним из авторов которого был Сергей Пыхтин. Речь идёт не о том, чтобы что-то оптимизировать в действующей экономической и политической системах, утверждённых в России Ельциным и Путиным. Необходимо эту систему заменить другой. И знать какой именно. Мы своё видение представили и будем дальше разрабатывать позитивную программу. По пути коммунистов, которые хотели разрушить «мир насилья», а затем построить на развалинах «новый мир», нам идти не пристало. Свою страну в развалины превращать не стоит. Мы должны знать не только, что мы хотим убрать из нашей жизни, но и то, что хотим в ней утвердить.

Национальное движение не должно действовать там, где нет элементарного взаимопонимания и стремления объединиться на общей платформе. Действие хорошо, когда имеет верные ориентиры. Шествия людей, объединенных солидарностью толпы, бессмысленно. Поэтому прежде – интеллектуальная работа, создание единства, в котором разрешены все «проклятые» вопросы и ведется беспрерывная работа над анализом меняющейся ситуации, выстраивание прогнозов будущего и формирование программных разработок, посвященных изменению этого будущего в соответствии с избранными целями и ценностями.

Творчество Сергея Пыхтина – это попытка представить опыт интеллектуального проникновения в смыслы современной истории и дать целеуказание для последующих идейных исканий и политической практики. Издавая очередную книгу нашего друга, мы надеемся, что она послужит оздоровлению русского политического движения и послужит вкладом в наше общее дело возрождения России.

Андрей Савельев

Признать нацию

Народы и нации

Описанием и изучением племен, народностей и народов мир занимается несколько тысяч лет. С древнейших времён до наших дней. Трудов на этот счет накопилось великое множество. Ими переполнены все библиотеки. Путешественники, администраторы, купцы, военачальники, мыслители, философы, публицисты, художники, даже литераторы – всем было интересно разобраться: кто есть кто. Первоисточник по древней Руси – Повесть временных лет – уже знает множество народов и племен, и это значит, что уже тогда понимали, чем одни из них отличаются от других.

Взять, к примеру, европейских классиков Бальзака или Стендаля. Каждое их произведение – это тонкое, подробное, даже дотошное описание французов или итальянцев. Чем парижане отличаются от провинциалов, торговцы от аристократии, бретонцы от гасконцев. Русская художественная литература – тоже воплощенная социология, этнография и этнология. От Ломоносова, Радищева и Пушкина до Куприна, Горького и Шолохова.

Казалось бы, в наши дни в познании жизни народов мира не осталось темных или белых пятен. Все известно, подсчитано, классифицировано и описано. Но нет! Этногенез хотя и снизил темпы, но не закончился. Все течет, и потому познание этнических процессов, осуществляемое разными формами сознания, неостановимо. Этим занимается религия, философия, наука, идеология, искусство, наконец – политика. Причем политические интересы, когда чаще, когда реже, оказывают на результаты изучения сильное давление. Например, пока в России все было относительно спокойно, этнография и статистика считали примерно 70-80 коренных этносов, проживающих в ее пределах. Но стоило русскому миру в конце XX века опять возбудиться, начать новый виток становления, и их число чуть ли не удвоилось. Разумеется, речь идет о политических спекуляциях и псевдона-

учном шарлатанстве, но они доказывают, насколько остр предмет.

Иное дело – нации, совершенно новое явление в человеческой истории, возникшее в XIX – XX веках. Их описание, изучение и осмысление еще только-только начинается. Мы находимся у его истоков. И поэтому нет ничего удивительного в том, что вокруг наций кипят страсти, разгораются теоретические баталии, а политическую практику переполняют непримиримые, острые, кровавые конфликты. Наука спорит, журналистика провоцирует, а политика ошибается.

До сих пор нет ясности в том, где кончается этнос, то есть народ, и начинается нация. Является ли нация совершенно уникальным феноменом или, как полагают многие, лишь новым этапом в развитии народов? Не избежала и Россия этих роковых вопросов. Возникла ли русская нация? Или она уже погибла, если произошел (что тоже оспаривается) развал Российского государства? Была ли советская нация? Существует ли нация россиян? Если вспомнить первую строку текста Конституции РФ 1993 года, из которой следует, что «мы многонациональный народ», то проблемность национального вопроса становится очевидной.

Серьезное изучение явления, предмета или процесса начинается там, где возможно сосчитать, и где нет спора о терминах. Но в России с 1917 года в том, что такое нация, никаких споров не существовало. Вопрос был разрешен на самом высоком для того времени уровне.

В брошюре Сталина «Марксизм и национальный вопрос», написанный им в Вене в 1911 году, куда он специально приехал для работы над ней, было дано определение нации: *«исторически сложившаяся общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»*. А в 1929 году, отвечая на вопрос пытливых ученых, Сталин в ответном письме категорически отверг их предложение дополнить характеристику нации наличием собственной государственности. Казалось бы, вполне приемлемый взгляд на вещи. Но все дело в том, что в Ев-

ропе начала XX века слово «нация», почерпнутое из латыни, обозначало то, что на древнегреческом называлось «этносом». Это были слова-синонимы. В переводе на русский они значат одно и то же - народ. Однако слово «народ» в России тогда не было эквивалентом словам «нация» или «этнос». Народом в тогдашней на 90% крестьянской стране было принято называть простонародье, а состоятельные, образованные, высшие классы – обществом. Теперь слову «общество» придается иной смысл, но становится понятным, почему в сталинской работе появилось слово «нация».

Кроме того, за истекшее столетие изменилось соотношение смысла терминов «этнос» и «нация». Они из синонимов превратились в антонимы, обозначая разные явления.

Что же должны означать эти лингвистические метаморфозы? Непреложный вывод: сталинская работа не имеет отношения к нациям, она посвящена этносам, или *народам* в современном значении этого слова. И второе: теорию наций в России придется разрабатывать с чистого листа и на «национальный вопрос» следует давать другие ответы.

Итак, с точки зрения современной научной лексики, Сталин дал в целом правильный ответ на неправильно сформулированный вопрос. В его определении надо заменить всего лишь одно слово – «нацию» на «этнос». И в теоретическом отношении с «этносом» или «народом» все будет более или менее ясно.

Зато в полосу теоретического тумана попадает «нация». Во-первых, изменение смысла слова «нация» имело свои причины. В мире возникло новое социальное явление, это явление не только не исчезло, но приобрело вполне определенные формы и проявило себя в доминирующем качестве. Следовательно, возникла необходимость дать ему название. Название избрали – «нация», а то, что обычно называли «нацией», стали называть «этносом». Во-вторых, назвать мало, явление еще надо изучить.

Кто начал изучать нации с научной точки зрения? Прежде всего те, кто изучал народы – этнологи, этнографы, демографы, социологи, политологи, психологи и статистики. К ним присое-

динилось множество других специалистов, которые в области познания наций были настоящими дилетантами. За десятилетия кропотливого энтузиазма они подготовили серьезную исследовательскую почву, главным образом в виде отдельных статей, но и наворотили множество глупостей. В России эти глупости приобрели специфическую форму из-за той путаницы, которая была описана выше. Её, к тому же, многократно усилила публицистика Ленина, направленная против национализма, обильно сдобренная русофобией. Но мало кто понял, что во времена Ленина слово «национализм», как и слово «нация», имели отношение к чему угодно, только не к нации.

Нациями, повторим, тогда называли социумы, которые теперь называют этносами, а национализмом, соответственно, этницизм. Тем не менее, лет на 70 суждения «вождя всемирного пролетариата» были возведены в ранг непререкаемых истин, вошли в учебники и стали общим местом в массовом сознании. За это заблуждение Россия расплачивается непомерной ценой, и счёт становится всё больше и больше, потому что хотя отравленную воду ленинизма и вылили из русской колыбели, но рожденный в ней «младенец» успел подрасти.

Итак, что такое этнос или народ, мы знаем. Но как определяется нация? На этот счет пока что нет никакой общепринятой точки зрения. По этому вопросу наука находится в поиске и дает не столько выводы, сколько гипотезы. Или, подбираясь к такому определению, пока что она ограничивается систематизацией признаков. Возможно, ученым не хочется становиться на скользкой лед политизации, от которой трудно избавиться, поскольку предмет исследования буквально пропитан политикой. Однако, более радикально настроены идеологи: жизнь не стоит на месте и политическая практика требует хотя бы какой-то определенности. В отличие от ученых, политик, чтобы не казаться профаном, никогда не может сказать, что он «не знает». И тогда ему на помощь приходит идеология, которая, не претендуя на объективность, разрабатывает свою систему доказательств.

Нация, в отличие от этноса или народа, *продукт политической истории*, центральное место в которой занимает история государств. Они возникают задолго до того, как образуются этносы и тем более нации. В самом общем виде государства и создают нации. Разумеется, не все, а только те, которые принято называть великими мировыми державами. Дания или Португалия, к примеру, существуют как государства многие столетия, никому в голову не придет охота отрицать существования датчан или португальцев как этносов. Но являются ли они нациями, а Дания и Португалия национальными государствами? Вопрос дискуссионный. Если следовать за практикой ООН[1], то ответ, безусловно, положительный. Но всегда ли политика следует за наукой, тем более еще только рождающейся? Люксембург или Сингапур, по этой логике, тоже населены нациями. Но это не так. В Люксембурге живут немцы, в Сингапуре китайцы, и эти государства – назовём здесь еще Сан-Марино, Лихтенштейн, Науру и т.п. - не более чем прихоть или улыбка истории, исключение из правила. Зато они помогают понять, что на самом деле является нацией.

Нация – это этно-социальная, культурно-историческая и духовно-политическая устойчивая многомиллионная общность, сложившаяся в длительном процессе становления и развития великой державы, создания высокоразвитого хозяйства и укоренения культуры мирового уровня.

Исходя из этого определения, конечно же, дискуссионного, следует, что наций, в отличие от этносов, немного. Меньше десятка – французская, немецкая, итальянская, британская, испанская, китайская, индийская, североамериканская и русская. Обладания минимальным набором общих признаков, нации прак-

---

[1] Организация объединенных наций (Charter of the United Nations), насчитывая ныне 192 члена, конечно же, не соответствует своему названию, как в прошлом не соответствовало ему и Лига наций. Членами этих организация являются не нации, а государства, и делегации, работающие в них, состоят из дипломатов, направляемых кабинетами министров соответствующих государств. Если уж требовать от наименований точности, то ООН следовало бы назвать Организацией союзных государств.

тически во всем различны и ни в чем не похожи, подчиняясь в своем развитии собственным уникальным закономерностям. Но для современного человечества им приходится выполнять такую же роль, какую в солнечной системе исполняют планеты, или какую в галактике - солнца. Нации, организованные в великие мировые державы, обеспечивают человеческое развитие и предотвращают превращение жизни на земле в сущий ад. Бывает: они конфликтуют и даже воюют между собой время от времени. Но это ничего не значит. «Им претит статика», тогда как движение наций возбуждает тектоническую энергию всемирного созидания, заливая землю солнечным светом.

Один из общих признаков нации – первоначальное этническое ядро, составляющее ее абсолютное или относительное большинство. Обычно в роли такого ядра тот или иной народ оказывается по воле случая, благодаря ряду благоприятных обстоятельств, главным из которых является его энергетика или, по Гумилёву, пассионарность. В России этническим ядром стали великорусы, населявшие северо-восток Русской равнины, политической организацией которых на первоначальном этапе было Владимиро-Суздальское княжество, одно из многих тогда существовавших.

Конечно, нация не возникает из ничего. Являясь относительно новым явлением человеческой история, она аккумулирует все предшествующие формы человеческой самоорганизации, какими являются народы, общества и государства. Каждая из этих институций обладает характерными признаками, которые в дальнейшем формируют лицо нации, ее неповторимые свойства. Для этноса или народа такими чертами являются человек и язык; для общества – семья и традиция; для государства гражданин (когда-то подданный) и закон. Нация, интегрируя все эти свойства, характеризуется общностью мировоззрения (то есть национализмом) и общей историей и культурой.

Духовное единство немцев произошло раньше единства политического, и поэтому в немецкий национализм, немецкая идеология и политика выработали принцип – где немцы, там

Германия. Реализация этого принципа свелось к её объединению в единый рейх. Иногда это приходилось делать «железом и кровью», иногда – утопая в праздничных цветах. Аналогичные процессы происходили в современной Италии. Ее тоже пришлось объединять - и тоже железом и кровью - Виктору-Эммануилу, Кавуру и Гарибальди. Нация была создателем национального государства.

Франция развивалась иначе: там государственное единство, стимулируемое абсолютной монархией, возникло значительно раньше национального. И поэтому принцип французской идеологии и политики был выражен так: где Франция, там французы. Задача, решаемая государственной властью, заключалась в том, чтобы сделать все народы, проживавшие во французском государстве, французами. Железо и кровь применялось и в этом случае Ришелье, Мазарини и французскими революционерами. Здесь государство создавало нацию.

Несколько столетий обоим этим принципам приходилась встречаться на поле боя. Если Эльзас и Лотарингия - часть Франции, то их жители – французы. Такова была логика Парижа. Если лотарингцы и эльзасцы немцы, полагали в Берлине, то Эльзас и Лотарингия – Германия. В итоге, переходя несколько раз из рук в руки, обе эти провинции отошли к Франции, что в последний раз и произошло в 1945 году в результате мировой войны.

История Россия была иной. Государство российское от морей Варяжского (Русского) и Белого до моря Русского (Чёрного) и от Карпат до Волги возникло в незапамятные времена, когда ее коренным населением было множество славянских и отчасти финно-угорских племен. В таком состоянии оно существовало не менее восьми веков. В качестве народа или этноса русские возникли в конце XIV века, овеянного победами в битвах на реке Воже и на Куликовом поле. В дальнейшем на протяжении шести столетий развитие России являлось сочетанием французской и немецкой моделей. На западе, где значительная часть русских оказалась во власти Швеции, Польши, Австрии и Турции, происходила реализация немецкого принципа, на юге и востоке, насе-

ленном инославными и инородными племенами – французского. Таким образом, Государство российское в той же мере создавало русскую нацию, в какой русская нация создавала Государство Российское, и это могло осуществляться благодаря деятельному, последовательному сочетанию двух начал: *Россия там, где русские, и русские там, где Россия.*

Их сосуществование в политической практике обеспечило, по крайней мере, два фундаментальных результата. С одной стороны, Государство российское в конечном итоге объединяло почти всех русских[2], не допуская их политической разделённости, что происходило после того как Русь подверглась татаро-монгольскому набегу и на протяжении 250-лет она оказалась в вассальной зависимости от Орды. С другой стороны, русским в целом удалось в результате напряженных усилий достигнуть таких внешних границ, которые соответствовали стратегическим потребностям и географической обусловленности. Иначе говоря, оба этих начала обеспечивали для России внутренний мир и внешнюю безопасность.

Таким образом, пройдя более пяти веков политической истории, русская нация сложилась вокруг великорусского народа, включая в свой состав множество иных народов и народностей, тесно связанных с русской государственной, религиозно-духовной, экономической и культурной традицией.

Клеветники России и факты истории

Одна из главный идей, используемых клеветниками России вот уже 170 лет для возбуждения у ее народов неприязни и злобы к русским, служат россказни о том, что Государство российское,

---

[2] Вне пределов Государства российского к 1914 году оставались населенные русскими Волынь, Подолия, Галиция, Червонная Русь и Буковина, являвшиеся частью Австро-Венгрии. Эти территории, кроме Прешовской области, были возвращены в состав России (тогда называвшейся Советским Союзом) в 1939 и 1946 годах. Не следует также забывать, что Холмщина и Белосток – русские земли - были после 1945 года переданы правительством Сталина в состав новообразованного польского государства.

как бы оно ни называлось, есть «тюрьмой народов», что её обширность - результат насилий, коварства, захватов и агрессии, что великороссы, тупые, заскорузлые, страшные садисты, все 11 веков господствовали над другими народами, угнетая, порабощая, грабя, глумясь над ними и душа их свободу. В 1915 году, во время войны, Ленин (приведенные выше характеристики принадлежат ему), признанный большевистский вождь, писал, что из 22,8 млн кв. км территории 17,4 млн – настоящие колонии России, что из 170 миллионов ее населения 100 миллионов – угнетенные и бесправные рабы, которым надо отделиться, чтобы образовать самостоятельные государства.

Подобные взгляды, превращенные в поток статей, листовок, прокламаций, брошюр, ставшие частью партийной идеологии и программ, в Российской империи никого особенно не настораживали и не возмущали, не служили властям основанием для судебного преследования. Напротив, большевизм, грезивший о разрушении Государства российского, становился все популярнее, чтобы в 1917 году оказаться на его вершине и даже одержать победу в кровопролитной гражданской войне. Лишь волею обстоятельств распада России тогда не произошло, хотя идеи разложения, межнациональной розни и дискриминации русских пропитывали все сферы жизни страны, породив дробление единого государства на десятки разнообразных «республик» с наделением малых народов и народностей статусом «титульных наций». Более шести десятилетий эти фантомы больного воображения не проявляли признаков жизни, но затем они зашевелись, обрушив на страну идеи, ввергнувшие её в ещё одну смертельно опасную смуту, вроде тех, которые сотрясали Русь в начале XVII и в начале XX столетий.

Между тем проповедники этой бесстыдной и лживой идеологии, а позже и многочисленные её трансляторы не могли предъявить для доказательства её истинности ни единого убедительного факта, ограничиваясь голой публицистикой и грязной пропагандой, где фабрикуя домыслы, вроде измышлений о 100-летней войне русских с народами Кавказа, а где опускаясь до

подделок, как это, скорее всего, произошло с т.н. «Катынским делом». Фальсификатам несть числа и всего не перечислить. Но чего не сделаешь, если история для таких дельцов - не наука, собирающая, систематизирующая и анализирующая факты, а политика, опрокинутая в прошлое. Вот и превращается прошлое в собрание анекдотов, фантазий, версий, гипотез, слухов, вымысла, отсебятины, вздора, словом – в несъедобное варево, предназначенное не учить и просвещать, а калечить и ломать сознание людей.

Российские и иностранные архивы содержат множество документов, которые доказывают прямо противоположное тому, что так энергично, настойчиво и голословно стараются втолковать вроде бы непримиримые противники в политике - большевики-коммунисты и либералы-антикоммунисты. Созданы и опубликованы солидные и научно-безупречные труды, посвященные прошлому Государства Российского, в которых не раз и не два эти свидетельства подвергнуты тщательному анализу. Что же они доказывают?

Во-первых, что русская история мало чем отличается от истории всех ныне существующих исторических государств, время существования которых превышает 1000 лет. При желании и усердии можно найти множество аналогий в развитии России, Франции, Испании, Великобритании и Китая. При этом, как бы велики ни были пространственные приобретения, которые сопровождали русское развитие, российское государство не изменяло своего этнического баланса, сохраняя русскую моноэтничность. (Русскими в этническом смысле этого слова являются великорусы, малорусы, белорусы и русины. Путаница началась с приходом к власти большевиков, предписавших, в угоду своей идеологической русофобии, считать каждую группу отдельной «нацией» и переименовавших великороссов в русских и малороссов в украинцев). Согласно данным переписи 1897 года в численности коренного населения Империи русских было 68,2%, а славян в целом (то есть вместе с поляками) 74,6%, по переписи 1989 года – русских 72,8% (в пределах РСФСР 88,7%). Следова-

тельно, в год начала политического кризиса, перепись определила долю нерусского населения – всего около 80 народностей - равной 17,2%. Таким образом, статистика опровергает расхожие утверждения как о многонациональности России, как и о том, что в конце XX века русские утратили в стране абсолютное численное большинство. Общая численность лиц иностранного происхождении при этом в 1897 и в 1989 годах составляла одну и ту же величину 4,2% - 5,12 и 11.97 млн соответственно.

Во-вторых, России, вследствие ее географического положения, не приходилось быть агрессором, инициатором войн, целью которых было покорение других государств и народов; наоборот – именно Россия на протяжении веков была объектом подобных домогательств, отбивая военные нашествия то с запада, то с востока, то с юга, не имея естественной защиты ни водными преградами, ни горными хребтами. Данный вывод отнюдь не исключает военных приобретений, но они исчисляются несколькими десятыми процента, что, само по себе, достойно удивления.

В-третьих, исконно-русские территории, «откуда есть пошла русская земля», бассейны рек Невы, Северной Двины, Днепра, Тисы, Прута, низовий Дуная, Дона, Кубани, Волги, неоднократно подвергались захватам и завоеваниям со стороны соседей, из-за чего России приходилось возвращать их, где применяя дипломатию, например, при разделах Речи Посполитой в XVIII веке, где силой оружия – например, в войнах с Польшей, Швецией, Османской Турцией и с жившим грабежом и набегами крымско-татарским ханством.

В-четвертых, 9/10 территории Государства Российского (как оно называлось, неважно) было присоединено в XVI-XIX столетиях в результате освоения и колонизации земель, свободных от какой-либо государственности, зачастую пустынных, тем самым не нарушая ничьего суверенитета. Это относится и к русским владениям в Северной Америке, площадь которых составляла около 3,7 млн. кв. километров, уступленных Вашингтону в 1867 году. Между прочим, до трети территории США осваивалось точно таким же способом. Только русские землепроходцы и

переселенцы двигались с запада на восток, а североамериканские колонисты с востока на запад. Колонизовать территорию - не значит колонизировать народы. Здесь, отметим, также существует важная терминологическая разница, которую клеветники России стараются замолчать или устранить.

В-пятых, присоединения территорий, имевших родовые, тейповые и тому подобные архаичные, изжившие себя институты, происходило вследствие челобитных о принятии в состав Российской державы. На протяжении столетий таких просьб и трактатов было множество. Упомянем лишь некоторые из них: Молдавские господари просили о русском подданстве в 1656 г., валашское боярство просило о русском покровительстве в 1737 г., курляндский сейм просил принять Курляндию и Семигалию в состав России в 1795 г., мегрельский царь просил о русском подданстве в 1638 г., кахетинский царь о русском покровительстве в 1641 г., имеретинский царь о том же в 1653 г., старейшины тушин, хевсуров и пшавов в 1657 г., армянские патриархи о покровительстве в 1724 г., клялись на верность России ханы шушинский и карабагский, шашинский, ширванский в 1805 г., просили о русском подданстве казахские и каракалпакские ханы в 1731 г, туркменские роды в 1745 г., туркмен-абдалы Мангышлака в 1802 г., малый казахский жуз в 1730 г., старший жуз в1733 г. Впервые такие акты были собраны в книге «Под стягом России», выпущенным в 1992 году издательством «Русская книга».

Конечно, реальное, фактическое присоединение происходило не сразу. Иногда обстоятельства требовали для реализации обращений о принятии «под руку русского государя» годы и даже десятилетия. В данном случае не это главное. Главное – в Государстве Российском, в православном русском царе многие народы и их правители видели сильного защитника, надёжного покровителя, в русских - родственный и дружественный народ. И по прошествии веков можно сказать, что ошибок на этот счет практически ни у кого не было.

Как оказалось, указанный архивный сборник был неполным. В него, наряду с другими, не попал акт, которому в 2010

году исполнилось 240 лет и который отчасти бросает новый свет на характер отношений, возникавших между Россией и народами горного Кавказа, в XVI-XVIII веках принимавших русское подданство, подобно тому, как это происходило с кабардинцами, осетинами, кумыками, многими дагестанскими племенами, чеченцами и ингушами.

Речь идёт о принятии присяги на верность России ингушскими старшинами, происходившей с 4 по 6 марта 1770 года в селении Ангушт, свидетелем чего стал академик Иоганн Гильденштедт, записавший свои впечатления в «Путешествии по Кавказу». 24 ингушских старейшины во главе с Гарси Чопановым и Сурховом Мирзахановым прибыли как «присланные от всего народа их общества» в Кизляр к русскому генералу И. Немичу с «доношением», в котором говорилось, что они имеют «усердное желание поступить в вечное подданство» и желают все «генерально криститца». Как пишет современный ингушский автор, «ингуши приняли подданство, присягали России благодаря своей свободной воле, разуму, согласно готовности, мировоззрению, мечтам и ожиданиям. Это исторический факт».

Скрепленные священными клятвами, такого рода договоры о вхождении в состав Государства Российского приобретают нерушимую силу, и их нельзя, подобно торговым сделкам, ни разорвать, ни прекратить, ни изменить - ни тем, кто их заключил, ни их потомкам.

Словом, вопреки устоявшимся заблуждениям, можно делать вывод, что весь Большой Кавказ присоединился к Российскому Государству, как правило, на основе добровольного волеизъявления народов и племён, его населявших. Альтернативой для них было покорение восточной части персами, а западной - турками. Что касается т.н. «кавказской войны», которую якобы вели против России племена горного Кавказа чуть ли не на протяжении всего XIX века, то здесь мы имеем дело с недоразумением. Термин «война» вошел в исторические и художественные труды из офицерской лексики той поры, не видевшей особой разницы между военными операциями против вооруженных

банд, мародёрствующих бунтарей или государств, воевавших с Россией. Что же было на самом деле? Возмущения отдельных горских племен, образ жизни которых издревле сводился к бандитизму и работорговле, которые продолжаются до сих пор. Восстания, инспирированные в горах Кавказа геополитическими противниками России, что не стало и теперь «предметом глубокой старины». Мятежи, время от времени разгоравшиеся из-за злоупотреблений и дурости местных русских чиновников. Было бы странно не увидеть их в «первой» и «второй» «чеченских войнах». Наконец, кровавые междоусобицы, обычные при родоплеменном образе жизни, и в наши дни сталкивают осетин и ингушей или черкесов и карачаевцев.

При желании «столетние войны» можно выдумать в любом государстве, имеющем в своём составе какой-нибудь обширный горный край. Например, в истории Китая, владеющего Тибетом и Синьцзяном, Франции, владеющей Корсикой, Испании, владеющей Басконией, или Британией, владеющей Шотландией. В каждом из таких малодоступных регионах время от времени появляются свои «робин-гуды», смысл жизни которых сводится к грабежам, нападениям, диверсиям и терроризму. Однако китайцы, французы, испанцы и англичане, в отличие от русских, не возводят метафоры, гиперболы и прочие «робинзонады» в ранг непреложных исторических фактов, не заполняют ими свои энциклопедии и не забивают вымыслом и вздором библиотеки, школьные учебники и телесериалы, чтобы не плодить тысячами мансуров, шамилей или дудаевых в каждом новом поколении.

К 1913 году население Государства Российского составляло 174 млн чел., а ее территория – 22,3 млн кв. км. За восемь веков своего развития численность населения выросла в 124 раза, а ее территория увеличилась в 17,5 раз. Согласно статистическим данным по «народностям и племенам» население Империи составляло: русских 65,5% (великорусы 66%, малорусы 27%, белорусы 7%), турко-татар 10,6, поляков 6,2, финнов 4,5, евреев 3,9, литовцев 2,4, немцев 1,6, картвельцев 1,1, горцев 0,9, армян 0,9, монголов 0,4, прочих 2,0%.

Через 76 лет, после ряда территориальных изменений, вызванных событиями русской гражданской и второй мировой войн, в том числе - с возникновением польской, финской и еврейской государственностей, население Государства Российского «по народностям и племенам» в 1989 году не претерпело сколько-нибудь существенных структурных изменений и составляло 286 млн чел., в том числе: русских 71,5%, тюрко-татар 18,4, литовцев 1,6, картвельцев 1,4, горцев 3,0, армян 1,7, монголов 0,3, прочих 6,7%.

Очевидно, что в XIX-XX столетиях в России, население которой было многонародным с очевидным русским доминированием, существовали необходимые предпосылки для формирования нации. Но этого не произошло. Оба начала, ее создававшие, подверглись в этот период испытанию на прочность, происходя в крайне противоречивых формах.

Кризисы становления

В течение XIX века практически не происходило русификации инородного и инославного населения окраин. Финляндия с 1809 по 1917 год была фактически на положении полунезависимого государства, соединенного с Россией лишь общей династией. Их разделяла таможенная и полицейская граница. Разговорным и даже делопроизводственным языком Прибалтики являлся немецкий, а не русский. Поляков, дважды в XIX столетии поднимавших мятеж в Привислинском крае, снедала русофобия. Крайнее равнодушие было проявлено русскими властями к «украинизации» Юго-Западного края, лингвистически расчленявшей русских. В Бессарабии действовали гражданско-правовые установления, сохранившиеся от периода турецкого владычества. Уровень развития обширных пространств Средней Азии, присоединенных лишь в 60-70-е годы, соответствовал XIII веку. Сами русские еще только осваивали всеобщую грамотность, и до образованности, воспитанности и просвещенности было еще очень далеко. Методы управления, перешедшие от предыдущей эпохи, явно не успевали за стремительными темпами культурно-

го, экономического и хозяйственного роста. Вместо того чтобы снимать проблемы, проводившиеся властями реформы их лишь усугубляли, оборачиваясь социальными протестами в виде дворянского фрондерства, крестьянских волнений, рабочих забастовок и еврейского радикализма. Две войны, - 1904 и 1914 годов, победы в которых могли стать консолидирующим фактором, обернулись поражениями – не столько военными, сколько идеологическими. В сущности, бюрократия парализовала и дискредитировала традиционную власть.

Неизбежная в этих условиях революция, первые всполохи которой относятся к 1902 году в форме массовых бунтов крестьян, спровоцированные неурожаем и последовавшим голодом во многих губерниях, закончилась, пройдя целый рад этапов, только в 1934 году, создав новый хозяйственный уклад, политический строй, экономическую систему, государственное устройство, форму правления и сменив господствующее мировоззрение и официально доминирующую идеологию. В результате всех этих изменений динамика развития страны ускорилась, но строительство нации было на какое-то время остановлено.

Большевики, захватив власть в стране и установив режим «пролетарской диктатуры», все годы своего правления реализовывали догмы марксизма-ленинизма, которые предписывали создавать привилегии для нерусского меньшинства и одновременно особые формы угнетения для русского большинства. Более чем на половине территории страны, переименованной в Советский Союз, ими были созданы «национальные» квазигосударственные союзные и автономные республики, области, округа и районы, власть и ресурсы в которых, а также искусство, образование и пропаганда, были предоставлены в монопольное пользование иноязычным антирусским этническим кланам. Все изменения, которые происходили в России на основе коммунистической идеологии, можно описать одним словом – русофобия, а её символами – химеры «советского человека», «советского народа» и «советского общества».

Вместе с тем возникновение наций – процесс объективный. Их создают большие государства и выдающиеся победы – прежде всего военные. И, конечно же, – магнетические, энергетические свойства этнического ядра и народного центра, при ослаблении которых периферийные зоны, подчиняясь действию центробежных сил, начинают отпадать и осыпаться[3]. Но когда эта сила восстанавливается, она опять, словно магнит, их притягивает, вовлекая в свою политическую орбиту, чему свидетельствует история Китая, где подобные процессы наблюдались и в середине XIX, и в первой половине XX века.

Приостановленный в начале прошлого века, процесс создания русской нации, что занимает многие десятилетия, возобновился в период Великой Отечественной войны[4] и продолжился, вопреки отмеченным препятствиям, в последующие годы. Сверхдержава, каковой стала Россия во второй половине XX века, не могла не быть русским национальным государством и государством-империей. И политический режим, пропитанный ядом ненависти к России и русским, не мог существовать вечно. Он закономерно разложился и сгнил изнутри. Погибая, ему удалось-таки увлечь страну в новую смуту, восстановив против рус-

---

[3] В этом отношении характерна история Австрии или Восточной империи, где отсутствовали этническое ядро и народный центр, роль которых по объективным причинам не смогли выполнить ни немцы, ни мадьяры, ни чехи, из-за чего так и не возникло австрийской нации, что и предопределило распад страны, который продолжается весь XX век. Аналогична неудача с созданием искусственной Югославии, в которой также не было этнического ядра, и сербы, становой хребет этого государственного проекта, благодаря антисербской политике Тито не имели после 1945 года ни численного большинства, ни политических преференций.

[4] В отличие от Первой мировой войны, которую в России совершенно справедливо назвали Второй Отечественной, поскольку её целью со стороны немцев, в случае их победы, было упразднение и расчленение Государства российского, название войны Великой Отечественной не совсем правильно. Здесь целью немцев было не только расчленение России, но главным образом уничтожение русской нации – и потому для России она являлась Великой национальной войной.

ских иноязычные окраины, «внутренние республики», вскормленный им в самом конце русский областнический сепаратизм и, наконец, созданную в его недрах денационализированную бюрократию.

Если в революции начала XX века главное противоречие заключалось в существовании изживших себя социально-экономических отношений, прежде всего по поводу земли, и поэтому она была, прежде всего, социальной революцией, то в революции конца XX века - начатой, но отнюдь не завершившейся - это противоречие выражается в наличии изживших себя межэтнических отношений, в политической и экономической дискриминации русского большинства, и поэтому она не может быть ничем иным, как русской национальной революцией.

Сейчас, когда процесс ниспровержения прежних и создание новых отношений в Государстве российском далек от завершения, практически невозможно, да и не нужно тратиться на предсказания того, как будут в дальнейшем развиваться события, какие формы приобретет борьба нации за своё существование. Ясно только, что она неизбежно будет выражаться во все более острых формах. Так как речь идет о становлении нации, а её квинтэссенцией является мировоззрение и идеология, то основным полем сражений за русское будущее неизбежно оказывается не только улица (что даст ей массовую мобилизацию волонтёров), но прежде всего массовое сознание, ибо именно сознание определяет бытие, идеология определяет политику и реальное политическое действие, мировоззрение определяет стратегию развития.

Отнюдь не случайно все силы, противодействующие русской национальной революции и становлению русской нации (прежде всего, бюрократия, олигархия и кучки этношовинистов всех мастей и оттенков, составившие одну антирусскую коалицию), обрушились на единственную авторитетную, эффективную и мобилизующую форму национального самовыражения – на русский национализм. Вполне логичный враждебный шаг, так как не может быть нации без национального сознания, а нацио-

нализм и является таким сознанием, скорее даже самосознанием, самопознанием, духовным самоопределением нации, её положительным отношением к самой себе. Нет необходимости подвергать нацию физическому уничтожению, если есть возможность предотвратить ее становление за счет подавления, шельмования, дискредитации её национализма, то есть её мировоззрения. А когда удается подавить национальное мировоззрение, из того, что могла стать нацией, можно делать все что угодно, вплоть до нравственного разложения или физического устранения. Это доказывает трагическая судьба несостоявшейся польской нации, у которой в прошлом была такая возможность, и которая ныне продолжает существовать в виде этноса, и жалкая участь этнических осколков несостоявшейся австрийской нации, ставшей жертвой победившего этноэгоцентризма.

Нельзя исключить, что переживающая критическую фазу своего развития Россия может оказаться в положении, в котором находилась Австро-Венгрия сто лет тому назад, или в котором пребывала Германия сто пятьдесят лет тому назад. Ничего не предопределено, и многое зависит от случайного стечения обстоятельств. Одно государство было разрушено изнутри, другое, расчлененное на 40 частей, срослось, превратившись в самую мощную державу Европы. Известно, что судьбу войны на море между русским и японский флотами, а тем самым результаты всей русско-японской войны и ход мировой истории, решили один снаряд с японского броненосца, попавший в русский броненосец по время сражения в Желтом море и поразивший русского командующего, и один русский снаряд, попавший во время Цусимского боя в японский флагман, не повлекший за собой взрыва снарядного погреба и гибели корабля вместе с японским командующим. Случай в истории не менее важен, чем закономерность.

Германия превыше всего, - самозабвенно пели немцы от Рейна до Вислы. И с этим никто ничего не мог поделать. Америка для американцев - такова была доктрина североамериканского конгресса, и мир принял её как должное. Россия для русских -

заявил о себе русской национализм, рождение которого овеяно именами царя Александра III, генерала Скобелева и писателя Достоевского, повергая в ярость всех русофобов и врагов России. И этот принцип, ставший лозунгом нового этапа русской духовной реконкисты, тоже будет незыблем. Ныне его разделяет, если верить социологическим опросам, более 58% населения страны. Эти данные свидетельствуют, что русская нация все еще находится в состоянии кризиса, но вместе с тем разве это не симптом её духовного выздоровления?

Идеологический порок коммунизма

Путаница в понимании русским обществом основополагающих факторов современной мировой и русской истории до настоящего времени не позволяет утвердиться русскому национальному мировоззрению. Она имеет глубокие корни, начало которым было положено, прежде всего, вульгарным, примитивным, ненаучным характером русской социал-демократии, взявшей себе в качестве идеологической платформы не научные, а публицистические работы Маркса. Превратившись, благодаря известному стечению обстоятельств в начале XX века, из узкой оппозиционной секты в правящий слой России, переименовавшийся к тому времени в «советских коммунистов», они на протяжении более чем семи десятилетий насаждали в массовом сознании свои деструктивные представления. Мёртвые держат живых до сих пор.

Пока в России господствовала марксистско-ленинская доктрина, власть коммунистической партии, русское большинство (то есть великороссы, малороссы и белорусы) составляло угнетаемую, нещадно эксплуатируемую властью, подавляемую и унижаемую часть общества. Ничего подобного нельзя найти в новой и новейшей истории ни одной страны мира.

Источник противоестественного антагонизма власти и большинства населения России заключается в природе русской социал-демократии. Ленин считал возможным публично называть великороссов и малороссов «медвежьи-дикими мужиками»,

русских в целом – «нацией рабов». Показательно, что в отношении других народов России ничего подобного не позволялось. Наоборот, в статьях «Ильича» можно найти весьма комплиментарные суждения относительно поляков, финнов и евреев. Но когда речь заходила о русских или великороссах, тут из «пламенного революционера» гневные эпитеты лились рекой. Он утверждал: «В России 43% великоруссов, но великорусский национализм господствует над 57% населения и давит на нации»; «великороссы совершают насилие над другими народами»; «великоруссы в России нация угнетающая»; «черносотенный великорусский национализм»; «… в России великороссы не столько объединили, сколько придавили ряд других наций».

Национальная доктрина коммунистов в России свелась не только к искусственному противопоставлению русских другим народам России, но и к целенаправленному созданию, когда они пришли к власти, этнических противоречий внутри самого русского народа, его насильственному расчленению по племенным кастам. Великороссы, о которых Ленин не уставал писать памфлеты перед 1917 годом (притом что самого себя он называл «великоросским социал-демократом») были переименованы в «русских», малороссы – в «украинцев», белорусам хотя и оставили их имя, но внушали, что русскими они не являются.

Если до 1917 года в русском сознании и в официальной практике все *подданные* Российской империи, независимо от этнического происхождения, считались русскими, подобно тому как именовались русскими её армия, военно-морской флот и все государственные и общественные институты, то после 1917 года понятие «русский» было сохранено (скорее всего, как позорное клеймо) только за великороссами, хотя само это слово было запрещено к употреблению. Русское сменилось «советским», но это было не простое лингвистическое замещение. Оно имело глубокий мировоззренческий и мистический смысл.

Русским коммунистам, в отличие от коммунистов других стран мира, всё русское было ненавистно до такой степени, что они не остановились перед тем, чтобы в максимальной степени

вычеркнуть из повседневной жизни термин «русский» и все производные от него. Скорее всего эту ненависть они усвоили, постигая труды «основоположников», которые всю жизнь испытывали к России и русским одно пламенное чувство – лютой ненависти.

Теперь, после того как в России, якобы, произошла «демократическая революция», и власть оказалась в руках противников «коммунистов», политика по отношению к русским ничуть не изменилась. «Советское» исчезло повсеместно. Но на его место русское не возвратилось. Более того, чтобы не использовать столь ненавистное слово, из музейной пыли был извлечён навсегда, казалось бы, забытый и совершенно неуместный для наших дней термин «россиянин». Русские, русское, заменённые на «советские» и «советское», опять было переименовано – в «россиян» и «россиянское».

Нация оказалась явлением, смысл которого русскими социал-демократами так и не был понят, точно так же, как и вся совокупность национальных отношений. Так как «основоположники», оставившие множество оригинальных работ практически во всех общественных дисциплинах, не удосужились заняться всерьёз национальным вопросом, отдавая предпочтения социальным проблемам, то в начале текущего столетия русским марксистам пришлось самостоятельно осваивать непонятную, неведомую им тему. В точном соответствии с догматикой, уже тогда восторжествовавшей в их рядах (от чего своих последователей предупреждал сам Маркс), они определили нацию совершенно примитивно. В 1913 году Сталин, выполняя партийное поручение, написал брошюру «Марксизм и национальный вопрос», в котором его почему-то считали знатоком, возможно потому, что ценили как «чудесного грузина», где было написано: *«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры", "историческая категория эпохи подымающегося капитализма».*

Ни в момент выхода этот трактата в свет, ни в дальнейшем никто не обратил внимания на два существенных противоречия. Во-первых, в русском языке «исторически сложившаяся устойчивая общность людей» имеет собственное название, - народность и народ. Именно им присущи те качества, которые Сталин почему-то решил именовать нацией, быть может, не в последнюю очередь из-за того, что в 1913 году он ещё неуверенно владел русским языком. Не было никакой необходимости выдумывать дублирующий термин, синоним, который не принёс ничего нового. Во-вторых. Если нация представляет собой общность, свойственную «эпохе подымающегося капитализма», то почему все признаки, которые ей приписаны, относятся к периодам развития, отделённым от «капитализма» на сотни и тысячи лет? Ни язык, ни территория обитания, ни сложившиеся условия жизни, ни психический склад ничего общего не имеют с системой капиталистических экономических отношений, первоначально возникших, согласно тому же марксизму, не ранее XVI-XVII столетий на севере Апеннинского полуострова и на юге Британских островов.

Пока марксисты, словно тетерева на току, кудахтали о благости «интернационализма», предавая анафеме национализм, за который они выдавали этнический шовинизм народов, которым история не предоставила возможности стать нациями, пока они выдавали народы за нации на какой-то более высокой ступени их развития, в мире действительно возникли и утвердились новые человеческие общности, для которых у марксистов не нашлось подходящего названия. Оказывается, нациям (а то были именно они), присущи какие-то иные качества, нежели те, которыми обладают народы, хотя народ и нация, конечно же, суть «исторически сложившиеся устойчивые общности людей». Но всё дело в том, что природа этих общностей различна. Именно поэтому русскому языку, которым владела общественная и научная мысль, потребовался новый термин.

История с марксистской теорией нации имела своё продолжение. В связи с очевидными противоречиями, которые стали

обнаруживаться между реальными политическими процессами и теоретической схемой, Сталину его товарищи по партии в 1929 году предложили дополнить четыре признаки нации пятым – наличием своего собственного обособленного национального государства. Сталин ответил статьёй «Национальный вопрос и ленинизм», в которой, высмеяв предложение, привёл развёрнутую аргументацию, заполненную собственными предубеждениями пятнадцатилетней давности.

Таким образом, на протяжении всех лет партийного господства и даже теперь, когда авторитарное правление аппарата КПСС оказалось формально низвергнутым (формально, потому что всё той же партноменклатуре принадлежит действительная власть в новоявленных государственных образованьях – от Прибалтики до Туркестана), в русском обществоведении доминирует сталинская концепция национального вопроса. Сущность этой концепции, не вышедшей фактически за пределы политической гипотезы, сводится к тому, что нация приравнивается к народу, то есть этносу. Между ними поставлен знак тождества. Отсюда те легкомысленные и противоречащие здравому смыслу утверждения, что в пределах России проживает почти 200 наций, что она является многонациональной страной, антинаучными утверждениями, перекочевавшими из декларативных документов КПСС в столь же декларативную Конституцию РФ.

Национализм и будущее России

Подменив понятие «народ» понятием «нация», выражая содержание первого через второе, фактически отказавшись в научном смысле от признания объективного существования *национальных* общностей, отличных по своей природе от *этнических* общностей, коммунистическим правителям советской России пришлось выдавать за нации разнообразные этносы (народы и народности), зачастую находящиеся на примитивном, родоплеменном, варварском уровне развития. Но если игнорировать или не понимать разницы между чеченцами и русскими, тибетцами и китайцами, басками и испанцами, то, следовательно, нет никакой

разницы и между процессом этнического обособления и процессом национального воссоединения, между продолжением развития традиционной государственности в современных условиях, и процессом борьбы за разрушение национальной государственности в целях создания пресловутой этнически однородной государственности.

Коммунисты, придавшие одной только классовой борьбе позитивное историческое значение, зачислили в её актив и создание крупных, консолидированных современных государств, таких как США, Германия, Италия или Великобритания. В Коммунистическом манифесте, этом гимне буржуазно-капиталистическому прогрессу, написанному в 1847 году, содержатся все аргументы на этот счёт. И здесь же обнаруживаются истоки того отрицательного значения, которое придавали, в противоположность процессу создания крупных капиталистических государств, так называемому «национализму», который в доктринёрской интерпретации русских марксистов оказывался формой этнического сепаратизма, борьбой мелких, отсталых, реакционных народов с движением «локомотивов истории» - передовых, прогрессивных наций, где на конечной станции, к которой они обязательно прибудут, уже написано золотыми готическими буквами – «коммунизм».

Отношение русских коммунистов к национализму характеризует пара выдержек из «ленинского наследия»: «Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый справедливый, “чистенький”, тонкий и цивилизованный». Эта несовместимость обусловлена некими присущими ему якобы изначально готтентотскими свойствами: «Реакционный или черносотенный национализм стремится обеспечить привилегии одной из наций, осуждая все остальные нации на подчинение, неравноправное и даже совершенно бесправное положение»; *«Буржуазный и буржуазно-демократический национализм, на словах признавая равноправие наций, на деле отстаивает (часто тайком, за спиной народа) некоторые привилегии одной из наций и всегда стремится к достижению больших выгод для “своей” нации (т.-е. для бур-*

жуазии своей нации), к разделению и разграничению наций, к развитию национальной исключительности и т.д. Толкуя больше всего о "национальной культуре", подчеркивая то, что разделяет одну нацию от другой, буржуазный национализм разделяет рабочих разных наций и одурачивает их "национальными лозунгами"»; «Воинствующий буржуазный национализм, отупляющий, одурачивающий, разъединяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии, - вот основной факт современности».

Теперь, когда «русский коммунизм», зачастую считающий себя православным и кощунственно представляющий Христа «первым коммунистом», имеет за плечами не только абстрактные теоретические разработки, но и практику властвования, окончившуюся, правда, крахом марксистско-ленинских доктрин, разрушившим некогда целостный русский мир, а «русский либерализм» вылез из-под благочестиво-сладостных общечеловеческих сентенций чавкающей плотоядной харей, готовой принять непосредственное участие в разрушении и уничтожении русской цивилизации, спросим себя: какая доктрина, какое мировоззрение, овладев массами и став материальной силой, в состоянии предотвратить грозящую катастрофу? Быть может, не случайно коммунисты и либералы, являясь политическими противниками, не сговариваясь, отнесли русский национализм к самым опасным явлениям современности? Для них торжество национализма было бы настоящей трагедией – чем-то вроде биржевого краха (для либералов) или выноса праха вождя из мавзолея (для коммунистов). И они, как бы это ни казалось парадоксальным, правы.

Наступление периода господства русского национализма, превращение его идеологии в основную общественную силу означает не только поражение либеральных и коммунистических утопий на русской почве, но и изгнание его носителей из всех властных государственных и влиятельных общественных институтов России. Именно подобная перспектива и превращает этих вроде бы непримиримых противников, демонстративно ссорящихся по обе стороны публицистических баррикад, в негласных, но действительных политических союзников, договаривающихся

за кулисами публичной политики, как задавить общего врага. Копайте, господа и товарищи, копайте! Вас ждёт замечательная перспектива - очутиться в одной помойной яме истории!

Русскому общественному сознанию необходимо освободиться от фантастических нагромождений вокруг понятий и определений Им надо придать истинный смысл. Что сначала прекратит все споры, а потом обеспечит ясность в политике: сорвет все маски с мнимых друзей народа и очистит национализм от напластований чуждых ему суждений и клеветнических ярлыков.

Если либеральная доктрина вообще не считает необходимым дальнейшее существование России и готово отдать её всю без остатка в руки натовских миротворцев, а коммунистическая доктрина готова вновь растворить Россию в новом издании Советского Союза, о чём не устают заявлять лидеры многочисленных коммунистических партий, то *русский национализм рассматривает Россию или Государство Российское как исторически сложившееся в течение более чем 1000-летнего развития, обусловленное геополитическими законами и потребностями русской нации государство, обнимающее более чем 24 миллиона квадратных километров суши.* В отличие от коммунистов и либералов, с необыкновенной лёгкостью дарящих и отдающих русские земли кому попало, стратегия русского национализма состоит лишь в их безоговорочной защите и дальнейшем приращении жизненного пространства. Именно преданность такой России, чувство любви к такому отечеству и является русским патриотизмом.

Для либерализма и коммунизма нет особой разницы между нацией и народом или этносом. Нация для них - это тот же народ, но только достигшей более высокой ступни в своём развитии, а потому имеющий моральное и правовое основания на политическое самоопределение, создание собственной государственности, даже если для совершения этого процесса потребуется разрушить уже существующее государство. *Русский национализм считает народом возникшую в результате естественноистори-*

ческого развития устойчивую этно-социальную группу, сложившуюся на основе племенного родства, общего языка и общности территории обитания. Русским, следовательно, является народ, состоящий из великороссов, малороссов и белорусов, сообща сформировавших экономические, хозяйственные, общественные, культурные, духовные и государственные традиции России.

В отличие от народа, н*ацией* является исторически обусловленная форма *политической организации населения.* Это не иное воплощение народа, тем более не «высшая фаза его развития». Возникновение национальной общности связано с *отмиранием* основанной на земледелии средневековой крестьянско-ремесленной общественной политической организации во главе с сувереном-монархом или сувереном-сословием и *возникновением,* в качестве доминирующего, индустриально развитого хозяйства и городского уклада жизни, при котором суверенитет осуществляется самим населением, точнее – гражданами-собственниками, образующими качественно новую общность – нацию. И тогда возникает государственность нового типа - национальное государство. *Нацией поэтому следует признавать такую устойчивую этно-социальную, культурно-историческую и духовную общность, которая сложилась в процессе формирования современного государства и укоренения высокоразвитой экономики и культуры.*

Обычно нация формируется вокруг народа или группы родственных народов, несущих на себе основную нагрузку государственного строительства и создания единого хозяйственно-экономического и культурного мира. Отсюда следует, что *русской является нация, этно-политическим ядром которой является русский народ, включающая иные многочисленные народы, тесно связанные с русской культурной, духовной, экономической и государственной традицией*. В отличие от русского народа, который существует, по крайней мере, шесть веков, возникнув в эпоху Куликовской битвы, русская нация, ещё только создаётся, ещё только формируется, преодолевая множество препятствий.

Её становление, точно так же, как и превращение многонародной России в национальную Россию – задача текущего исторического периода.

Правильное понятие национализма вытекает из правильного понятия нации. Вообще говоря, национализм есть мировоззрение нации. *Русский национализм является мировоззрением русской нации, выражением в политике русской идеи, которая, в свою очередь, состоит в стремлении воссоздать и сохранить русский народ как единый социо-биологический вид, укрепить его соборный дух и его государственность.* Осуществление русской идеи заключается в реализации «проекта» Российской Империи как высшей формы российской государственности, который обеспечивает русской нации необходимый прирост населения, жизненное пространство и материальные ресурсы, соответствующие её историческим масштабам и самобытности.

Русский национализм стремится к объединению всех в совместном служении Отечеству и общенациональным интересам. Он относится с глубочайшим уважением к каждому человеку, независимо от его происхождения, но в меру своих сил выполняющему личную часть общенационального русского долга. Он есть способ исполнения исторической миссии русской нации на земле. Русский национализм отрицает шовинизм, поскольку это есть дурное воспитание нации, он не приемлет космополитизм – отсутствие всякого воспитания, ему враждебен интернационализм – каторжная работа нации для чуждый ей целей (И.Солоневич). Национализм обеспечивает нацию внутренней силой и элементарным порядком в своём государстве. Он обеспечивает нацию правдой о её истории, о её настоящем и будущем. Он создаёт непреодолимые препятствия для любой формы какой-либо национальной деградации, тем самым пробуждая внутреннюю мощь России. Именно поэтому идеологически национализм несовместим и с коммунизмом, и с либерализмом, которые его одинаково страшатся.

Русский национализм на сегодня единственное мировоззрение, за которым, в отличие от коммунизма и либерализма, нет ни

поражений, ни предательств. Вместе с тем очевидно, что имея только в пределах РФ не менее 20 миллионов сторонников (что доказывается исследованиями социологов) русский национализм до сих пор не проявил себя в политически организованной форме. Причина такого положения состоит в том, что его идеи ещё не стали убеждением экономически господствующего класса общества или же класса, объективно готового к завоеванию такого господства.

Русский национализм – мировоззрение, опирающееся не на морально угнетённых или физически слабых. Это идеология самодеятельной части русского населения, которая способна к проявлению воли, силы и реванша, кто стремится к власти в своей стране, к могуществу и славе России. Либералы не без основания страшатся русского национализма, потому что власть национализма несовместима с любыми проявлениями космополитизма или американизма, с противопоставлениями частных или личных интересов национальным потребностям и задачам. И коммунисты, в свою очередь, не зря видят в национализме своего потенциального противника, поскольку он нетерпим к интернационализму, особенно к отрицанию, игнорированию или ущемлению ведущей, определяющей роли государствообразующих народов, а если речь идёт о России – то, прежде всего, русского народа.

Выход из понятийной неразберихи

Национализм – в любом смысле этого слова – сегодня нуждается в интеллектуальной реабилитации. Имея в виду тот факт, что на протяжении почти всего XX века, благодаря официальной идеологии, которая у нас господствовала, это слово в самых разных смыслах дискриминировалось, опошлялось, обвинялось и так далее.

Национализм – это идеология, и по своему смыслу он чужд коммунистической и либеральной идеологии. Потому что в идейной основе национализм опирается непосредственно на народ и его исторические достижения, а его противники – на умо-

зрительные представления, которые этому народу стараются навязать и принудить его к жертвам в чью-то пользу.

Нация – это политически организованное коренное население великого государства. Все, что не организовано политически к нации не относится. И даже если черты нации определяются религиозными представлениями (в России – православием), нация складывается не в Церкви, не в религиозном поведении, а в политических баталиях.

Этнография насчитывает в современном мире примерно две тысячи этнических единиц. Значит ли это, что в современном мире две тысячи или хотя бы двести наций, и что народы и нации – это синонимы? Если бы это было так, то политическое сознание требовало бы своей государственности для каждой нации. Но ныне существует почти двести формально суверенных государств. В середине прошлого века их было менее 60. Это означает, что подавляющее большинство народов не способно к политической самоорганизации, чтобы хотя бы выдвинуть требование политического суверенитета. Умножение государств на поверку оказывается явлением не нации и ее воли к суверенитету, а следствием работы антинациональных сил, стремящихся превратить великие государства в россыпи малых государствиц, лишенных такой воли. Формальный суверенитет без государственного величия. Ложный суверенитет с открытыми границами и зависимыми от внешних сил правительствами. Фиктивные нации с отсутствующим национальным самосознанием. Все это – признаки современного мира, порабощенного олигархией.

Нация немыслима без великого государства. Признаки нации - высокая культура мирового уровня, колоссальная военная, технологическая, промышленная мощь. Без всего этого формальный суверенитет достается народу, который по прихоти политической истории оказался владельцем какого-то политического субъекта в виде государства – типа Люксембурга, Дании или Непала. Но жители такого государства - не нации, а этносы, или, на худой конец, народы с квазинациональными признаками,

лишенными внутренней потенции к становлению политического единства.

Мы должны сделать вывод о том, что на сегодняшний день существуют всего лишь десять-пятнадцать наций, творящих историю человечества. Именно они определяют магистральный путь развития мира. Среди них - русская нация, которой пытаются внушить, что ее не существует или не должно существовать. И тем самым убрать русских из истории, расчистив путь другим нациям, стремящимся сложить будущее для себя.

Национализм – это самосознание нации, совокупность взглядов нации на самое себя и на свои святыни, идеалы и интересы. И поэтому за отрицанием национализма - что сейчас делают либеральная идеология и бюрократическая власть - скрывается отрицание права русской нации на существование. Существовать великая держава в современных условиях может только при господстве национализма в самосознании ее населения. Поэтому мы стоим на переломе исторических эпох: либо национальная революция утвердит продуктивные и спасительные для страны формы национализма, либо России докажут, что нации в ней больше нет, и тогда наш исторический путь будет завершен, а наш суверенитет поделен между существующими нациями.

Пять столетий, с момента прекращения татаро-монгольского господства, история русской державности чередует шесть десятилетий взлета, которому предшествует сорок лет глубокого кризиса и переворота всех социальных отношений – экономических, духовных, политических, государственных. Но наши революции не сводятся к разрушению отживших форм, они всегда созидательны. Революции в России – предпосылка и условие развития, которые оказываются невозможными, если ограничиваться эволюционными процессами. Эволюции чужды русской природе, русскому характеру, русским пространствам и русскому способу производства.

Что создает революция, которая началась в конце 80-х годов XX века? Она создает новое социальное качество – русскую нацию и, следовательно, русское национальное государство.

Русские как этнос существуют второе тысячелетие (в современной форме, которую мы несем в себе как историческую память – около шести столетий). Как и русская государственность, изначально раздробленная и не ведающая пользы от государственного единства, а позднее единая и неделимая. Но создание русской нации в самом разгаре. В начале XX века национальным силам, уже осмыслившим задачи становления нации, не удалось подвигнуть власти и народ к национальной революции. Вместо национальной разразилась крестьянская революция. Кресты с церквей сносил крестьянский сын, которому либералы и марксисты внедрили в голову примитивные ответы на вопросы: как жить? зачем жить? Мода интеллектуалов на антигосударственные идеи повлекла за собой всегосударственный погром и новое собирание страны в кровавых событиях гражданской войны. Вместе с этим собиранием вновь начали прорастать побеги национального самосознания, без которого распад страны был неминуем. И это самосознание истребило под корень весь слой «идеологов», источающих тлетворные представления о миссии Росси и русского народа.

Создание русского национализма - это объективный процесс, и все мы в нем участвуем независимо от того, как к нему субъективно относимся. Как и во всех остальных частях земли, когда происходил процесс становление наций, будь то во Франции, в Испании или на Британских островах, это не всем нравилось. Речь идет не о сословиях, а об этно-социальных группах. Процесс строительства нации, зачастую болезненный, поглощает народы, неумолимо растворяя в этой нации множество этнических элементов.

Малочисленным этносам, у которых нет и не может быть ресурсов и условий для превращения в нации, суждено быть вовлеченными в жизнь крупных наций. Из элиты, ориентированные за замкнутость и сохранение архаических привилегий, негативно реагируют на этот процесс. Примерно как прибалты или грузины - на создание русской нации и на поглощение их вмещающего ландшафта (если использовать термин Гумилева) го-

сударством Российским. Это естественная реакция, и мы ее можем объяснить и понять. Но принять и согласиться с нею мы не можем ни при каких условиях. Потому что мы, русские, не хотим сами стать материалом для становления мощи других наций.

Для нас все враждебные частности мелких этносов (а они касаются лишь нескольких этносов из более чем 150, зафиксированных в России, и даже только отдельных их фрагментов), не могут иметь определяющего значения, так как поглощение (а точнее, - соединения в нацию) есть элемент и эпизод создания великой державы, но уже на новом историческом уровне – как великого национального русского государства. Страх ассимиляции должен быть преодолен, и будет преодолен, как только власть антинациональной бюрократии будет сломлена. Потому что национальная ассимиляция не предполагает уничтожения домашних культов и ценностей народов, но созидает новое единство – политическое.

«Русский народ» и «русская нация» – это и количественно, и качественно разные явления. В науке, в отличие от публицистики, нет путаницы, которая смешивает эти понятия. Русский народ изучается этнографией и этнологией, а русская нация - политологией. В чем-то эти сущности напоминают русскую матрешку. В цельном, собранном виде это русская нация - примерно 300 миллионов. В сердцевине – великороссы, около 150 миллионов. Их обнимает общность русских как народа, состоящего из великороссов, малороссов и белорусов. Это более чем 200 миллионов. Еще более широкая общность добавляет еще 100 миллионов - примерно 150 этнических единиц – народов, народностей и мелких этнических групп, вовлеченных в орбиту русского национального, культурного и государственного строительства. Ничего необычного для государства мирового уровня в таком построении нации нет. В Китае и Индии происходит то же самое. Уникален не процесс сам по себе, а нации, которые рождаются каждая по-своему и утверждают собственное национальное бытие.

Что касается современной ситуации в России, то самый главный противник или самое главное препятствие на пути создания русской нации – это узурпация власти бюрократией. Бюрократия – это организованный клан или каста чиновничества, которая узурпирует власть. На пути к русской демократии у нас встала бюрократия. Здесь без столкновения, без политической борьбы не обойтись. Ведь власть бюрократии не единожды на протяжении русской истории приводила нас к политической катастрофе. Николай I говорил с горькой иронией: «Россией правлю не я, а сорок тысяч столоначальников». Бюрократия съела коммунистический режим. В современном состоянии бюрократия узурпировала власть в результате двух государственных переворотов – в 1991 и 1993 годах - и пожирает страну, словно саранча.

Русская нация создается. Она была задержана в развитии событиями двадцатого столетия. Сейчас происходит формирование нации, а следовательно – и утверждение национализма. И это очень не нравится всем врагам России. Идейно они уже проиграли. Русский национализм как умонастроение и как политическая теория уже предъявил свои претензии на домнантное положение в России. Но бюрократия еще держит нацию в своих тисках. От того, сумеем ли мы преодолеть тираническую силу бюрократии и охраняемую ею космополитичную олигархию, зависит будущее России. Либо Россия и русский национализм, либо бюрократия. Компромисса между ними быть не может.

Сберечь нацию

Русские в неволе не размножаются[5]

Россия обрела полный суверенитет и превратилась в самодержавное государство в 1480 году, при государе Иване Третьем. Тогда русских было примерно полтора-два миллиона, а территория государства составляла около 430 кв. км. Рюриковичи оставили следующим поколениям государство через сто с лишним лет площадью в 5,5 млн. кв. км с населением в 5 миллионов человек. Династия Романовых, пришедшая им на смену, за триста лет увеличила размеры Российского государства до 22 млн. кв. км, а население до 150 миллионов. Затем наступил коммунистический период, продолжавшийся семь десятилетий. Революция, войны, нашествия внешних врагов, репрессии. И что же? К 1991 году территория государства была в основном сохранена. Она уменьшилась лишь на 300 тыс. кв. км. Зато народонаселение увеличилось до 280 миллионов.

Что произошло затем? Власть с 1991 года захвачена либералами. Территория страны уменьшилась на 5,5 млн. кв. км, причем самых плодородных и освоенных, политых кровью и потом десятков поколений русских людей, а население сократилось до 143 миллионов. Разумеется, речь не идет о гибели 140 миллионов наших соотечественников. Они стараниями либеральной политики оказались в «зарубежной России», в 18 государственных образованиях. Но зато общие демографические потери нашей цивилизации – а Россия не только государство, но и цивилизация, занимающая до 20 процентов земной суши - составили уже почти 30 миллионов человек. Лишь в пределах того, что с 1991 года стали называть «Российской Федерацией», статистика вымирания показывает более 600 тыс. потерь в год.

---

[5] Материал подготовлен на основании выступления С.П.Пыхтина на «круглом столе», организованной Клубом «Реалисты» и Институтом национальной стратегии 25 мая 2006 г. по теме «Сбережение нации: о чем не сказал президент» (Москва, Новый Арбат, 36)

Демократия и свобода в России, возможно, для кого-то и появились, зато покой и воля исчезли. Стремление к счастью, о котором грезит североамериканская цивилизация, прекрасно там размножаясь, в России оборачивается вырождением, деградацией и вымиранием населения, а покой и воля, о которой провидчески писал Пушкин, имея в виду русский мир, приводят к процветанию и росту.

Итак, на протяжении русской государственной истории население страны удваивалось примерно за 60-70 лет. При этом ничто не изменяло этой тенденции. Ни войны, ни эпидемии, ни неурожаи, ни пресловутые «сталинские репрессии». И вдруг тенденция роста была сломлена. Что же произошло? В современной русской истории совпали два тектонических явления.

С одной стороны, в России происходит то, что называют «цивилизационным сломом», но что, скорее всего, следует называть цивилизационным «переходом». От социалистической формации к капиталистической, от советского общества к русскому, от марксистско-ленинского типа государственности к государству национально-русскому, от атеистического массового сознания к религиозному. Способ существования меняется коренным образом.

Процесс объективен. Вспомним, с каким энтузиазмом его ожидали поколения 80-х годов прошлого века. Но переход этот требует расходования колоссальной человеческой энергии. Он затратен. Многие люди не в состоянии приспособиться к новым условиям и преждевременно уходят из жизни - она становится для них невыносимой. Потери эти, конечно же, могли быть минимальны, если бы характер власти был национальным, а не либеральным, если бы этот «переход» сопровождался национальным подъемом, а не национальным унижением, реконструкцией государства, как это происходило в США при Рузвельте, а не его разрушением, как это началось у нас при Горбачеве и Ельцине. Но как раз за это противоречие – между характером новых общественных отношений и идеологией режима – и расплачивается население России.

С другой стороны, в прошедшем столетии были утрачены или значительно ослабли все традиционные факторы, на протяжении тысяч лет стимулирующие многодетность населения России. Каковы эти факторы? Сельский образ жизни, который охватывал сначала до 99 процентов населения, позже не менее 75 процентов. Это деревенское, подворное и посемейное расселение. Даже самый бедный - по русским меркам - крестьянин имел свой дом и хозяйство. Затем - семейно-коллективное форма сельскохозяйственного и ремесленного труда. Семья была не только ячейкой общества, как говорят социологи, но и производственным коллективом. Дети естественным образом становились продолжателями дела отцов, дедов и прадедов, наследниками в полном смысле слова. Также это и русская городская среда, принципиально отличавшаяся от того, что происходило с городской средой в каменной Европе. Русский город –собранные в одном месте дворянские усадьбы и ремесленные дворы. И никакой принципиальной разницы или противоречия между жизнью в русской деревне и в русском городе не было. Россия издревле - «страна городов», но не таких, какие были в Европе или в Азии.

Русская семья нуждалась в большом количестве детей еще и потому, что дети гарантировали достойную жизнь в старости или в таких-то непредвиденных обстоятельствах, при болезни или увечье. Ведь ни системы охраны здоровья, ни пенсий или пособий не было. Русская экономическая история не знала такого явления, как безработица. В России всегда был недостаток в людях, кое-где, главным образом на юге и в центральной России, не хватало земли для быстро растущего крестьянского населения, но работы всегда было с избытком. Прибавим к этому особую духовно-нравственную атмосферу в обществе, создаваемую православием. Столетиями аборт и смертный грех были синонимами, а пьянства не было и в помине (русское пьянство – примета только коммунистического периода нашей истории).

На протяжении XX века промышленность вытеснила земледелие. Город подавил деревню. Религиозное сознание заменило секулярное сознание – не только предельно атеистическое, но

и плоско-рациональное и циничное. Здравоохранение избавило человека от эпидемий, а социальное обеспечение – от страха оказаться в старости нищим и бездомным. Внуки стали не нужны. Экономическая и социальная потребность в семье для жителя больших городов и мегаполисов вообще исчезла.

У нас все еще принято положительно относиться к той форме массового городского жилищного строительства, которое было начало при Хрущеве, но, по совести говоря, вряд ли можно найти в русской истории более вредного правительственного решения. Оказавшись в совмещенной квартире - модернизированном варианте барака, семья, не имея возможности приспосабливать ее к своим нуждам, тем более к расширению своей численности, стала сама приспосабливаться к ее габаритам. После этого о многодетности можно было забыть. Москва, к слову сказать, так кичащаяся своими мнимыми достижениями, это мертвый город. В нем можно обогащаться, делать карьеру, но ожидать от населения города, в котором преобладают многоэтажные монстры, расширенного и даже простого воспроизводства не приходится.

Беда России – ее власть. Ею за два десятилетия не предъявлено обществу никакой стратегии, никакого серьезного анализа процессов, происходящих в мире и в стране. Послания президента Федеральному Собранию, которые должны были бы содержать все этом, остались лишь политическим шоу. И даже если в них мельком упоминалось о демографии (как это было в 2001 и в 2006 годах), то никакого осмысления причин катастрофического вымирания страны, никаких реалистичных прогнозов и рассчитанных программ преодоления очевидных тенденций не было представлено. Бюрократия не любит народ и не считает нужным отчитываться перед ним. Единственное, в чем она снизошла до нужд народа – прейскурант бюджетных услуг, монетизация деторождения и превращение своих обещаний в демографические ваучеры - с той же судьбой, какая получилась с приватизационными ваучерами имени Чубайса. Бюрократия любую социаль-

ную программу превращает в средство воровства и издевательство над людьми.

От вождей бюрократии мы не дождемся восстановления института семьи, его нет даже в действующем Семейном кодексе, принятом при либеральном режиме. В речах высших должностных лиц мы никогда не слышали о жертвах войны бюрократии против собственного народа, о превращении смерти людей в доходный «бизнес». О том, что ежегодно до 300 тысяч взрослых, трудоспособных и фертильноспособных мужчин преждевременно гибнет в катастрофах, от преступлений, от фальшивых лекарств и от алкоголизма. Мы не увидим от алчной группировки, захватившей власть подлинно стратегических решений, которые в состоянии в современных условиях решить проблему, о которой говорил еще Ломоносов – размножение и сбережение русского народа.

Бюрократия не желает знать то, что хорошо известно русским ученым и русских общественным деятелям. Мы знаем главные причины, из-за которых происходит вымирание и деградация коренного населения. Не остается тайной для нас и способ лечения этой болезни.

Прежде всего, речь должна идти о духовно-нравственном оздоровлении общественного сознания, следовательно, о православии и русской церкви. Со всеми атавизмами атеистической государственной политики следует расстаться как можно скорее. Значит, православная вера должна занять свое место в образовании и воспитании. Но в первую очередь - в образовании. Церковь должна стать государственным институтом, отделенным не от Государства российского, а от органов власти, как это установлено в основном законе, а православие и религиозные заповеди и каноны – жизненными правилами, преподаваемыми в школах, и моральными ориентирами для законодательства. Естественным следствием должно стать общественное осуждение абортов и их законодательное запрещение с известными медицинскими исключениями, которое было знакомо и прежнему русскому законодательству.

Те формы фабрично-заводской индустриализации, которые имели место в прошлом и на основании которых Россия была превращена в могучую державу, себя исчерпали. Постиндустриальное производство – не метафора, а практика. Следовательно, в стране должна реализовываться новая промышленная политика, новые приемы и методы размещения и развития производительных сил страны. Уже нет необходимости в массовом создании производств с многотысячными коллективами, сосредоточенными в одном месте. Производство рассредоточивается, сокращается в физических размерах, хотя и увеличивается в количественны параметрах, что дает основание для возрождения практически всех русских городов, которые в последний исторический период переживали кризис. Эти новые формы производства позволяют, в свою очередь, возвратиться к традиционным посемейно-артельным формам трудовой деятельности.

Утверждение семьи как первичной общественной ячейки предполагает, с одной стороны, восстановление статуса ее главы, а с другой - разумное разделение семейных обязанностей. Работающий муж, глава семьи должен иметь возможность получать такую заработную плату, чтобы достойно содержать полноценную многодетную семью. В этом нет ничего нового. Еще в начале XX века это было общепринятым явлением. Ситуация изменилась лишь при коммунистическом правлении, что совпало с массовым вовлечением в производственную деятельность женского труда. Но если пришло время для такой государственной политики, которая ориентирована на поощрение многодетной семьи, женщина на производстве должна стать не правилом, а исключением.

И без этих хозяйственно-экономических факторов, обеспечивающих возрождение русских традиционных форм жизни, разумеется на новом этапе развития, необходимо коренным образом пересмотреть сложившуюся градостроительную и архитектурную политику. В Россию должен вернуться семейный русский дом, усадебный принцип расселения, малоэтажная городская застройка. Хватит считать жилье квадратными метрами!

Города-миллионники – это не пример для подражания, а раковая опухоль на теле Государства российского. Они могут лишь обезлюживать остальную территорию страны. Их надо не застраивать с энергией буйно-помешанных, заталкивая в них все больше населения провинций, обреченного на однодетность и нравственное и физическое разложение, как это происходить с Москвой, а решительно расселять.

Разумеется, долгосрочные мероприятия, изменяющие условия сбережения и размножения русской нации, которые здесь приведены в самом общем виде, вовсе не должны исключать оперативных мероприятий, масштабы которых укладываются в годовые бюджеты и краткосрочные программы. Но в любом случае они должны отвечать одному очень важному признаку – быть системными и некоррупционными. Между тем у либерального режима нет демографической стратегии, даже демографическая тактика сведена к предвыборному пиару. Если же внимательно изучить, когда наступает экстаз публичного славословия в адрес высших должностных лиц, то чаще всего это происходило в моменты обещаний роста бюджетных расходов. В них правящая бюрократия видит новые источники разграбления казны. Впрочем, стоит ли этому удивляться? Ведь либеральная идеология сводит власть к разновидности услуги, сужая ее интеллектуальные возможности до минимума, до примитива, исключая в принципе власть как обязанность, как государственное служение, право на которое принадлежит не первому встречному проходимцу, а лишь национальной элите.

Монетарные стимулы в демографической политике, которые так греют души чиновникам, увеличивают число правительственных особняков и поголовье телевизоров и собак в наших городах, но не детей. Диагноз нашего вымирания один: русские в неволе не размножаются.

Национальный демографический проект[6]

Демографическая катастрофа, о которой теперь не говорит только ленивый, подкралась незаметно. В 2001 году Президент России в своем послании Федеральному Собрании заявил тему демографии как основную. Катастрофа была обнаружена. Но что с тех пор сделано? Оказывается, ничего. Демографические потери за пятилетку после обнаружения катастрофы равны потерям за пятилетку до того. Через десять лет число рождений несколько увеличилось за счет вступления в детородный возраст последнего многочисленного поколения – родившихся близ рубежа 80-90-х годов XX века. Тенденции вымирания в полной мере сохранились, бездетность осталась обычаем, сверхсмертность в дееспособном возрасте не сократилась. Следовательно, власть либо вообще ничего не делала, либо делала что-то не то.

Нельзя сказать, что у власти нет никакого представления о том, кем должна быть заселена Россия в будущем. Если принята на вооружение концепция «замещающей иммиграции», это значит только одно: коренные народы России в очень скором времени должны уступить место мигрантами – иным народам, которые намерены обустроиться в России и в будущем стать наследниками всего материального достояния, которое до сих пор принадлежало русским и дружественным им народам. Что касается исторического достояния, то оно должно погибнуть, а его свидетельства в лучшем случае будут списаны в музеи.

Возникает вопрос: неужели власть не понимает, что нынешняя политика, в которой нищета убивает в народе волю к жизни, уничтожает и само государство? Может ли человек в здравом рассудке и при должности не понимать, что эта должность зависит то судьбы нации и государства?

Бюрократы (прежде всего, чиновники высшего звена) все понимают. Их логику осмыслить несложно: им не нужен ни дее-

[6] Материал подготовлен на основе статьи А.Н.Савельева «Сберечь нацию», опубликованной в газете «Завтра» в марте 2006 года и представившей демографический проект партии «Родина».

способный народ, ни сильное государство. Потому что новый тип олигархии отличается от классического, который рассматривал народ как дойную корову. Современная олигархия имеет планетарный масштаб, и ей народ нужен только в той степени, в которой он будет обслуживать глобальные проекты, не претендуя на контроль за ними. Поэтому народу не дают возможность формировать власть, мордуя его «админресурсом» и политтехнологиями. Поэтому чиновничество коррумпируется и служит интересам олигархии, систематически разрушая государство.

Превращение России в «энергетическую сверхдержаву» (то есть, сырьевой придаток) – это и есть цель олигархии, видящей в нашей стране только пространство с ресурсами, которые можно выгодно продать. Истории и культуры, науки и образования для глобальной олигархии не существует. И народа для нее тоже нет, а есть только рабочая сила. Причем ее функции сводятся к «обслуживанию трубы» – организации извлечения ресурсов из недр, превращения их в товар и переправку этого товара за рубеж. Для такой работы олигархам (то есть, власти) нужны только зарубежные менеджеры и рабы, которым достаточно знать несколько десятков команд, чтобы исполнять свои нехитрые обязанности.

Вышеозначенные позиции власти логически соединяют создаваемый хозяйственный механизм с вполне определенной программой народонаселения. В последней выделяется проблема миграционной политики. Именно вокруг этой проблемы возникло самое жесткое противостояние между властью и национальными силами, которым были приписаны шовинистические замыслы и агрессивная ксенофобия. И в олигархической власти принципиальность противостояния осознана вполне (рассчитано, какими потерями в прибылях грозит выправление ситуации – выход из демографической катастрофы). Именно поэтому русские политические организации подвергалась беспрецедентному шельмованию в подконтрольных Кремлю СМИ, а также полицейским и прокурорским преследованиям, попирающим закон на каждом шагу.

Попытки пробудить инстинкт самосохранения нации обернулись массовыми политическими репрессиями, особенно интенсивными в 2005-2010 гг. – как раз в момент, когда демографические проблемы были поставлены особенно остро и стали фактором общественного сознания. Олигархии консолидированная нация, сообщество граждан грозит пресечением самого прибыльного процесса – торговли Родиной. Поэтому последовательно были растоптаны все русские политические объединения, начиная с партии «Родина», которая впервые выступила с альтернативным демографическим проектом, представившим проблему системно и предложившим реалистичную систему мер. «Родине» было приписано намерение возбудить межнациональный конфликт там, где этот конфликт уже пылал вовсю – в Москве. И не потому, что москвичи стали как-то уж особенно гневливы и настроены против пришельцев. Просто пришельцев стало слишком много, и они не утруждали себя скромностью и учтивостью. Пропорционально доле инонациональных мигрантов возросло и число конфликтов с их участием. Пропорционально жизненным неурядицам, ставшим следствием безжалостного внедрения в нашу жизнь либертарной социал-дарвинистской догматики, возрос и общий уровень конфликтности между гражданами.

В Москве очень малочисленные национальные диаспоры формировались десятилетиями и принимали общие для москвичей принципы жизни. Сегодня здесь обосновались сотни тысяч недавних мигрантов, которые едва владеют русским языком, вырваны из привычной для себя среды, подмяты криминалом и чиновниками, озлоблены своим рабским положением и беззаконием в замкнутых этнических анклавах. Разумеется, настороженность в отношении мигрантов со стороны коренного населения сменяется раздражением и неприятием. Власти между тем, увлеченно собирающие мзду с новых рабов, вообще перестали заботиться о стабильности городской общины. Скрывая свои алчные замыслы, они предпочитают вопить о «русском фашизме» и искать скинхедов под каждой скамейкой.

В России ситуация, созданная властью, выглядит не менее опасной. Допустив в страну около 15 млн. нелегалов, власть отказала русским беженцам из зон гражданских войн в регистрации – большинство из них многие годы добивалось человеческого отношения со стороны чиновников и ждало оформления вида на жительства или гражданства. Бюрократия была безжалостна, надежды на проявление милосердия и элементарной разумности с ее стороны были напрасны.

Русские националисты требовали и требуют, чтобы соотечественники – те, кто свободно говорит на родном для них русском языке, относится к коренным народам России или является прямым потомком жителя нашей страны – получали бы гражданство без всяких предварительных условий, в заявительном порядке. Вместо миграционной амнистии для русских, власть пошла прямо противоположным путем. Положение переехавших в Россию соотечественников осталось прежним, а вот для новых мигрантов – в основном нерусских и не считающих Россию своей родиной, а также плохо владеющих русским языком – приняты законы, снимающие для них все ограничения. Действительно, олигархам нужны рабы, а не граждане, у которых есть чувство собственного достоинства, а также политические права и права на социальные гарантии.

Мы видим, как в стране формируются большие чужеродные, замкнутые анклавы легальных и полулегальных этнических групп с собственными правилами жизни, напоминающими правила разбойных банд. Многие иммигранты переселяются и живут обособленно, утверждая свой устав в чужом монастыре. Власть же намерена просто легализовать их, чтобы снабдить, прежде всего, политическими правами, сформировав таким образом мощную электоральную подпорку олигархического режима. Русским надлежит сначала уступить свое место приезжим, а потом и вовсе сойти с исторической арены. Как можно назвать такую политику? Мы имеем дело с русофобским расизмом – самым бесстыдным за всю историю страны наступлением на права русских и других российских народов.

Русский проект сбережения нации это 1) осознание масштабов демографической катастрофы, 2) выявление причин катастрофы, 3) программа срочных мер преодоления катастрофы, 4) выстраивание долговременной стратегии и прогноз перспектив России. Речь идет о выверенной прагматической позиции, отбрасывающей все идеологические догмы последних полутора десятков лет. Наша «догма» состоит в том, что ничего выше нации – сообщества граждан, происходящих из коренных народов России – просто не существует. Выше нации только Бог. Поэтому всякого рода «либеральные ценности» и «социальные завоевания» имеют смысл только в том случае, когда они направлены на возрождение жизненных сил нации, а если противоречат – подлежат искоренению как из общественного сознания, так и из законодательства и практики государственного управления.

Небывалый демографический коллапс начала 90-х годов произошел в России не вдруг. Он представляет собой провал, затягивающую в небытие воронку, развитие которой было подготовлено предшествующими годами нашей истории. Очень важно определить, где главный корень беды. Многие демографы утверждают, что он в «сверхсмертности», в «шоке смертности», испытанном населением России в 1992-1995 годах и в не менее острой форме действующем до сих пор. Значение сверхсмертности, особенно касающейся мужского населения России, действительно очень велико. Однако если обратиться к динамике рождаемости и смертности за последние полвека, то выявляются иные акценты. Срыв традиционных механизмов воспроизводства нации состоялся в период хрущевской «оттепели», когда новые стандарты жизни резко снизили рождаемость. Либерализация – вот главная причина, заложившая основы демографической катастрофы. Алкоголизация страны, моральная допустимость абортов, новое наступление на Церковь, размывание духовных основ общества, меркантилизм, фантастические проекты построения коммунизма, включение в гонку вооружений и т.д. Все это приобрело новое звучание в период перестройки и выра-

зилось в концентрированной форме в подлом рекламном клише: бери от жизни все.

После 1987 года рождаемость вдруг за 6 лет стремительно обвалилась – почти в два раза. Это лихолетье «перестройки» и первых лет «рыночных реформ». В нынешней России фактор «спада рождаемости» в несколько раз сильнее воздействует на демографическое состояние нации, чем фактор «всплеска смертности». Это необходимо уяснить при определении приоритетов демографической политики.

В 2000-е годы рождаемость немного выросла, хотя смертность сохранила негативную динамику. В результате мы так и не вышли из состояния, получившего символичное название «Русский крест» – когда кривая сверхсмертности пересекла кривую, отражающую небывалый спад рождаемости, и естественный прирост после 1991 года сменился «естественной» убылью населения.

До сих пор число умерших значительно перекрывает число новорожденных – ежегодная убыль населения в последние годы на рубеже веков колебалась около цифры в 800-900 тысяч человек (см. Таблицу). При этом цифры обобщенной статистики не отражают всей полноты демографических потерь, поскольку истинный размах вымирания России частично маскируется иммигрантами (детьми в семьях иммигрантов) и высокой рождаемостью некоторых южнороссийских народов. Если же власть «амнистирует» несколько миллионов иностранных граждан, которые нелегально живут и работают в России, то официальная статистика сможет отрапортовать о демографическом росте. Уже сейчас можно встретить утверждение, что мы не так уж много потеряли в предшествующие годы: общая численность населения России за годы либеральных реформ сократилась на «каких-нибудь» 2 миллиона человек. А если учесть всех нелегальных мигрантов, то она, похоже, даже выросла!

В действительности такого глубокого и длительного демографического кризиса в России не было еще никогда. И главный удар «реформ» пришелся на государствообразующий русский

народ, теряющий в год более миллиона душ. Это воистину угроза смерти нашей цивилизации. Не видеть этого, не бить в колокола по этому поводу – преступно! Власть не слепа и не безумна, но она ничего не делает. Следовательно, она преступна.

Таблица. Рождаемость, смертность и убыль населения России

Годы	Всего, тыс. человек			На 1000 человек населения		
	родившихся	умерших	убыль	родившихся	умерших	убыль
1996	1304,6	2082,2	777,6	8,9	14,2	5,3
1997	1259,9	2015,8	755,9	8,6	13,7	5,1
1998	1283,3	1988,7	705,4	8,8	13,6	4,8
1999	1214,7	2144,3	929,6	8,3	14,7	6,4
2000	1266,8	2225,3	958,5	8,7	15,3	6,6
Итого: демографические потери за 5 лет 1996-2000 составили 4 млн. 127 тыс.						
2001	1311,6	2254,9	943,3	9,0	15,6	6,6
2002	1397,0	2332,3	935,3	9,7	16,2	6,5
2003	1477,3	2365,8	888,5	10,2	16,4	6,2
2004	1502,5	2295,4	792,9	10,4	16,0	5,6
2005	1460,1	2303,1	843,0	10,2	16,1	5,9
Итого: демографические потери за 5 лет 2001-2006 составили 4 млн. 403 тыс.						

Как выразился один из демографов, Россия демонстрирует европейские показатели рождаемости и «африканскую смертность». Сама по себе эта метафора не совсем верна: в Африке основным фактором потерь человеческого потенциала являются смертность во время родов и детская смертность. В России смертность свирепствует на ниве среднего возраста – вымирают самые трудоспособные поколения (люди от 20 до 60 лет). В результате с 1992 по 2005 г. «естественная» убыль населения в России составила 11,2 млн. человек (более 16%). За одну минуту

в России рождается три человека, а умирает четыре. Тогда как в Китае за ту же минуту рождается 38, умирает 16, в США, соответственно, 8 и 4.

В больших планах международного сообщества место России уже определено. В прогнозах ООН содержится косвенное доказательство того, что Россию никто не считает настоящей Европой, что ее участь совсем в другом – медленном и неуклонном вымирании. Либеральные прогнозисты уже делят Россию на зоны влияния и нарезают ее пространство, ожидая скорую утрату суверенитета некогда великой державы.

Что же делать? Поскольку власть, как мы заметили, не собирается ничего делать, то главная проблема приобретает политический характер. Народ должен утвердить такую власть, которая буде защищать его, а не мордовать реформами и модернизациями, запущенными в угоду некоему «мировому сообществу» и в соответствии с беспочвенной либеральной догматикой. Выбор народа – это выбор между жизнью и смертью. Власть предлагает идеологию смерти, мы, русские националисты, – идеологию жизни.

Очевидно, что сбережение нации требует значительного роста бюджетных затрат, а значит – новых источников пополнения бюджета. Соответственно, речь идет о принципиальном изменении финансовой политики, о прямой и полной отдаче в бюджет всех доходов от продажи за рубеж энергоресурсов, об изъятии сверхприбылей, о сверхналогах на сверхроскошь, о новой индустриализации страны и восстановлении наукоемких технологий. Но самое главное – снять с народа пресс чиновничьего произвола, олигархического грабежа и криминального беспредела. Чиновник сегодня превратился из слуги народа в его гробовщика, из радетеля народного благосостояния – в представителя паразитического слоя, который не дает вздохнуть предпринимателю и унижает бессмысленными и беспощадными процедурами каждого гражданина.

Для сбережения нации важно не забыть наших соотечественников, которых власть считает обузой, а мы – плотью от пло-

ти нашей нации. Точно так же мы считаем «ближнее зарубежье» - нашими исконными землями, которые должны добровольно вернуться в единое государство, спасая себя от иноземной зависимости, спасая свои народы, вымирающие столь же стремительно, как и русские. Лишь в естественных, исторически выверенных границах, Россия может сохраниться и вынести бремя безжалостной геополитической конкуренции. Сбережение нации – это еще и воссоединение нации, воссоединение народов, имеющих опыт совместной жизни и общей судьбы. Но чтобы собирать российские земли, нужно иметь притягательный центр – образец коренной России, которая сегодня разорена больше всего, а должна быть возрожденным центром Родины. От этой мысли мы вновь приходим к задаче смены власти на ту, что будет во внешней политике вести не торг, а воссоединение страны, а во внутренней – не распродажу всего и вся, а укрепление нации.

За срочными мерами - скажем, преодолением позорной для России многомиллионной детской беспризорности - мы не должны упустить стратегии – долговременно действующих принципов организации жизни, которые эту жизнь будут поддерживать, а не угнетать. Стратегия – в воссоздании духовной основы общества и конкурентоспособных экономических механизмах. Чтобы дробиться стратегического перелома, мы должны поставить нацию выше госвласти. «Партия власти» должны быть изгнана, а партия народа утверждена на высших государственных постах.

Мы отчетливо понимаем, что судьба России под угрозой. Экономический и духовный кризис стали реальностью повседневной жизни. Смертность и рождаемость создали «Русский крест». Мировой больной – наша Россия - вымирает. Мы не согласны с такой предсмертной жизнью! Мы убеждены, что страна не должна быть криминально-олигархическим захолустьем с вымирающим населением. Вывод один: либо Россия получит русскую власть и станет русским государством, либо они погибнет у нас на глазах.

Страсти по символам и смыслам

Возвращение к ясности

Внимательно читая текущую публицистику по социологии, политологии и культурологии, издающуюся для русского читателя, неизбежно приходишь к выводу, весьма, кстати, неутешительному, что современные авторы, по крайней мере, их значительное большинство, нисколько не продвинувшись в оригинальных открытиях, занимаются беззастенчивым плагиатом у либерально-коммунистических теорий, создававшихся лет сто-двести тому назад казалось бы в иных социально-политических условиях. Но как они похожи!

Согласно этим теориям существует лишь одна система координат в мировой истории – монотонная смена *формаций*, сквозь которые все народы и все части Света проходят одним и тем же путем с одним и тем же раз и навсегда предрешенным результатом. Сначала период дикости. Затем варварство. После варварства рабовладение. За ним феодализм. Ему на смену приходит капитализм. После капитализма наступает коммунизм. И история останавливается, поскольку этот строй является осуществленным «золотым веком». Сколько не выбрасывай марксизм за дверь, он все равно норовит возвратиться в окно, поскольку средоточие его адептов – это не столько Сорбонна или Кембридж, сколько столичные русские университеты - Московский и Санкт-Петербургский - и университеты североамериканские – Йельский и Гарвардский. Прежде чем появиться в массах, идеи, в том числе и дегенеративные, должны укорениться на кафедрах.

Что человеческая история есть, прежде всего, история не формаций и не столько формаций, а цивилизаций, рас, народов, наций и государств, старательно замалчивается. А если молчание оказывается невозможным, то вместо научных истин или хотя бы научных гипотез преподносятся спекуляции, извращающие предметы изучения. Тогда цивилизацией объявляется всего лишь «совокупность материальных и духовных достижений общества». Расой – «совокупность второстепенных внешних физиче-

ских особенностей». Народом – «часть населения, которая способна сообща участвовать в решении задач прогрессивного, революционного развития данной страны в данный период». Нацией – «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Государством – «политическая организация экономически господствующего класса, имеющего своей целью охранять существующий порядок и подавлять сопротивление других классов»[7].

Картину реального мира и процессов, происходящих в нем, искажает до неузнаваемости не только утопическая схоластика, маскирующаяся под науку. *«Одна из распространеннейших и прилипчивых болезней нашего времени,* – отмечал современный историк и культуролог В.Л. Махнач, - *вольное обращение с понятиями, с историческими терминами. Некоторые из них безбедно существовали веками, а иные – и тысячелетиями. При этом усложнялись в своей семантике, приобретали оттенки, но сохраняли смысловой стержень. На наших глазах этот основной смысл искажается или даже исчезает. Понятия десемантизируются, лишаются смысла. Таковы термины «империя», «демократия», «фашизм»* («прогресс», «национализм» - авт.)*, а в последнее время, кажется, и «семья». Энциклопедические словари утрачивают строгость ответов на интересующий нас вопрос по мере «полевения» авторов».* Добавим: и по мере их либерализации.

Словари и справочники не единственное место, где наряду с созданием искусственных миров, что прилично авторам литературных фантазий, но непристойно для ученых, происходит

[7] Подобные определения, гораздо более развернутые, тиражировалось в Советской России «Словарем иностранных слов», который неоднократно переиздавался. Он был переиздан без каких-либо исправлений в 1995 году - после государственного распада - чему, конечно же, не приходится удивляться. Расходясь в частностях, либерализм и марксизм сходятся в одном – у них в России общий враг, имя которому – русский национализм.

подмена сущностей известных и важных слов и выражений. Этим искажением поражены практически все учебники, хрестоматии, пособия, монографии, изданные по указанным трем областям знаний на русском языке. Это шарлатанство с восторгом исповедует денационализированная профессура, тиражирующая его в своих лекциях и на семинарах, забивая интеллектуальным мусором головы русских студентов. А последние, приобретая дипломы школьных учителей, журналистов, инженеров и офицеров, словом – превращаясь в интеллигенцию, выполняют роль «хорошо образованных и хорошо подготовленных разрушителей России»[8].

Да и заслуживает ли жалости «эта страна рабов», как называют Россию вслед за Чернышевским и Лениным нынешние либералы, если первой и единственной естественнонаучной площадкой, на которой воплощалось эталонное развитие человечества, является одна лишь Европа, восточной границей которой является Россия, чье истинное призвание – быть Татарией, случайно сохранившимся на Востоке «диким Западом», еще подлежащим колонизации?[9] Что же касается подлинной «земли обетованной», то в новое время ее удалось создать в Новом Свете – в США, которые одни лишь могут претендовать на звание империи. Ее следует обожествлять, перед нею надлежит раболепствовать, ее прихотям должно безропотно подчиняться. Остальные империи, прежде всего Российская, являясь, конечно же, воплощением «зла», обречены исчезнуть с лица земли.

По этим нетленным «прописям» выходит, что Россия, эта Гренландия с ракетами, безнадежно и навсегда отстала от так называемого «цивилизованного человечества». Поэтому русские – варвары и неудачники во всемирной истории, и в качестве ориентира им следует избрать единственную путеводную звезду,

---

[8] См. Иван Солоневич, «Народная монархия», М, 2002, с.610.

[9] Для европейцев граница их мира проходила на востоке Польши, исключая «Московию», которая была для них краем света. См. Фернан Бродель, «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв», том 3, «Время мира», М. 1992, стр. 19.

именуемую цивилизованным Западом. Сама по себе Россия принадлежит не самой себе и даже не Востоку, говорят эти труды, ее предназначение быть частью Европы, к которой русским следует присоединиться как «младшему брату», к тому же недалекому, неумелому и убогому.

Отчего наша страна обречена на такое прозябание? Это обусловлено тем, что «Россия есть не более чем монгольская Орда, которая не имеет будущности. Она лишена всякой идеи, всякого внутреннего духа и управляется грубой силой, которой надобно льстить, для того чтобы употреблять ее против нее же самой». Эта оценка принадлежит т.н. «балтийским реформаторам», то есть остзейским немцам, которую приводит М.Н. Катков в одной из статей за 1869 год[10]. С тех пор прошла бездна лет, но во взглядах на Россию мало что изменилось. Поменялось другое. Иноверные мнения, враждебные России, разделявшиеся единицами в русской среде, что было всего лишь тенью русской болезни, стало всеобщим предубеждением ее правящего класса, обрело свойство и масштабы эпидемии, причем смертельно опасной.

Такого рода метаморфоза произошла, конечно же, не в конце прошедшего столетия, а в его начале, после того, как власть в России в результате ожесточенной гражданской войны 1918-21 годов досталась коммуно-большевикам. Невозможно подыскать в мировой истории пример, хотя бы отдаленно напоминающий режим, столь фанатично ненавидевший природу, сущность и смысл нации и государства, которым он управлял, считавшим свою власть «завоеванием», видевшим задачу своего господства в подавлении и упразднении всех заповедей, традиций, канонов и ценностей, составлявших квинтэссенцию «завоеванной» им страны.

Понятно, что какие бы частные достижения ни были одержаны Россией, даже такие выдающиеся, как победа во Второй мировой войне, освоение космического пространства и создание произ-

---

[10] См. М.Н. Катков, «Имперское слово», М. 2002, с. 230.

водственной базы сверхдержавы, ее общее поражение в борьбе с цивилизационными противниками было предопределено. Эту судьбу нес в себе политический режим, фанатично отрицавший русское содержание в обществе, культуре и государстве, режим, чуждый и враждебный национальной почве. События 1991-1993 годов, формально сменившие коммунистический режим либеральным, в этом отношении не изменили ничего.

События 90-х годов прошедшего века вполне обоснованно считают не кризисом, а *катастрофой*. Она не произошла внезапно, словно разрушительное землетрясение. Ее раскаты были вполне ощутимы. Они носились в воздухе, они колебали почву. Она предвосхищалась. И не только врагами России. Неизбежность падения коммунистического эксперимента, казалось бы незыблемого, неколебимого, предвидели многие русские мыслители. Достаточно назвать уже поминавшегося выше И.Л. Солоневича или И.А. Ильина, чьи работы были написанные в первой половине 50-х годов.

Разумеется, страна не находилась тогда в безвольном ожидании национально-государственной *катастрофы*, словно стадо животных, предназначенных для ритуального заклания. Была попытка ее предотвращения непосредственно в период падения коммунистического режима. Ею стало создание в результате выборов 1989-90 годов представительных государственных учреждений вместо самораспустившихся партийных организаций, утративших к тому времени способность осуществлять власть. Эта попытка, как известно, окончилась неудачей. Она была подавлена заговором административно-хозяйственной номенклатуры в августе-декабре 1991 года, что привело к политическому распаду государства, и на территории РСФСР – государственным переворотом, организованным столичной бюрократией в сентябре-октябре 1993, когда эти органы, уже утратившие значительную часть своих полномочий, были ликвидированы силой оружия.

В результате была не сколько упразднена система коммунистических, точнее говоря – марксистско-ленинских ценностей, саморазложившихся и уже исчезнувших, сколько созданы пре-

пятствия для восстановления системы ценностей и идеалов православной русской нации. То и другое заменили единственной ценностью – «свободой», но, повиснув в пустоте или приняв падение за свободный полет, она немедленно обернулась чудовищем, на овечьей шкуре которого написано «разрешено все, что не запрещено». Таким образом возникло уголовное государство[11].

Катастрофа власти, с которой Россия столкнулась в конце прошлого века, ставит под вопрос все формы ее государственного, общественного и культурного существования, а преодоление опасностей, обусловленных таким состоянием, невозможно без возвращения подлинного смысла словам и понятиям, оказавшимся искаженными, без обретения осмысленности в поступках русских людей. Прежде чем появится возможность покончить с разложением ее государственных институтов, должен быть преодолен хаос в русских мозгах, излечено от безволия и нигилизма индивидуальное и массовое сознание. Все-таки в начале каждого дела было Слово. Главное для русских *сейчас*, преодолеть «фазу надлома», поскольку она грозит русскому народу преждевременной гибелью.

Борьба за символический капитал

Как хорошо известно, любая революция, то есть радикальная ломка привычного образа жизни, сопровождается переодеваниями в одежды какой-нибудь подходящей эпохи прошлого, с которым рождающаяся новая эстетика, а следовательно, и все формы искусства, стремится себя отождествить. Средневековые революции в Германии и Англии поступали именно так. Их гимнами были псалмы.

---

[11] См. В. Непомнящий, статья «Поэт и толпа» (написана в 1993 году) в книге «Пушкин. Русская картина мира», М. 1999, с. 436-437. Фраза принадлежит не политологу, а литературоведу. В более корректной формулировке следует говорить не о государстве, а о политическом режиме или режимах в государстве.

Если же в прошлом революция не видит ничего подходящего, и социально-политический переворот приобретает характер отречения от всех традиций, новому обществу ничего не остается, как порождать новые символы. По крайне мере именно так было во время Великой французской революции конца XVIII века с ее Марсельезой в качестве гимна и во время Великой русской революции начала XX с ее Интернационалом. И хотя в настоящий исторический период события, происходящие в России, с очевидностью свидетельствуют о своем революционном характере, переодевания нового общества в одежды прошлых эпох не состоялось и новых символов у государства не появилось.

Причина такой неопределенности, как ни странно, объясняется просто. Она заключается в том, что на новой русской революции, начало которой было положено созданием Съезда народных депутатов СССР в 1989 году, при всем ее видимом радикализме, остается налет незавершенности и непоследовательности, а по очевидным социально-экономическим и государственно-политическим последствия – даже депрессивности и упадка. Поэтому в области культуры и искусства, тех видов человеческой деятельности, которые обладают возможностью чувствовать «музыку революции», мы не видим ни возрождения прежних, ретроспективных художественных форм, как это имело место в пробуждающейся Италии средних веков, ни новых мыслей и образов, которые могли бы быть произнесены или воспроизведены в литературе, скульптуре, живописи или музыке.

Творческая интеллигенция, от которой русское общество в начале перестройки ожидало нечто из ряда вон выходящее, продемонстрировала ни с чем не сравнимую импотенцию, утрату каких-либо признаков таланта или гениальности. Источник, когда-то питавший русское искусство, оказался подобием смрадного болота. И это в условиях долгожданной свободы самовыражения, падения партийного правления и упразднения государственной цензуры.

По-видимому, в подобных, а не каких-то иных, более изощренных и сложных, обстоятельствах, и заключается основная

причина того, почему Россия, не от великого ума назвавшая себя в 1991 году “новой”, выбравшись из неопределенности и постыдности первых лет «перестройки», «реформ», «суверенитетов» и «приватизаций», так и не обрела общепринятых государственных символов – гимна, герба и флага, всего того, что на уровне образа и сознания, намека и чувствования, воображения и мечты отождествляется с такими понятиями, как Нация, Государство, История, Промысел.

В гимне, торжественной песне всех, должна выражаться и изливаться душа народа, но разве находится народ теперь в состоянии подъема, есть ли у него поводы для торжества? Нет, его душа глубоко уязвлена, и он охвачен тяжкими сомнениями, вызванными тем очевидным обстоятельством, что все последние годы политики, известные общественные деятели, ученые и актеры, взявшие на себя роль духовных пастырей, просто-напросто морочили его, обманывали и разоряли. Гимн исполняется тогда, когда для этого есть подходящий повод, который может и должен воодушевлять. Но разве его мелодия и слова приличествуют банкротству и описи имущества, предназначенного к принудительной распродаже?

Традиционно в гербе символизируется глубина национальной истории и особенности образования государства. Но разве события 1991-93 годов можно уподобить творческому государственному строительству, когда даже в мелочах стремятся соблюсти верность традиции? А ведь тогда речь шла не о сохранении и упрочении Государства Российского, а о его расчленении на несколько десятков государственных образований, о поощрении откровенного сепаратизма под видом обретения суверенитетов, что не могло не противоречить всем законам истории. Что делать орлам, пусть и двуглавым, на пепелище?

Флаг является символом незыблемости государственности и власти. Но именно их на протяжении полутора десятилетий со сладострастием дискредитировали и вываливали в грязи все, кому не лень, включая и государственную бюрократию, и средства массовой информации, и публицистов всех мастей и оттенков?

Не проходит дня, чтобы с экранов общенациональных телеканалов и выпусков популярной прессы не изливались потоки клеветы, инсинуаций и издевательств относительно прошлого, настоящего и будущего российской государственности, властных институтов и государственных деятелей. Этот поток словесной грязи по своей изощренности, ненависти и гнусности превосходит во много крат фальсификации, которые заполняли средства массовой информации, школьные учебники и научные издания деятели так называемой «школы Покровского» в 20-е и первой половине 30-х годов. Достаточно нажать кнопку телевизора, чтобы все стало ясным.

Словом, факт многолетнего отсутствия общенациональных и общегосударственных символов – это не упущение власти и не признак ее некомпетентности или равнодушия, а результат глубокой национальной смуты, сумеречных мыслей и хаотических действий масс.

Было бы лицемерием не признавать, что в современном обществе нет, да и не может быть единства взглядов на государственную символику. Одни, считающие себя наследниками «защитников белого дома» образца 1991 года, признают двуглавого орла, торговый русский флаг и «патриотическую песню» Глинки. Другие, считающие себя наследниками «защитников Дома Советов России» образца 1993 года, насколько известно, не имеют относительно символов единого мнения, поскольку не принадлежат к одной идеологической доктрине. На «советскую символику» ориентируются «левые», а националисты предпочитают придерживаться русской традиций. Поэтому в этой части политического спектра присутствуют самые полярные сочетания символов и идеалов.

Во всяком случае, ни одна из политических фракций, так или иначе присутствующая на политической арене, если бы вопрос о флаге, гербе или гимне был поставлен на референдум, не имела бы очевидного количественного большинства. Идеологический раскол приобрел бы количественное выражение.

Но почему оказалась возможной эта своеобразная патовая ситуация? С политологической точки зрения причина заключается в том, что революционные изменения, которые коснулись всех сторон жизни общества, государства и каждого человека, не выявили пока что ни решительного победителя, ни окончательно побежденного. Ни одна партия, ни один класс, ни одна доктрина или идеология не чувствуют своего доминирования и поэтому многие проблемы, стоящие перед Россией, не находят удовлетворительного решения. На многих решениях, принимаемых во власти, лежит печать компромиссов, когда приходится, чтобы остановиться на чем-то определенном, учитывать различные, прямо противоположные позиции. И каждая общественная фракция мечтает о реванше и победе.

Поэтому, рассматривая процесс оформления государственной символики, стимулированный президентом и поддержанный думским большинством, нет оснований для того, чтобы критиковать государственные институты. Они лишь учитывают реальное положение дел и осуществляют такую политику, которая не только не будоражит общество, но, если верить социологическим опросам, даже соответствует настроениям существенного его большинства. Тот факт, что Президент в качестве символов государства предложил воспользоваться разными периодами русской истории – очевидное следствие того, что хотя современное общество и оказалось в состоянии глубокой депрессии, но все-таки без государственной символики, утвержденной в порядке, установленной Конституцией, далее существовать невозможно. Надежды на то, что кто-либо одержит верх в этом перетягивании «символического каната», не сбылись, и паллиатив стал реальностью. Оттого гербом избран двуглавый орел – наиболее древняя традиция России, относящаяся к эпохе обретения ею своей независимости при Иване III и осознания преемственности, восходящей в Восточно-римскому государству, флагом - триколор, установленный Петром Великим как торговый флаг, а в качестве мелодии гимна - музыка гимна Советской России, которая появилась лишь в 1944 году, когда стала очевидной величайшая побе-

да России над вторгшимися европейскими ордами и когда страна обретала свои национальные символы вместо прежних интернациональных.

Положа руку на сердце, к такому сочетанию современной государственной символики, несмотря на имеющую место грубую полемику в среде столичной интеллигенции, нет никаких серьезных возражений, за исключением одного, касающегося государственного флага. Даже сейчас мало кому известно, что изображение государственного флага, а не торгового и не династического, Государство Российское обрело лишь накануне начала Первой мировой войны, после издания соответствующего императорского указа. Флаг был трехцветным, как и теперь, но его дополнял золотой квадрат у древка с изображением на нем черного двуглавого орла. Российские народные депутаты, которые в 1990-91 годах ставили в порядке политической демонстрации на свои столы в зале заседания Съезда уменьшенные копии триколора, попросту не разобрались в истории вопроса. Поэтому они невольно попали впросак, когда внесли в действовавшую тогда Конституцию 1978 года изменение, основанное не на традиции, которую, возможно, и хотели продолжить. Затем эту ошибку повторили в тексте Конституции 1993 года. Поэтому было бы правильнее, если угодно - логичнее, раз уж избирается такой подход к становлению государственных символов, использовать не торговый флаг России, а ее государственный флаг. Уместно вспомнить, что именно такой флаг был использован Конгрессом русских общин (КРО) при проведении публичных акций, единственной организацией, вспомнившей об изменении государственной символики Российской империи летом 1914 года.

Однако у проблемы установления государственной символики, которая наверняка будет решена в Государственной думе так, как это предложено Президентом, есть не только внешняя и достаточно прозрачная сторона, описываемая статьей 70 Конституции. Открытое письмо президенту, подписанное либеральной интеллигенцией и письмо патриотической интеллигенции, адресованное Госдуме, содержащие прямо противоположные сужде-

ния и оценки, относятся не столько к символам, сколько к сущности русской судьбы. Они показывают, что борьба идей, а значит, и политическая борьба в обществе не прекратились и они будут обязательно продолжены. Ведь стоило появиться серьезному поводу к дискуссии, как он тут же был использован в самых резких, самых непримиримых выражениях. Стало быть, дело не в музыке, как можно было бы понять из текстов писем. Это, конечно же, только повод. Причина демонстрации заключается в иных мотивах.

Когда из стана либералов и сепаратистов слышатся слова о «гебистской эстетике» (Мендель-Коржавин), о «пафосе тоталитаризма», о том, что власть объявила гражданам страны войну, и поэтому они должны перестать ей повиноваться, наконец, что «никакого знамени победы нет и не было» (до этого договорилась Новодворская, человек я явными признаками неустойчивой психики, которой, тем не менее, дают возможность высказать свои эпатажные суждения все русскоговорящие радиостанции и либеральные телеканалы, вроде НТВ и «Свободы»), становится понятным, что у этой партии вызывают «отвращение и протест» не символы, как таковые, а сама возможность возрождения и восстановления страны, которую они с воодушевлением разрушали, от которой они так фанатично «отреклись», сохранив для себя, правда, все ее вещественные, материальные, корпоративные преимущества и привилегии.

Если же по сути соглашаться с либеральной логикой, которая наделяет мелодию политическим смыслом, то можно дойти до абсурда - к примеру запретить исполнение музыки Вагнера, потому что ее поклонником был германский фюрер, музыки Чайковского, так как она нравилась императору всероссийскому, постановку пьесы Булгакова «Белая гвардия» из-за того только, что ее предпочитал смотреть советский генералиссимус, правда тогда, когда он был всего лишь генеральным секретарем.

Однако полемика относительно утверждение государственных символов не ограничивается кругом историко-эстетических вопросов; у нее есть и социально-политическая сторона, которая, в

свою очередь, также имеет несколько граней, не лишенных собственной остроты, поскольку она по новому раскрывает отношение к режиму Путина либералов и «коммунистов».

Что касается либерального лагеря, то совершенно неожиданно под маской идейного союзника президента, каким либералы себя изображали, обнаружились непримиримые идейные разногласия, превращающие бывших единомышленников в злейших противников. И наоборот, в коммунистических рядах, постоянно провозглашавших свое принципиальное несогласие с курсом, проводимым администрацией и правительством, что декларировалось и на недавно состоявшемся съезде КПРФ, появилось очевидное единство взглядов с президентом. Иначе говоря, видимая консолидация либеральной партии и президентской администрации оборачивается непримиримыми идейными разногласиями, подоплека которых достаточно прозрачно обуславливается противоречиями как в политике, так и в экономике, и наоборот, внешние разногласия между “левыми” и властью оказываются на поверку не такими и принципиальными.

Конечно, полемика вокруг государственных символов позволяет партиям либерального направления консолидироваться, составив некоторое объединение, но очевидно, что расплатой за такую консолидацию будет дальнейшее сокращение их сторонников в самом обществе, которому все менее и менее импонирует оскорбительная дискредитация исторического прошлого страны и ее национальных традиций и идеалов. Ввязавшись в бесперспективную полемику на эстетическом фронте, лидеры либерализма, по сути дела, обрекают свое движение на электоральное вырождение. За партии, во главе которой оказывается пламенная либерал-большевичка Новодворская, мало кому захочется голосовать.

Не менее двусмысленным оказывается положение и на левом фланге. Признав себя сторонником гимна на музыку Александрова, президент обретает в левом электорате, отличающемся склонностью к ностальгии по прошлому и к поиску решительного, внешне привлекательного вождя, определенную симпатию,

которая может при известных условиях перерасти в союзнические отношения. У избирателей, традиционно голосующих за КПРФ, не может не появиться ощущения достигнутой победы, и режим уже не будет казаться им таким уж чуждым или враждебным. Президенту, скорее всего, удастся пятью куплетами и одной мелодией удовлетворить духовные запросы почти что 30 процентов электората, что мало кому удавалось в политической истории, разве что в библейской. Нет сомнения, что мелодия будущего гимна - это, прежде всего, мелодия социальных низов. Вот только большой вопрос, что власть будет осуществлять под исполнение этой музыки.

Уже сейчас только слепой не увидит, как власть по собственному разумению или под влиянием обстоятельств, которым она не может противостоять, все более и более прогибается под напором геополитических и экономических интересов Соединенных Штатов, как происходит уступка за уступкой общенациональных русских интересов в рамках СНГ, скорее всего доживающего последние месяцы своего существования, как изощренно саботируется не только слияние, но и сближение с Белоруссией, как во внутренних делах неумолимо реализуется программа, названная именем нынешнего министра экономики и торговли Грефа, конечным результатом которой должно быть окончательное упразднение России, поскольку в нее не будет ни науки, ни образования, ни транспортных и энергетических сетей, ни земледелия, ни промышленности, ни вооруженных сил.

Впрочем, общественное мнение вряд ли догадывается о подобной безрадостной перспективе, потому что интеллигенция, занятая пустяками и демонстрирующая генетическую лень и равнодушие ко всем важным государственным проблемам, так и не приобрела привычки читать, изучать и понимать юридические законы или правительственные программы.

И еще один сюжет просматривается в этой истории о государственных символах. Политика, как и шахматы, признает гроссмейстерами лишь тех, кто имеет способность рассчитывать партии на много ходов вперед. Верховная власть, решение которой о

государственных символах, конечно же, должно принести ей значительные дивиденды и поднять еще выше рейтинг популярности, предпринимает такие шаги не без собственной дальновидной цели.

В данном случае три обстоятельства позволяют предположить, что Кремль уже определился в собственной стратегии, и что именно должно последовать в его инициативах если и не в самое ближайшее время, то наверняка - в 2001 году. Во-первых, это законопроект о президентских гарантиях, в принятии которого законодателями нет никаких сомнений. Во-вторых, президентский законопроект о трех губернаторских сроках, который имеет такую же перспективу. В-третьих, поспешное появление и столь же поспешное опровержения в прессе слухов и предположений о том, что на Боровицком холме существуют планы узаконения трех сроков избрания в отношении главы государства вместо двух и о продлении каждого срока с четырех до пяти или семи лет, как это было во Франции.

Перетягивание президентом на свою сторону левого электората, союз с которым будет оплачен исполнением угодной ему музыки в качестве гимна, скорее всего потребовался для того, чтобы провести назревший референдум по корректировке Конституции. Что результат референдума не составляет труда предугадать, как это легко было сделать и 12 декабря 1993 года, в этом, конечно же, могут сомневаться лишь наблюдатели, которые любят представлять In patribus infidelium так называемое цивилизованное сообщество.

Россия для русских и русские для России

Олигархически-либерало-бюрократический режим, правящий российским государством, уже давно решил изображать своих противников - консерваторов и русских националистов, что на идейном уровне одно и то же, в открытой полемике с которыми режиму некого и нечего противопоставить и поэтому он от нее постоянно уклоняется, - фашистами.

Очень удобная, хотя и подлая тактика, так как на протяжении многих десятилетий официальная пропаганда коммунистических правителей России именно этим словом клеймила немецких нацистов и вторгшиеся в 1941 году в страну европейские орды под предводительством Германии, принесшие русскому народу не только разрушительное нашествие, превратившее в руины сотни городов и десятки тысяч сёл и деревень, но и неисчислимые страдания. Зато она очень удобна для русскоязычной бюрократии, старающейся выглядеть респектабельно в глазах европейской и североамериканской публики, мнением которой она не может пренебречь. Да и западной плутократии выгодно делать вид, что она принимает за борьбу с фашизмом в России то, что в действительности является разновидностью латиноамериканской олигархии.

На правовом уровне эта установка, клеветнически и изощрённо изображающая русских патриотов фашистами, реализуется правящей бюрократией, в частности, в законах «о противодействии экстремизму». Так как некоторая, весьма незначительная, часть русских, не от великого ума и зачастую из-за деятельности провокаторов, специально внедряемых в их среду, кокетничает публичным использованием рунической графики, сходной с изображениями, принятыми в Германии 20-х - 40-х годов, закон относит к экстремизму «пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой и символикой до степени смешения». Поскольку смысл этой специально выдуманной юридической тарабарщины никому не известен, а ее подтекст наоборот - известен слишком хорошо, произвол чиновников, милиции, прокуроров и судов подразумевается, как и то, против кого он будет обязательно использован.

Однако проблема заключается в том, что символика, принятая в 20-е годы руководством Национал-социалистической немецкой рабочей партии (NSDAP), именуемой в обиходе нацистами, не является их изобретением. Они взяли её из мировых источников, религиозных символов, существующих тысячелетиями. Вот и

получается, что закон о противодействии экстремизму дает возможность интерпретировать ту же буддистскую свастику - символ удачи и бессмертия, которая появилась, кстати говоря, задолго до христианства, где она также используется, - как нацистскую символику, объявив ее воспроизведение экстремистским деянием. Причем сделано это не без умысла. То есть специально. Поэтому отнюдь не случайно, надо полагать, в этом законе, говорящем о «символике и атрибутике», нет определения того, что следует считать «нацистской символикой и атрибутикой», как нет и воспроизведения в нём символов и атрибутов, которые исчерпывающим образом охватывают это понятие.

Двусмысленна и фраза насчёт «степени смешения», превратившая этот закон в орудие заведомых политических манипуляций и омерзительных злоупотреблений со стороны органов власти. Такой словесный «каучук» даёт возможность обвинять в пропаганде нацизма изображение и воспроизведение любой свастики и многих знаков и эмблем с бело-черно-красными сочетаниями. Получается, что раз эмблемой немецкой дивизии SS «Эдельвейс» времен Второй мировой войны был цветок с одноименным названием, то любое воспроизведение эдельвейса является в России экстремистской деятельностью. Беззаконность подобной трактовки вряд ли стоит доказывать.

Не надо обладать и какими-то паранормальными способностями, чтобы предугадать, какой бездной умышленных злоупотреблений обернётся в современной России эта так называемая «борьба с русским фашизмом». И сколько совершенно безвинных, ни в чем неповинных людей окажется ее жертвой. Сколько счётов сведёт власть и отдельные ее представители со своими врагами, да и вообще со всеми, кому им захочется испортить жизнь.

Между тем в современной Германии, где в уголовном порядке карается использование нацистской символики, под нею понимаются знамёна, значки, атрибуты униформы, партийные приветствия, применявшиеся NSDAP и связанными с нею организациями, признанными впоследствии преступными и запрещенны-

ми согласно решению Нюрнбергского международного трибунала.

Но что разумно и исторически оправдано для Германии, чей разгром и последующую оккупацию немцы приписывают нацизму, в который они уверовали и за идеями которого они пошли завоёвывать весь мир, выглядит кощунственно в России.

Когда русские разделались с агрессий Европы начала XIX века, которую возглавила наполеоновская Франция, поставив точку в споре между Россией и Европой в Париже, им и в голову не пришло вводить запрет на использование атрибутики, фасонов одежды и расцветок шейных платков, которые надевали щеголи и модницы парижских салонов. Сломив германскую агрессию XX века, русские не устрашились вооруженных сил всей Европы, объединившихся под немецким началом, продиктовав волю победителя в поверженном Берлине. Так почему же им надо опасаться каких-то значков и эмблем своего поверженного, давно исчезнувшего в небытие врага - немецкого национал-социализма? Для России и русских такого рода запреты, к тому же исходящие от власти, пропахшей коррупцией и предательством национальных интересов, унизительны сами по себе.

С другой стороны, неуместное публичное поведение граждан страны, оскорбительное для национальной памяти или совершенно неприличное в современной русской среде по вполне понятным причинам, отрицать которое нет смысла, должно предотвращаться не формальными запретами, не карательными операциями вооруженных автоматами и дубинками милицейских чинов, а неутомимым воспитанием и глубоким образованием. Причем воспитанием в канонах православия и созданной на его основах русской культуры, что подразумевает всестороннее знание политической истории с русской точки зрения, и на мощной фундаменте естествознания, достигнутого на данной ступени научного развития.

Не вдаваясь в детали надо сказать, что в России воспитание и образование должно иметь задачей не «производство» специалистов с мировоззрением и настроением пацифистов, космополи-

тов и русофобов, как это имеет место в настоящее время, а превращение каждого родившегося и выросшего на русской земле молодого человека в русского и православного гражданина до кончиков ногтей. Такая задача, конечно, не может быть выполнена за год или два, но ее постановка в порядок дня бесспорна. От этого зависит, быть или не быть России.

Для любого ее гражданина, воспитанного и образованного в русском духе, самоочевидно, что *русский народ - хозяин своей земли*. Именно за её утверждение и превращение в незыблемый закон жизни десятки поколений русских людей трудились многие столетия, осваивая принадлежащие им пространства, и воевали, защищая свою страну от неоднократных иноземных вторжений и внутренней крамолы.

Для русских это бесспорная истина, не требующая объяснений или оправданий.

При этом надо понимать, что выраженная в этой фразе задача, которую приходится решать постоянно из десятилетия в десятилетие в непримиримой борьбе с противниками единой и неделимой Русской державы, поскольку ее всякий раз они ставят под сомнение, является предпосылкой для национального единства, объединяющего всех граждан России, независимо от их этнического или социального происхождения, от имущественного положения или иных индивидуальных отличий.

В силу своей исторической естественности указанная фраза, как и многие ей подобные, хотя бы «Россия - для русских», не является призывом. Это и не обращение, направленное на побуждение к определенным действиям, не провоцирование к чему-либо, не лозунг, содержащий какую-то отрицательную эмоциональную оценку или установку, возбуждающую или подстрекающую к чему-либо негативному или несвойственному великого народа.

Это скорее принцип, на соблюдении которого зиждется и умножается слава, красота и крепость России, завися от того, насколько точно, неукоснительно и последовательно ему следуют каждый её гражданин, каждая семья и община, деревня и село,

поселок и город, каждый орган власти и каждое должностное лицо, находящееся на службе Российского государства. Глядя правде в глаза, скажем - немногие понимают его глубинный смысл. Оттого и высокие утраты, которые выпали на долю России в последние десятилетия. Народонаселением, производственным потенциалом, вооруженной мощью, территориями.

В то же мере, в которой русские - хозяева своей земли и Россия - для русских, и русская земля - хозяйка русских людей и русские - для России. Одно не может быть для другого. В понятии русский столько же от биологии или антропологии, сколько и от мировоззрения и самосознания. И даже больше. Русским мало родиться, говорил Ф.М. Достоевский, им надо стать. Ведь для истинно русских недостаточно просто любить Россию, для этого надо любить её до такой степени и так крепко, чтобы не жалеть для нее в трудную годину ни имущества, ни здоровья, ни жизни. Много ли таких русских живёт сейчас на русской земле? Многие ли из них обладают ныне мужеством быть русскими?

Национальная гордость

Великая Россия – только мечта. Современная Россия не имеет никакого величия. За все годы «демократизации» в ней не было ничего, что можно было бы с гордостью завещать грядущим поколениям. История с 1991 года для нас – это история позора, бесконечных преступлений власти и равнодушного увядания народа, вернувшегося на свои кухни к перетиранию косточек политиков, которым внимают, глядя в телеэкран, точно так же, как внимают бесстыдным клоунам.

Национальная гордость исчезает, когда народ перестает различать Добро и Зло. Или оценивает жизнь со стороны, не применяя нравственного императива к себе. «Я-то здоров, это общество больно», - рассуждает одни. «Все такие», - думают другие, оправдывая себя «типовым» грехом. «Такова жизнь», - безысходно заключают третьи. И от этого все претензии к власти предателей и воров становятся выхолощенными, условными. Каждый будто знает, что, окажись он на месте вот этого самого

негодяя, которого показывают в популярной передаче, он вел бы себя точно так же. Мало того, в злобе на чиновников и политиков, скрывается зависть и подспудное желание: сам хочу быть таким!

Национальная гордость растворяется в злобе и невежестве. Обрести ее вновь может только народ с широкой душой и страстью к истине. Русский народ уже не таков, но может таким стать вновь. Народ-подвижник будет знать свою гордость, народ-лентяй и духовный дегенерат всегда будет постыден. Мы не хотим быть постыдным, мы мечтаем о величии своей нации. Значит, среди нас есть те, кто способен на великие дела, тот героический отряд, который поведет за собой весь остальной народ.

У русских есть все, чтобы гордиться своими историей, культурой, наукой, своими героями и вождями. Но чтобы эта гордость не превращалась в заказной праздник перед трибунами с должностными лицами, в хлопушку на потеху иностранцам, мы должны создавать сейчас, сегодня свои историю, культуру, науку, сегодня иметь своих героев и вождей. Мы хотим этого. Но, вот беда, хотим недостаточно – слишком вяло, чтобы приложить к достоинству предков еще хоть крупицу. Наоборот, мы разбазариваем свою национальную гордость, уступая раз за разом нахрапистой силе бюрократии, подчиняясь олигархии, подстраиваясь под «партию власти».

Ленин призывал ненавидеть свое рабское прошлое и рабское настоящее. Мы теперь знаем точно, что в прошлом у нас не рабство, что вождь большевиков лгал. В прошлом у нас – гордость великороссов и величайшая история. А рабство настоящего – оно вокруг нас, в каждом нашем столкновении с чиновником, в каждой попытке устроить свою жизнь или жизнь общества разумнее и чище. Нам неизменно показывают, что мы – рабы бюрократии. Нам нечем гордиться, поскольку государственная власть отгородила нас от государства. Мы больше не сопричастны к его стратегии. Власть – сама по себе, мы – сами по себе. Поэтому мы еще народ, но не сплочены в нацию, еще граждане,

но не демос. Мы не создаем власти для себя, мы ею покорены, мы ей совершенно чужды.

Не было в нашем народе никакой национальной кичливости, никакого «великорусского шовинизма». Нет и «русского фашизма», которым попрекают каждого, кому не нравятся враги нашего Отечества, особенно окопавшиеся в разного рода «правозащитных» структурах. Было обратное – непротивление злу, самоуничижение, растерянное недоумение перед внезапно обрушенными на наш народ «реформами». Нам не нужно усмирять национальное чувство. Напротив, оно в русском народе лишь теплится.

Вернуть себе национальную гордость можно только одним способом – возвратить себе отнятое у нас государство. Когда народ вернет себя государство, он станет нацией. Идея такой трансформации заложена в национализме: нация выше государства; выше нации – только Бог. Национализм – это путь к национальной демократии, к власти демоса. Национальная, а не универсальная (либеральная, «общечеловеческая») демократия – это наша цель, в достижении которой мы должны перешагнуть через труп бюрократии, которая антинациональна по своей сущности (инородна или безродна).

Социальная проблематика для националиста всегда просматривается сквозь перспективы нации. Социалисты просто стараются накормить людей – сегодня, сейчас, с запасом. В оппозиции – требовать невозможного, во власти – уравнивать всех, чтобы не было богатых (минус издержки за «услуги» партаппарата). Националист формирует судьбу нации в целом, а не ее отдельных слоев, побуждает каждого нести свою долю ответственности за страну. Поэтому социальное и национальное для националиста неотделимы. А для социалиста выстроены по противоестественному порядку: максимум социального, минимум национального. Гордость нации при социалистическом режиме может возникнуть только от сверхэксптуатации народа или от сверхмобилизации перед лицом смертельной опасности. Национальная власть не принялась бы надрывать народ без надобности, нико-

гда не стала бы противопоставлять классы и социальные слои, никогда не бросила бы ресурсы страны в топку мировой революции. Национальная власть социальна всегда, а социалистическая власть национальной быть не может.

Националист никогда не будет выступать против частной собственности, против частной жизни. Он ставит нацию выше частного интереса, но частный интерес выше группового, партийного. В отличие от либералов, которые видят только частный интерес, и никакого другого. Поэтому либералы всегда скатываются к поддержке олигархии, а националисты всегда выступают в поддержку национального капитала, за освобождение его от пресса бюрократии и недобросовестной конкуренции. Националисты понимают лозунг «Свобода. Равенство. Братство» как право нации и подчиненной ей личности. Либералы требуют свободы лишь для частного лица, равенство понимают лишь в праве, но не в долге, а что такое братство, они давно забыли.

Путь к Великой России, к восстановлению достоинства русской нации обозначается простым принципом: с национальным капиталом против олигархов-космополитов; за национальную демократию против антинациональной бюрократии.

Актуализация традиций и становление нации[12]

Что понимать под традициями

Что такое традиция? В узком смысле - обряды, привычки, устоявшиеся мелочи жизни, фольклор, словом - краеведение. Все это важно, необходимо и не подлежит сомнению.

Для предмета нашего разговора, связывающего традиции с государственностью, традиции следует понимать в гораздо более значимом, высоком смысле. Как неизменяемый код развития нации и государства, как подобие тщательно скрываемого от посторонних пароля, предотвращающего доступ в русский мир разнообразным и многочисленным враждебным и чуждым ему вирусам. Традиции здесь становятся фундаментальными условиями существования. В них воплощается неизменная природа национального развития, незыблемость русской государственности, лишь письменная история которой простирается в глубину времени на одиннадцать столетий.

Этот позитив, конечно, разделяют не все. В коммунистической догматике традиция - нечто отрицательное, чуждое так называемому прогрессу. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых». Так полагал Маркс. Аналогично относится к традициям и либерализм. Потому что они мешают «общечеловеческим ценностям». Но для русского мировоззрения отрицание традиции всегда было тождественно отрицанию самой России, а признание ценности традиций обеспечивало непрерывность связи всех поколений, которые ее создавали, развивали и защищали.

Исторически сложившийся уклад каждого народа, — говорит Победоносцев, — драгоценен тем, что он не придуман, а создан

---

[12] Статья подготовлена на основе выступления С.П.Пыхтина на Межрегиональной научно-практической конференции «Культурно-духовные традиции - основа русской державности», проведенной администрацией г. Суздаля, Владимиро-Суздальским музеем-заповедником, Владимирским госуниверситетом, организацией «Родина. Конгресс русских общин» и Клубом «Реалисты» в г. Суздале 15.02.2007.

самой жизнью и поэтому замена его чужим или выдуманным укладом жизни, неминуемо приводит к сильнейшим катастрофам. Ложные идеи и действия правителей и государственных деятелей на основе ложных идей создают почву для изменения психологии руководящего слоя. Усвоив чуждые национальному духу или, что еще хуже, ложные вообще в своей основе, политические и социальные идеи, государственные деятели сходят с единственно правильной для данного народа исторической дороги, обычно уже проверенной веками. Измена народным идеалам, нарушая гармонию между народным духом и конкретными историческими условиями, взрастившими этот дух, со временем обычно всегда приводят к катастрофе.

Так же думал французский консерватор Франсуа Гизо: «Народы, как они ни хотели, не могут порвать со своим прошлым, имея за собою долгую и славную жизнь; они под влиянием прошлого и когда стараются его отменить, сущность их характера и судьбы, созданные историей, лежат в основании их крупнейших преобразований. Никакая революция, самая решительная и глубокая, не в силах упразднить национальные традиции».

Фундаментальные традиции

Может показаться, что консервативный взгляд на традиции опровергает сама история России, каждые сто лет не оставляющая от них камня на камне. И в самом деле – можно насчитать, по крайней мере, несколько таких событий. 1) Принятие Русью христианства в IX веке. 2) Татаро-монгольское нашествие и установление сюзеренитета над Россией двумя государствами – Ордой и Литвой в 30-е годы XIII века. 3) Обретение Русью политической самостоятельности в 1480. 4) Реформы Петра I в конце XVII-начале XVIII века. 4) Революция начала XX века. Критическое переосмысление форм жизни в эти периоды достаточно очевидны. Кто бы спорил?

И все-таки фундаментальные традиции в конечно счете всегда брали верх над самыми радикальными переворотами, которые, казалось бы, превращали страну в нечто совершенно новое. Но

Россия, что бы с ней ни происходило, всегда оставалась сама собой, возрождаясь как Феникс из пепла даже в годину поражений. И даже когда менялось в стране решительно все.

Но главное оставалось неизменным. Направление развития. Перечислю. Удвоение коренного населения страны каждые 60-80 лет. Счёт народонаселения начинался с 1,5-2 млн. К 80-м годам XX столетия оно достигло в границах исторической России 290 миллионов. На протяжении тысячелетия мы были страной не отцов, а детей. В русском языке закрепилось значение термина семья как союза мужчины и женщины, имеющих пять детей. "Семь - Я." Такова была естественная норма. Но мы знаем, что на практике она превышалась в два-три раза. Затем - русской традицией был постоянный абсолютный рост совокупного потенциала России в мире - производственного, военного, научного. В начале XX века наш вес в мире равнялся 4-5%. А еще 20 лет назад он достигал 20%, когда как интеллектуальный ресурс равнялся половине мирового. Вот что значило для нас быть сверхдержавой. Третья традиция - Государство Российское, как бы оно ни называлось, от века к веку расширяло свои пределы, достигая рубежей, которые бы обеспечивали наше развитие и внешнюю безопасность. Подсчитано, что жизненное пространство России увеличивалось на 40 км. в год. К середине XX века оно простиралось на 5000 км. с севера ни юг и на 11000 км. с запада на восток. Из захудалой северо-восточной окраины Европы, каким была Россия после обретения суверенитета в 1480 году, она превратилась в несокрушимое государство-цивилизацию.

И что же? Как ни горько признавать, но именно отрицание фундаментальных русских традиций стало сущностью современного исторического момента. Массовое сознание перестало с ними считаться. Более 20 лет страна идет вспять, расточая и обращая в прах созданное и защищённое предшествующими 25 поколениями. Вместо роста численности населения происходит его вымирание. И не только. Оно деградирует. Страна детей превратилась в страну бабушек и дедушек. На одного работоспособного приходится один пенсионер. Русские семьи стали преимуще-

ственно однодетными. Совокупный производственный потенциал страны сократился на порядок. Его вес в мире не превышает теперь 2%. Десятки отраслей, причем наиболее перспективных, вообще перестали существовать. На днях президент Лукашенко с горечью сообщил, что «от Москвы до западных окраин наших некогда великой страны у России осталось две неполных дивизии».

Наконец - произошел политический распад государства. В его внутренних пределах возникло более 20 правительств, заявивших о государственной независимости. Но она не может быть обеспечена, потому что эти образования не обладают и никогда не будут обладать ресурсами, обеспечивающими полноценный суверенитет. Если массовое сознание смирится с таким распадом, то этот будет означать, что оно отказывается от примерно 6 млн. кв. км самых развитых территорий, эквивалентных 10 Франциям.

Казалось бы, невероятная ситуация. И, тем не менее, инициатива отрицания традиций, за которым маячит неизбежное исчезновение русской цивилизации и ее поглощение враждебными соседями, принадлежит интеллигенции, а население страны с восторгом идиотов воплощает её на практике. Однако фактического распада еще нет, зеркало треснуло, но не рассыпалось, и еще можно восстановить прежнее состояние страны.

Не иностранцы и инородцы уничтожают Россию. Это делают три-четыре поколения ныне живущих русских людей, составляющих более 80% населения страны. Ничего подобного не было в ее истории. 11 столетий русские были государство-образующим народом. Теперь же они исполняют роль государство-разрушающего народа. Надо ли после этого удивляться или негодовать из-за того, что некоторые малые коренные этносы, предвидя, чем может обернуться крушение страны, пытаются создать собственную государственность, чего никогда не было в прошлом. Чем закончатся такие «новостройки»? Все русские квази-государства разделят судьбу новообразованных искусственных африканских государств. Формальная независимость

сведётся к унизительному для них колонизаторскому подчинению. Наступит катастрофа, о которой предупреждал Победоносцев.

Традиции второго порядка

Но этими мазками картина не заканчивается. Расшатывание коренных традиций - лишь начало процесса. Под вопросом находятся и, скажем так, традиции второго порядка. Управление страной, которое века несли на себе институты государственной власти, вручено *деньгам*. Приоритет интересов нации подменен космополитическим денежным интересом. Нарушена принципиальная традиция социально-политических отношений. В жертву своекорыстию принесено этическое начало русской государственности, о которой говорил Лев Тихомиров. Диктатуру православной совести, сочетание авторитета и демократии, принуждения и свободы, централизации и самоуправления, как её определял В. Соловьев, сменила циничная и бездушная «диктатура закона». Простая, земная, человеческая, то есть *государственная* справедливость подменена формальным законничеством, которое есть ни что иное как вульгарная алчность, страсть к барышу. Смысл жизни ограничен обладанием возможно большим количеством *денег*, нажить которые можно лишь хищничеством и преступлением. Иных источников обогащения в России нет.

В России, где экономика жестко зависит от случая, непреодолимых внешних обстоятельств, северных условий хозяйствования, *главенствующая роль* всегда принадлежала производителю. Подавляющая часть ресурсов страны становится доступной для *потребителя* только после глубокой переработки. Поэтому-то типичный русский - не купец, не ростовщик и даже не крестьянин (в европейском понимании), а мастеровой человек - рабочий, инженер, ученый. Поэтому статус производителя благ был всегда выше статуса посредника. Еще одна традиция. Но и она отвернута. Власть денег отодвигает производителя в сторону, создавая очевидные преимущества посреднику. Труд вытесняется спекуляцией, которая в русских условиях хозяйствования воз-

можна лишь за счёт разрушения государства, ценой обнищания народа.

Чтобы был возможен цинизм повседневный, разрушающий связь времен, массами должен овладеть цинизм духовный. Либеральная Европа для такой метаморфозы еще в XVIII веке изобрела две доктрины. Одна из них именуется «свободой совести», другая - «отделением церкви от государства». Для русской интеллигенции, изначально атеистической и безгосударственной, они стали чем-то вроде священных коров. Конституция РФ, одобренная в декабре 1993 года народным референдумом, придала им ранг незыблемых основ конституционно строя. Ст. 13 провозгласила Россию страной без обязательной или государственной идеологии, ст. 14 закрепила норму о религиозном плюрализме, а ст. 28 гарантировала каждому «свободу совести».

Но ведь еще Иоанн Кронштадтский предупреждал, что «*свобода совести ведет к жизни без совести*». Его не услышали. А ведь так оно и получилось. К чему сводится безбожное существование, нас предупредил Достоевский - к исчезновению понимания разницы между добром и злом, когда человек обращается в зверя, которому позволено все что угодно, любой порок и преступление. И это предупреждение прошло мимо ушей. Наконец, если ст. 1 Конституции провозглашает Россию государством, значит, государство в России есть не что иное, как ее политически форма, то отделение церкви от государства в действительности является его отделением от России, а так как церковь есть хранитель духовно-нравственных традиций нации, то за либерально-коммунистическими доктринами, которые навязаны нам под видом само собой разумеющихся юридических прав, скрывается желание ликвидировать наши национальные и исторические начала, прервать традиции, тем самым прекратив существование России и русских, причем сделав этот акт исторического самоубийства их собственными руками. Но десятки миллионов человек, считающих себя русскими и гражданами России, проголосовавшие за ельцинский текст основного закона, нашли эти положения вполне приемлемыми.

Должно ли нас удивлять, что русская деревня вымерла и спилась? Что большая часть населения городов, подобно античному римскому плебсу, жаждет одних лишь «хлеба и трелишь», а проституция, наркомания, пьянство и безделье стали обыденным явлением? Что чиновничество торгует своими полномочиями и распродает национальное достояние? Что армия и милиция выродилась в банды наемников, не способны для ведения войны с врагом, но охотно терроризируют собственное население? Перед вами закономерные последствия рукотворной, вполне осознанной деятельности тех, кто фанатично копировал абсурдные для отечественных условий идеологии и доктрины, кто превращал их в программы, кто писал законы и постановления, кто утверждал архитектурные проекты и строил, строил, строил по ним - до потери сознания и утраты смысла вещей. Кто, наконец, все это либо активно поддерживал, либо равнодушно соглашался.

Что может сохранить традиции

Следует признать, что ныне все коренные традиции России поставлены под вопрос и разрушаются самым безжалостным образом. Сказывается 70 лет коммунистического правления и 20 лет существования управления либерального. Между тем становление России как государства-нации невозможно без того, чтобы власть приобрела отчетливо национальные свойства, чтобы она стала русской по природе. Однако в XX столетии произошло недопустимое сокращение численности национальной элиты, лучшей в интеллектуальном и духовном отношении части общества. Ее место заполнили «пролетарии», то есть контр-элита и даже псевдо-элита. А если власть оказывается в таких руках, то последствия нетрудно предсказать. У «пролетариев», которым, как известно, «нечего терять», не может быть связи с прошлым и будущим страны, которая для них чужая, источник личного обогащения, объект для тщеславных и бесчеловечных экспериментов, а национальные ресурсы и блага - не более чем ликвидный товар, который можно выгодно продать.

Какие же выводы можно сделать из сказанного? Если Россия не желает повторить в XXI веке судьбу погибших цивилизаций, вроде античного Рима или средневековой Византии, то ей, прежде всего, необходимо как можно скорее и как можно решительнее отказаться от ошибочных стратегий, отрицающих ее традиции, чреватых катастрофическими последствиями. Это предполагает разработку и реализацию нового курса развития - соответствующего не абстракциям, а также примерам, с которыми у России нет ничего общего, а ее собственному предназначению и собственной природе - географической, климатической, расово-антропологической, религиозной, исторической, культурной.

Скажут: одной решительности мало. Необходима философия государственной власти, опирающаяся на русский идеологический фундамент. Между тем утверждают, что у России нет собственной национальной идеи. И что она ей не нужна. Огорчим пессимистов, считающих «Времена» последним словом политической мысли, а «Воскресный вечер» - ее интеллектуальным отражением. Национальная русская идеология давно разработана.

Она в трудах Ломоносова, Державина, Карамзина, Пушкина, С. Уварова, Гоголя, М. Погодина, Достоевского, Данилевского, Тютчева, М. Каткова, Менделеева, Победоносцева, К. Леонтьева, Булгакова, Тихомирова, И. Ильина и многих других отечественных авторов, истинных мудрецов прошлого. К этому надо прибавить труды отцов церкви, русских православных мыслителей, богословов, философов. В них систематически и цельно изложены наши «культурно-духовные традиции». О том, зачем жить, как жить, чем жить и как быть. Если следовать им, то все получится; если же ими пренебрегать, поражения неизбежны.

Остается одно - соединить традиции и государственное строительство. Для этого надо объединить усилия людей русской культуры и русской политики на почве творческого использования русской традиции? Тогда у нас не будет идеологических разногласий, и нация не утонет в спорах о том, что делать.

Интеллигентский маразм

Академик Д. Лихачев в сове время так отреагировал на вопрос, относящийся к необходимости “единой консолидирующей идеи” для русской нации:

> “Все это крайне опасно!... Нигилизм разовьется. Государство должно быть деидеологично. А вооруженное какой-то, пусть самой правильной идеологией, оно опасно, потому что становится нетерпимым к чужой идеологии. В государстве должно быть много идеологий. Так же, как не должно быть одного ислама. Почему Русская Православная Церковь потеряла столько своих приверженцев? Потому что в ней видели воплощение императорской государственной идеологии. Самодержавие и православие не должны быть рядом. Государство пусть стоит с алебардой на площади и следит, чтобы не грабили подданных.
>
> Если не хватает своих идей — пожалуйста, приобретайте “за свой счет” чужие, заимствуйте. Но стоит ли пренебрегать собственным богатством? У нас есть блестящие философы, у нас живопись, музыка, близкие к религии. Когда я слушаю “Хованщину” или “Град Китеж”, меня охватывают почти религиозные чувства. Но когда я вижу: весь первый ряд в театре заполнен людьми, украшенными орденами, эполетами, с кортиками воинственными, восхищающимися одномерностью идеологии, идущей со сцены, я легко представляю их марширующими по улице. Разве это не так? Поэтому я противник любой идеологии — сегодня она таит в себе страшную опасность... Всякая идеология ведет к деспотизму” (газета “Век” № 46 за 1996 г.).

“Новая газета”, издание, находящееся под патронажем Фонда Горбачева и г-на Явлинского, в номере от 9.12.96 опубликовала письмо, в котором неутомимый старец, адресуясь съезду партии с плодоовощным названием, написал следующее:

“Знаю, что сейчас многие убеждены в том, что спасение наше в общенациональной идее. Общенациональная идея в качестве панацеи от всех бед — это не просто глупость, это крайне опасная глупость! А разве гитлеровская идея не была национальной? Именно поэтому я с большим волнением слежу за нарастанием напряженности и усилением диктаторских настроений в Белоруссии. Необходимо очень внимательно заниматься этой проблемой, иначе мы будем иметь ближайшего соседа — страну, где попираются права человека, свобода мысли и свобода слова.

Я категорический противник всяких общенациональных идей. Вы посмотрите, что в таком случае получается: приняли идею, живем по ней, а вот всех тех, кто в нашу русскую идею “не вписывается”, — в острог? Я бы сказал так: жизнь по общенациональной идее неизбежно приведет сначала к ограничениям, а потом возникнет нетерпимость к другой расе, другому народу, другой религии. Нетерпимость же обязательно приведет к террору.

Единомыслие — это искусственность. Естественно многомыслие, многоидейность...

Если говорить о будущем России..., я бы сказал, что наше будущее — в открытости всему миру и просвещенности. Для государства, любого, в любые времена, на первом месте должны стоять морально-нравственные ориентиры...

Главной заботой государства, власти должна быть не химера национальной идеи, а культура. В самом широком ее понимании — образование, наука, искусство, отношение друг к другу и к природе. Культура как глубинное основание общественного устройства и всего социально-экономического развития. Не вульгарная надстройка в противовес базису, а главный смысл и главная ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государства.

Культура сейчас, несомненно, важнее для нашего государства, чем цивилизация, но, к сожалению, это не находит понима-

ния среди широких слоев управленцев. Вне культуры существование человечества на планете лишается смысла...”.

Простим почтенному мэтру, специалисту в области языкознания, что он на десятом десятке своей жизни отождествлял идею с идеологией, национальную идею с государственной идеологией, что после 80 лет господства в России марксизма-ленинизма он позволил себе такое обобщающее умозаключение: “всякая идеология ведет к деспотизму”. Но “простить” не означает “согласиться”.

Трудно найти в истории еще какой-либо великой страны, за исключением России, пример многовекового существования целого социального слоя, основная задача которого заключалась бы в том, чтобы выполнять в ней функцию внутреннего врага любого здорового государственного организма - духовного, экономического, общественного или политического. В России же такая социальная группа существует вот уже лет 200 и именуется интеллигенцией.

Гносеология и онтология этого русского национального феномена достаточно хорошо известна, историографические данные относительно неприглядной роли, которую она с необыкновенным упорством выполняла, отнюдь не скрыта за семью печатями, ее деяния последнего десятилетия прошли буквально на наших глазах. И консилиум относительно этой чисто русской болезни уже неоднократно проводился.

Какие страсти двигали и продолжают двигать этим неизлечимо больным слоем общества? Чувство неполноценности, презрение к природе собственной страны, европофилия в сочетании с нигилистическим отношением ко всему, что может называться “русским”, наконец злобствование, помноженное на невежество. После того, как П.Б. Струве охарактеризовал идейную сущность русской интеллигенции как *отщепенчество и отчуждение от государства и враждебность к нему* - ничего по сути не изменилось. Даже усилилось и распространилось вглубь и вширь, заражая собой окружающих.

Возьмем современную генерацию “русской интеллигенции”, главным образом московскую и петербургскую, ставшую символом, если угодно - демиургом господствующих настроений. Что можно сказать по ее поводу - лишь повторить с прискорбием слова все того же Струве из вышедшего в 1909 году сборника “Вехи” - *“легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения”.* Словом - продолжение тех настроений и практических действий, которые связаны с “бунтовщиком похуже Пугачева” XVIII века, декабристами, которыми продолжают любоваться, не зная, что несли России эти романтические мятежники и наивные предатели, нигилистами, снявшими с убийства клеймо преступления, русофобствующими народниками, франкофильствующими или германофильствующими либералами, наконец, социалистами и троцкистами, мечтавшими превратить Россию в хворост, разжигающий “мировую революцию”. И в последней трети нашего столетия эта тенденция воплотилась сначала в диссидентстве, а затем в ядовитом букете “межрегиональщины”, из которой выползли все современные Герострáты, отрицающие русскую природу России, исходящие ненавистью к ней.

Последние фазы в развитии интеллигенции можно расценивать как ее естественное завершение, связанное с окончательным перерождением из русской, каковой она была ещё в середине XIX-го века, в антирусскую или псевдорусскую, каковой она является сейчас. По какой причина? Она вполне сознательно, принципиально, фанатично перешла на сторону враждебных России ценностей, целей и интересов, разорвав все нити, которые, так или иначе, связывали ее с прошлым, настоящим и будущим отечества.

В наше время, чтобы воевать с Россией по-настоящему, а интеллигенция находимся в состоянии войны против Государства Российского вот уже почти 100 лет, ей надо внушить себе чувство ненависть к врагу. И интеллигенция, существующая как социальное явление только в России, являющаяся продуктом только её развития, привычно видит в ней, ее истории, ее самобытности

своего естественного антагониста. Здесь ей все чуждо, враждебно и ненавистно - прежде всего - государство, власть и судьба страны. Для интеллигенции самой России как страны и государства с вполне определённой территорией и культурой, уже нет, а есть место, которое когда-то называлось Россией. Ее прошлое переполнено событиями, наихудшими из всех возможных. Что же касается так называемого “советского периода”, то Россия, согласно интеллигентскому бреду, - “более чем на семьдесят лет была вырвана из процесса естественного исторического развития”.

С точки зрения интеллигенции особенного презрения в истории России заслуживают высшие государственные деятели. В самом деле, как можно относиться к России благожелательно, если Иван IV был гомосексуалом, Петр I - эпилептиком, а Николай II - алкоголиком? Что хорошего можно было ожидать от режима, утвердившегося после октября 1917, если Ульянов (Ленин) страдал склерозом, Свердлов и Дзержинский - чахоткой, Бухарин - неврастенией, а Апфельбаум (Каменев) и Бронштейн (Троцкий) сподобились “унаследовать недуги Рюриковичей и Романовых” - алкоголизм и эпилепсию? Что же касается Джугашвили (Сталина), в период правления которого, как хорошо известно, Россия сохи и невежества превратилась в интеллектуально развитую, ракетно-ядерную державу, то он вообще не заслуживает ни одного положительного эпитета, поскольку “имел явные признаки генетической мутации”.

Повод для предательства интеллигенцией найден. Какая бы ни была власть в России, она не в состоянии удовлетворить её эстетические и моральные потребности, тем более, что её собственные качества и свойства репутация кажутся ей стерильно чистыми. Словно ее кумиры, герои, гении и таланты, которыми она по привычке всё ещё гордится, не брали в рот и капли спиртного, не страдали от падучей болезни, не попадали в дом для умалишенных. Будто бы их не снедала страсть карточных игроков, никому из них никогда не были ведомы гнусные пороки и низменные страсти. Есть отчего прийти в неистовство.

Обитатели духовного серпентария, старожилы литературного зверинца, завсегдатаи домов информационной терпимости негодуют по поводу того, что политическая среда содержит не меньшее количество мерзости, чем их собственная. И тем не менее, вопреки элементарной логике, точнее говоря - в силу извращенной логики - из этой зловонной ямы в разных вариациях несется одно и то же: “Я российскую власть не люблю. Она генетически порочна. Из века в век. Во все времена”.

Какому мыслителю принадлежат эти полные негодования критические строки? Спинозе? Жан-Жаку Руссо? Марку Аврелию? Нет, они исторгаются из уязвленной груди либо члена журналистской корпорации, либо так называемого учёного, являющегося таковым чаще всего согласно штатному расписанию, либо общественному деятелю явно нетрадиционной ориентации, которые относительно морали, нравственности, добродетели и прочих тому подобных качеств, откровенно говоря, было бы в пору оптом и в розницу заткнуться лет этак на тридцать. Почему? Потому что бросать камни во власть в России могут только те, кто сами без греха. А таких сейчас невозможно найти даже днем с огнем. Кроме того, власть не целковый, чтобы всем нравиться.

Пойдем дальше. Философствуя об “истории власти российской”, интеллигенция заявляет, что “народы продвигаются вперед или поднимаются по восходящей линии только двумя способами - либо сотрудничая и взаимодействуя с хорошей властью, либо борясь против плохой”. На резонный вопрос, что такое хорошо и что такое плохо по отношению к власти, мы не найдем в этой политической позиции ни строчки, ни слова, ни намека. Глухо, как в танке. Зато на общество обрушивается поток политологической чепухи, вроде того, что “только Россия почти перманентно находится в состоянии непрерывной борьбы с плохой властью”, что “порядочные люди сотрудничество с ней считают для себя унизительным, позорным, постыдным”, что “все самое гениальное непременно пронизано духом бунтарства, неприятия власти, борьбы с нею”.

Положим, что данное мнение справедливо и имеет основание. Предположим также, что народ в России всегда был отчужден от власти, что в ее рядах нет и никогда не было ни одного маломальски приличного, честного, умного, талантливого и смелого человека. Допустим, что против русской власти на протяжении одиннадцати веков велась и ведется партизанская война, подразумевающая самые изощренные, жестокие, коварные формы сопротивления и неповиновения. Если это так, то никакой иной власти, кроме власти безжалостных тиранов, тупых чиновников, бездарных военачальников Россия и получить не могла. Если "порядочные люди" не идут во власть, то кто, кроме подонков, в ней окажется. Если все гении и таланты могут лишь бороться с властью, то кому, кроме бездарей и негодяев, придется ее защищать.

Интеллигенции никогда не приходило в голову, что гипотетическое наличие в России "дурной власти" - это не причина, в силу которой так называемые "порядочные люди" считают ниже своего достоинства оказаться в ее рядах, а закономерное следствие их высокомерного, узколобого, эгоистического пренебрежения властью.

К счастью для России интеллигентские фантазмы - всего лишь продукты её раздраженного воображения. Более того, как раз вся русская история являет нам многочисленные примеры самого тесного, целеустремленного, творческого сотрудничества и взаимодействия власти и интеллекта, государства и таланта, бюрократии и предприимчивости.

В отличие от Европы, в которой столетиями торжествовали законы этнических, религиозных, имущественных, сословных распрей, России были свойственны иные традиции бытия - общинности в повседневной жизни, артельности в труде, соборности в общественном устройстве. Какая бы власть ни существовала в стране, какие бы отношения ни господствовали, все действительно талантливые, творчески мыслящие люди стремились не вредить, а служить отечеству и государству.

Если бы было иначе, если бы утверждения интеллигенции соответствовали истине, разве могло бы Владимиро-Суздальское княжество, загнанное в таежные леса Европейского Севера, распространить свои пределы на шестую часть суши Земли и превратиться в одну из мировых цивилизаций? Если бы действительно лучшие люди России всегда были в состоянии вражды с ней, разве могла бы страна выходить победительницей из всех войн, которые ей навязывались непрерывно то с Запада, то с Юга, то с Востока? Если бы власть не находилась в самых дружеских отношениях со своим народом, неужели Россия смогла бы создать тот научно-технический, культурный и производственно-технологический потенциал, который превратил ее в великую державу уже в XVIII веке, и в сверхдержаву - в XX?

В непрерывном конфликте с властью в России находились отнюдь не лучшие и порядочные люди, как предполагает "мыслящий класс", а подонки общества, отщепенцы, внутренние иммигранты, не понимавшие и не стремившиеся понять и принять страну, в которой они родились и жили. Непрерывная борьба с русским государством, русской традицией, русскими интересами была уделом не людей дела, творчества, труда и духовных исканий, этим занимались идеологические фанатики, профессиональные бунтовщики, озлобленные заговорщики, психика которых была больной и извращенной, а жизненная энергия - общественно опасной.

Покончив с Россией и ее историей теоретически, наши идеологические оппоненты, сам того не сознавая, как только попытались применить свои теории на практике, оказались их жертвой. Не удивительно - если не испытывать любви к предмету своего исследования, вряд ли можно сохранить по отношению к нему объективность?

Интеллигенция убеждена, что русская (она предпочитает говорить: российская) власть доверху переполнена "неискоренимыми пороками". И тут же довольно пространно пытается выписывать рецепты для того, чтобы излечить, по их же собственным словам, неизлечимое. Но одно из двух. Или русская власть действи-

тельно страдает врожденными пороками, но тогда их надо принимать как неизбежное зло и приспосабливаться к ним, как к зиме на севере и муссонным дождям в тропиках. Или, наоборот, имеющиеся пороки вполне искоренимы, но тогда вся теория, на которую опирается интеллигентская критика. оказывается не наукой, бесстрастным наблюдением или правдивым словом, а изначально больным, расслабленным, если угодно – с самого начала старческим брюзжанием.

Окинув мрачным взором писаные века русской истории, интеллигенция изрекает: “российская власть - это апокалипсическая власть апокалипсического народа, который сам над собой возносит недостойных, чтобы потом класть все силы, а то и жизнь, на борьбу с ними”. Кому принадлежит сомнительная честь изобретения приводимых эпитетов? Н. Бердяеву, которого современные ему острословы именовали не иначе как Белибердяевым.

Если бы интеллигенция была в состоянии “разуть глаза”, она бы увидела, что плохая власть в России - интеллигентская греза, придуманная для оправдания “непрерывной борьбы с нею”. Радищев и Рылеев, Герцен и Л. Толстой, Чехов и Горький, Булгаков и Солженицын тратили свой талант, чтобы в художественной форме доказать, насколько отвратительна власть в России, и насколько страдает от неё русский народ. Но что стоят народные низы, не организованные и не сплоченные авторитетом власти? Без организации, которую всегда обеспечивали в России институты государства, ничего нельзя было бы сделать. Что же до фразы, что великими героями в России являлись только те, кто “боролся с плохой властью” (уж не Пугачева ли с генералом Власовым имеются здесь в виду?), то оспоривать эту мысль нет необходимости.

Следующий мифический порок, который должен оправдывать подрывные действия против государства: “авторитет власти был и по сей день остается выше авторитета закона”, поэтому якобы государственная машина в России “бюрократическая, лживая, коррумпированная”, и приговор: “не может быть хорошей

власть, поднявшаяся на лживых, воровских дрожжах”. После этого принято, как некогда Чернышевский, а затем Солженицын и Говорухин - призывать народ к политическому самоубийству. Что за блажь - попугайски повторять чужую глупость. За последние девять лет на территории РФ принято чуть ли не 5 тыс. законов. Кто из наших законофилов от интеллигенции взял на себя труд их хотя бы прочитать? Если провести среди “лучших людей” экзамен на знание (о понимании речи нет) законов страны, то картина будет более впечатляющей, чем классическое полотно “Опять двойка”. Об авторитете “закона” толкуют те, кто их никогда не читал, не знал и не понимал. Власть абстрактного “закона” на практике оборачивается властью стряпчих, адвокатов, поверенных, словом - корпорации юристов, толкующих “закон” так им вздумается. И они не одиноки. Свобода СМИ, например, оказалась разнузданной вакханалией сообщества журналистов, глумящихся над чужими судьбами и репутациями, апология рынка - властью денежных мешков, монополизированных в руках процентщиков, финансовых спекулянтов, уголовной мрази, а “политическая свобода” - произволом невежественной, алчной, эгоистичной толпы, охлократией, способной лишь на вандализм. Не странно ли, а обер-прокурор Победоносцев, ненавидимый как раз интеллигенцией, оказался проницательнее всех.

Но что бы власть ни делала, ей чудесным образом почему-то удается существовать на протяжении столетий, обеспечивая несмотря ни на что и вопреки всему преемственное, поступательное развитие России в течение не менее 1100 лет. Другие страны и народы за это время успели сойти в историческое небытие, или распасться, как это произошло с арабами, австрийцами, латиноамериканцами. Россия же, чередуя невиданные подъемы с не менее потрясающими кризисами, каждое столетие превращает любую неудачу в блистательную победу, любое поражение в пролог неизбежного торжества.

В конце концов, если обобщить политическую деятельность интеллигенции, то она сводится к периодически возникающему призыву, вместо того, чтобы менять политических деятелей на ее

Олимпе, ни много ни мало как в очередной раз “переменить судьбу России”. Интеллигенция, видимо, так и не сподобилась усвоить мысли Пушкина, написанные в связи с первым философическим письмом Чаадаева, убежденным последователем которого она оказалась. Напомним эти строки:

> “Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы - разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие - печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре - так неужели все это не история, а лишь бледный полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? ( ) ...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал”.

Размышляя о катастрофе, которую переживает в настоящий исторический период России, надо определить, что именно имеется в виду. Коротко говоря, объектом этого разрушительного процесса является не общество, не культура, а даже не нравственность, но Государство Российское, которое объемлет собой все ценности русской цивилизации и которое и есть её действительное воплощение в мире и её история, как хорошо доказано Н.Н. Карамзиным, “последним русским летописцем”.

В XX-м столетии это происходило дважды. Впервые государство политически распалось в 1917 году, вторично – в 1991. Главная причина – параноидальная идея интеллигенции, что государство – это главный её враг, подлежащий разрушению. Разумеется, у Государства Российского имеется множество врагов вне самой России. Однако борьба с ними, как показывает многовековая русская история, угроза относительная, она всегда заканчивается русскими победами. Что же касается внутренней угрозы, имя которой – интеллигенция, то с самого момента её рождения, примерно с середины XVIII-го века, она действует как её самый заклятый враг и, следовательно, преодоление катастрофы, возрождение настоящей российской государственности, а не её карикатуры, вроде Российской Федерации или СНГ, не может не сопровождаться её упразднением или ликвидацией. Очевидно, что здесь не может быть никаких компромиссов, никакой недоговоренности. Чтобы спасти русскую цивилизацию в начале текущего века, потребовалась гражданская война, которая, с одной стороны, мобилизовала лучшие и наиболее деятельные слои России, а с другой, - устранила от влияния на общество и на его развитие взбесившуюся интеллигенцию. И сейчас необходимо такое же решительное вмешательство в ход общественно-политического процесса. Когда с умственной заразой на русской земле будет покончено раз и навсегда, Россия избавится от единственной причины, которая порождает её государственные катастрофы.

Человек без идеологии — дикарь, нация без идеи — сброд

Если бы академик Лихачев развил свои размышления по этому предмету, то он наверняка вспомнил, что на точно такой же позиции стоял двумя столетиями ранее генерал Бонапарт, ставший императором Наполеоном I. Для г-на Лихачева французский император “тоже тиран — но умница, потрясающе образованный человек”. Потрясающе образованный капитан артиллерии, сделавший за 10 лет необыкновенную карьеру, считал любую идеологию опасной для империи, а идеологов — своими злейшими

врагами. Означает ли принципиальное отрицание идеологии со стороны Наполеона, что во Франции периода его правления отсутствовал деспотизм? Ничего подобного. Нарочитая деидеологизированность наполеоновского режима ничуть не препятствовала тому, чтобы он являл собой пример откровенной, принципиальной, последовательной деспотии.

Государство может быть деидеологизированным, как первая французская империя, и одновременно находиться в условиях деспотического режима, и следовательно, не исключено противоположное соотношение — народовластие в условиях идеологизированности. Одно никоим образом не препятствует другому.

Если оставить за скобками духовную жизнь общества, останется одно только господство одной части общества над другой. В технологическом отношении власть в государстве ничем не отличается от власти в банде или воровской малине.

Стоит, к примеру, избавить общественные отношения раннего средневековья от поэтических и романтических красок, появившихся на живописных и литературных полотнах в эпоху Возрождения, и получится ничем не прикрытое насилие, власть, использующая силу в качестве своего единственного аргумента. Бароны, герцоги, графы и тому подобные субъекты, заполонившие Европу, представляют собой на современном языке главарей какой-нибудь солнцевской, люберецкой или чеченской группировок.

В какой момент предводители вооруженных банд периода раннего европейского феодализма перестали быть обыкновенными грабителями, насильниками и убийцами? Как только их внутренний мир оплодотворили духовные формы и прежде всего религиозные.

В подлинном смысле этого слова Европа вновь вступала на путь цивилизационного развития, после того как прекратила свое существование Западно-Римская империя, лишь когда европейское рыцарство приняло участие в крестовых походах, событии, целиком опиравшимся на духовные идеалы, после которых историю новых европейских народов можно уподобить истории

идей, а не истории криминальных деяний. Идеи начали управлять миром, а не одни лишь плотские удовольствия.

Отношения, свойственные варварскому периоду развития, становятся на путь цивилизованных отношений, а обыкновенное насилие превращается в государственные отношения, как только общество приступает к энергичному освоению идеального человеческого мира, как только оно начинает жить не только и не столько материальными, но главным образом духовными интересами.

Материя, оставаясь почвой для развития, уступает место для главного поля битвы миру духовных сущностей, не менее материальных, но гораздо более привлекательных для человека. Мир идей и есть тот естественный мир, в котором происходит человеческое развитие, как только человечеству удалось вырваться из стадии дикости и варварства, преодолеть родоплеменной этап развития.

Разве идеи сами по себе угрожают человечеству? Общество обречено на "нигилизм", если, сосредоточившись лишь на материальной стороне жизни, оно попытается исключить из неё область идеальных интересов. Человек, который не исповедует "идеологию" — дикарь, нация без "национальной идеи" — сброд. Такой оборот дела действительно "крайне опасен", поскольку его результатом является регресс, движение вспять. Г-н Лихачев предлагает русским вновь стать дикарями с морально-нравственными инстинктами приматов.

В принципе абсурдно утверждение, что культура, искусство, образование, мораль и нравственность могут существовать вне идей и идеологий. Чтобы стать образованной и культурной личностью, необходимо много знать и обладать способностью к саморазвитию.

Спрашивается, а что составляет содержание образования? Знание одних только естественных законов. Они бездуховны, внечеловечны, нейтральны к смыслу человеческого существования. Тогда, быть может, общественные закономерности? Но и они имеют содержание лишь в том случае, если наполнены идейным

смыслом, вне которого у них не оказывается собственного предмета, кроме бессодержательной софистики.

Современные культура и наука, образование и воспитание, которые г-н академик пытается предохранить от национальной идеи, как раз являются формами, в которых она воплощается, способами, воспроизводящими духовную жизнь нации из поколения в поколение.

Не надо далеко ходить, чтобы увидеть последствия "деидеологизации". Страной без господствующей идеи, но с множеством чуждых ей "идеологий", является современная Россия, разорванная посткоммунистическими режимами на десятки искусственных государственных образований. При этом г-н Лихачев никак не желает понять, что все то, что его ужасает в современном положении страны и в её культуре, является закономерным результатом игнорирования национальной государственной идеи со стороны распавшейся власти. Тем, в частности, что разум значительного количества людей, еще недавно считавшихся соотечественниками, не обременен никакой "идеологией".

С мнением почтенного мэтра, названного в связи с его юбилеем в "демократической печати" "совестью нации" (за неимением гербовой пишут на простой), строго говоря, спорить бесполезно, поскольку ни одно из его умозаключений не соответствует природе русского общественного развития.

Было бы опрометчиво устраивать дискуссию с г-ном Лихачевым на избранной им почве. Она напомнила бы известный спор Остапа Бендера с католическими священниками. Бендер заявлял, что "Бога нет", ксендзы — "что Бог есть". Г-н Лихачев, уподобив себя великому комбинатору, возглашает — "идеи нет и не должно быть". Чтобы ему оппонировать, остается лишь сказать: идея есть.

Впрочем, г-н академик не столь примитивен и нахален, как его литературный прототип. Юбиляр, впавший в состояние мракобесия, отрицает не сами идеи, он отрицает объективную необходимость национальной идеи для русских. "Не бойтесь множества идеологий, но страшитесь, если в России появится национальная

идея”. Такова суть откровений, активно внедряемых в сознание русского общества.

От конгломерата народов России к русской нации

Прежде чем перейти к национальной идее, необходимо понять, что собой представляет нация, которая должна ею овладеть, что есть русская нация.

Человечество развивается в формах, которые изменяются в определенной последовательности. Семья, род, племя, народ — вот фазы этого процесса, принадлежащего естественной природе всех континентов, где существует вид Homo sapiens.

Общее количество народов, из которых сейчас состоит человечество и которые учитываются наукой этнографией, насчитывает примерно 2000, если не считать исчезнувшие, истребленные или ассимилированные народы. С мелкими и мельчайшими этническими группами эта цифра может быть увеличена до 8000.

Под влиянием политической истории человечества народная форма самоорганизации, доминировавшая на протяжении нескольких тысячелетий, приобрела новое качество. Впервые появившееся лишь в XVII-XVIII столетиях нашей эры. Эта качественно новая общность в развитии человеческой самоорганизации называется нацией.

В отличие от всех предшествующих форм самоорганизации нация представляет собой не естественно-историческую, а политическую форму, внешними признаками которой является государство. “Нация — это этно-социальная, культурно-историческая и духовная общность людей, сложившаяся в процессе формирования государства и укоренения высокоразвитой культуры. Русские как нация сформировались вокруг великорусского, малороссского и белорусского этносов, включив в себя многочисленные народы, тесно связанные с русской культурой, духовной и государственной традицией” (А. Савельев, С. Пыхтин “Манифест возрождения России”, “Глаголъ”, СПБ, 1996).

Если в прошлом население большинства государств представляло собой некий конгломерат народов и народностей, объеди-

ненных непосредственным насилием монарха-суверена, то в новых условиях таким сувереном выступает нация. В результате 300-летнего периода, в течение которого происходило создание наций, их общее количество в настоящее время не превышает 150, из которых к великим относятся около 10 из них, и русская нация в том числе.

Совокупность непротиворечивых представлений о принципах своего собственного развития и своих стратегических интересах в мире и является национальной идеей. Поэтому первопричина появления заявлений г-на Лихачева находится на поверхности. Если русские не будут обладать национальной идеей, то окажется утраченной объективная основа для существования и русской нации. А без национальной идеи не будет ни национальной экономики, ни национальной культуры, ни национального государства. Таков на самом деле социальный заказ, отработанный престарелым академиком от лингвистики, оправдывающим таким образом политический развал страны.

Следовательно, не может возникнуть нации, тем более великой, если она не будет обладать самобытной, только ей присущей национальной идеей. Сама по себе национальная идея является продуктом возникновения и исторического развития нации. Но она объективно обусловлена и поэтому не может быть создана как субъективный акт философа, публициста или политика. Национальная идея не имеет авторства, в отличие от идеологии, которая, напротив, не может не быть результатом творческого акта конкретной личности или группы лиц.

Человечество, что самоочевидно, развивается неравномерно. В хронологическом отношении между отдельными его общностями (народами) пролегают тысячелетия, в лучшем случае — столетия. Русский народ в этнологическом отношении на несколько веков моложе большинства народов Европы, не говоря уж об азиатах.

Что же касается национальной фазы развития, то отдельные регионы Европы, к которой в расовом отношении принадлежит Россия, опережают ее на 200-100 лет. Время возникновения на-

ций, в отличие от народов, можно определить достаточно точно. Как правило, они обязаны своим происхождением великим событиям, особенно — великим победам. Североамериканская нация родилась в огне Гражданской войны, французская — после Великой революции 1789 года, германская и итальянская нации — после того, как Германия и Италия были объединены в результате серии войн в XIX веке. Явление русской нации датируется победой России во второй мировой войне и, таким образом, принадлежит 1945 году.

Однако проблема, с которой встретилась русская нация, заключалась в том, что ее рождение не было сопровождено появлением русской национальной идеи. Своевременному ее появлению препятствовала идеологическая природа политического режима, установившегося в стране после 1917 года. Роль такой идеи выполняла глубоко антинациональная, принципиально русофобская доктрина марксизма-ленинизма, которая, тем не менее, была официальной идеологией, наслаждавшееся государством в массовом сознании.

Теперь, когда произошел крах этой идеологии, не имевшей с Россией ничего общего, наступило время для русской национальной идеи. Почва для нее наконец-то освобождена. Общество готово к ее усвоению. И отнюдь не случайно в средствах массовой информации возникает услужливая фигура г-на Лихачева с проповедью о страшной опасности, грозящей России, если восторжествует на ее просторах русская национальная идея.

Представим, что образование и воспитание в России не будут русскими, каким тогда будет это образование и воспитание и будут ли они вообще? Если русская наука утратит свою русскую особенность, делающую ее непохожей ни на одну из научных школ, сможет ли тогда такая наука существовать? Разве возможно русское искусство, если оно перестанет быть национальным искусством, опирающимся на фундамент всего предыдущего своего развития? Живое вненациональное искусство так же невозможно, как вненациональный язык. Можно сконструировать

эсперанто или воляпюк, но заставить разговаривать на них способен лишь метод откровенного, ничем не прикрытого насилия.

Говоря о том, что “национальная идея” представляет собой крайне опасную глупость, академик, по сути, обвиняет в глупости весь мир, все человечество. Потому что все более или менее крупные нации давным-давно “впали в безумие” и овладели национальными идеями. Не абстрактные морально-нравственные ориентиры, а национальные идеи служат им путеводной звездой в бурном океане всемирной истории. Не химеры общечеловеческих ценностей, а национальные интересы диктуют, что, где, когда и как должно предпринять то или иное государство. Нет в мире иных сил, кроме силы национальных идей, овладевших великими нациями, которые противостоят и борются между собой, что и составляет сущность нового этапа развития человечества.

Конечно, “гитлеровская идея” не была национальной для Германии. Она лишь казалось таковой в известный момент ее жизни. Но неужели у немцев должна отсутствовать национальная идея только потому, что в течение 12 лет их более чем 1000-летней истории существовал некий политик, использующий псевдоним Гитлер и с этим именем вошедший в историю? Фюрера давно нет, а немецкая идея есть.

Отождествляя “гитлеровскую идею” с немецкой национальной идеей, г-н Лихачев рассуждает либо как глупец, либо как мракобес, либо как провокатор. Разве его трактат о вреде всех идей вообще сам по себе не является “лихачевской идеей”, родственной “гитлеровской”? И чем нетерпимость, проявляемая почтенным старцем с академическим званием, отлична от нетерпимости к противоположным мнениям, которые выражали столь любимый им капитан французской артиллерии и столь нелюбимый ефрейтор германской пехоты?

Что же касается русской культуры, то всем образованным русским людям знаком литературный образ завзятого ретрограда, выведенный в пьесе Островского “На всякого мудреца довольно простоты”, — отставного прожектера в генеральском звании по

фамилии Крутицкий, роль которого г-н Лихачев решил сам сыграть на старости лет в жизни.

Новая русская революция

Совокупность принципов, которыми руководствуется нация в целом в своем развитии, и является национальной идеей. Ее невозможно навязать или создать в камеральных условиях, словно партийную программу. Подобно тому, как музыка, создаваемая народом, лишь аранжируется композиторами (так считал Глинка), национальная идея, существуя объективно в общественном сознании, может формулироваться в области идеологии как миг творческого озарения. Критические моменты истории нации порождают таких деятелей, которым судьба дает необходимые слова и мысли, подобно тому как они в виде трактата появились из-под пера Сийеса, и в виде нот у Делиля во время Великой французской революции.

Стало общим местом характеризовать переживаемый Россией период как кризис или смуту. Ни тот, ни другой термин не передают сущность происходящего, являясь либо абстракцией, либо архаикой. Нет необходимости использовать метафоры, когда язык обладает точным определением.

Россия находится в состоянии революции, сводя счеты с предыдущим строем, полностью изжившим себя, и с властью, превратившейся в тормоз для следующей исторической фазы.

Послевоенные годы оказались для Советской России сгустком противоречий. С одной стороны, обществом были созданы гигантские производительные силы, особенно в интеллектуальной сфере, превратившие ее в одну из двух сверхдержав мира, с другой — они пришли в состояние конфликта с существующими производственными отношениями, "внутри которых развивались". Но чтобы понять природу современной революции, необходимо точно определить характеристику строя, который ей приходится отправлять в небытие.

Социально-экономические, общественно-политические отношения, существовавшие между 1935 и 1989 годами, не описыва-

ются на том доктринерском языке, которым пользовался предыдущий режим, его толкователи или ревнители марксистско-ленинских и либеральных теорий. Ни о каком социализме, ни о первоначальном, а тем более “окончательном” или “развитом” не приходится говорить. Социализм оставался в России на том уровне, который он мог занимать в силу того, что владел лишь сознанием номенклатуры, правящей страной, а в последние годы — только лицемерно использовался ею.

Риторический, схоластический, официальный социализм, составлявший “идеологию” режима, не соответствовал его содержанию. То, что режим думал или говорил о себе, что он называл “социализмом”, в действительности являлось высокоорганизованным, обобществленным, полностью огосударствленным феодализмом, если угодно “феодальным социализмом”.

Благодаря относительной молодости и огромному энергетическому потенциалу, сосредоточенному в России и в ее населении, русские добились колоссального подъема на сравнительно более низком уровне общественных отношений, чем великие нации Европы и США. Что западные страны обеспечили при буржуазно-капиталистических формах, России удалось в условиях высшей фазы феодализма.

Таковы предпосылки для того, чтобы сформулировать главные составляющие современной русской национальной идеи. Вопрос, если его ставить в позитивной форме таким образом, заключается не в том, необходима или нет русским национальная идея. На самом деле проблема должна быть сформулирована иначе — какая идея может и должна быть в России национальной?

Три источника национальной идеи

Национальная идея имеет своим предметом, по крайней мере, три сферы, в которых нация должна реализовать принципы, удовлетворять потребности и обеспечивать интересы — это область экономических, общественных и духовных отношений, в конечном счете создающих неповторимый, уникальный строй жизни, русскую цивилизацию.

Чем была экономика России, страны, жившей последние 80 лет под названием “СССР”? Народнохозяйственным комплексом, организованным как единая фабрика, внутри которой господствовали административные, внеэкономические, опиравшиеся на авторитет или насилие отношения. Ни рынка, ни денег, ни товаровладельцев, ни граждан, ни нации, ни права. Всесторонне развитая в научно-промышленном отношении, но патриархально организованная сверхдержава, живущая в условиях социально-экономического эксперимента.

Теперь вместо этих отношений создается среда, состоящая из самодеятельных товаропроизводителей и товаровладельцев, граждан и организованных ими ассоциаций, взаимодействие между которыми опирается на систему гражданско-правовых, договорных, товарно-денежных отношений. С точки зрения политической экономии такая система является капитализмом.

Русское общество на протяжении тысячелетий в своей подавляющей массе состояло из населения, образ жизни которого определялся сельским типом расселения. Разумеется, она никогда не стояла не месте и энергично развивалась. Однако развитие страны в течение нескольких столетий шло главным образом не вглубь, а вширь. Россия приобретала пространства, оставляя следующим поколениям задачу качественного преобразования русской цивилизации. Но это был такой вид развития, который ничем не напоминал средневековую Европу с ее “идиотизмом деревенской жизни” или Азию с ее безвольным подчинением населения авторитарным, деспотичным, закоснелым властителям.

Ситуация в России изменилась коренным образом только в течение нескольких последних десятилетий. Страны крестьян-земледельцев и крестьян-ремесленников, вне зависимости от того, живут они в сельских или городских поселениях, этой России больше нет. Она преобразилась благодаря стремительной индустриализации в страну городов, где утверждается господство морали и нравственности буржуазного (то есть городского) типа.

Духовная жизнь, возникновение, расцвет и гибель которой охватили краткий с точки зрения истории 80-летний период, за-

ключался в приспособленном к русским условиям марксизме. Его идеология, отдававшая приоритет материальным условиям человеческого существования, принципиально отрицала самостоятельный характер идеальных отношений и не признавала, в связи с этим, возможность для появления наций как новой формы человеческих общностей, возникающей как результат длительного процесса становления нового вида государства.

В начале XX столетия, когда в России начали создаваться объективные предпосылки для национального этапа развития, русский марксизм создал “теорию национального вопроса”, в которой, с одной стороны, понятие нации оказалось калькой с понятия класса, с другой — произошло отождествление понятия народа и нации. Теория классовой борьбы, доминировавшая в марксизме, сузила до минимума горизонт его возможностей в области абстрактного мышления. Таким образом, состоялось еще одно отчуждение марксизма от действительного развития, превратившегося в отвлеченную от действительной жизни схоластику.

Теперь, когда эта доктрина окончательно рухнула, превратив русскую разновидность марксизма в анахронизм, русская нация стоит перед необходимостью творческого самопознания. Если она не захочет оказаться в плену других национальных идей или искусственных фальсификатов, вроде марксизма или либерализма, ей придется встать на почву собственных национальных ценностей. Перефразируя Наполеона, можно сказать, что нация, которая не хочет жить своим умом и обеспечивать собственные интересы, будет обречена на то, что усвоит чужие идеи и обеспечивать интересы своих врагов.

Система духовных ценностей, которыми нация должна руководствоваться для исполнения своей миссии на земле, называется национализмом. Само собой разумеется, что утверждение русского национализма как господствующей системы взглядов одновременно должно означать и преодоление в общественном сознании таких его антагонистов, какими являются шовинизм, космополитизм и интернационализм, доктрин, неприемлемых вследствие их разлагающего воздействия для любой нации.

Интервью академика, с которого была начата эта статья, имело редакционный заголовок: “Русский человек по-детски доверчив”, что не соответствовало самому газетному тексту. Г-н Лихачев говорил о “страшной доверчивости русского человека”, считая ее негативной “национальной чертой” русских. Она, якобы, постоянно заводит их в тупик, вызывая не “бунт и революцию, а лишь робкие сетования”.

Академик отстал от действительности по крайней мере на 8 лет. Он не заметил, что в России идет революция, что русские давно отказались от “робких сетований”, приступив к решительному преодолению отжившего прошлого. В отличие от мифического пролетариата, которому, согласно известному девизу, нечего было терять, русским, если они будут пребывать в состоянии робости, нерешительности, покорности, могут потерять шестую часть мира, освоенную ими за более чем две тысячи лет своего цивилизационного развития. Они могут потерять Россию, если будут игнорировать специфическую, потенциально опасную, революционную, а потому переходную фазу национального развития.

Революции не совершаются ни по воле начальства, ни по воли так называемого общества, ни из-за наличия в нем так называемых революционеров. Они происходят вследствие наличия совокупности объективных факторов, которые создают революционную ситуацию.

Оказавшись в такой ситуации, задача нации как раз состоит в том, чтобы активно действовать не вопреки, а в соответствии с ее логикой. Если русским сейчас что-то и мешает, так это недостаточная радикальность в действиях, которая возникла из-за отсутствия ясного понимания цели революции и ее стратегии. Иначе говоря, вследствие недостаточной концентрации в общественном сознании революционных идей, соответствующих характеру данного этапа.

Пройдя лишь первоначальный, в значительной степени разрушительный этап, современная русская революция неизбежно преодолеет собственные недостатки, а заодно опровергнет высо-

комерно-покровительственные суждения о русской недоразвитости и неполноценности.

На очереди новая фаза революции, которая помимо того, что она приобретет созидательный характер, одновременно станет и периодом утверждения ценностей русской национальной идеи, реализация которой в состоянии превратить Россию в лидера XXI столетия.

Поэтому новая национальная Россия должна без какого-либо сожаления отправить на историческую свалку все, что мешает ей развиваться, и прежде всего советы впавшей в детство "народной совести" с замшелыми баснями о "государстве, стоящим с алебардой на площадях и следящим, чтобы не грабили подданных".

Оценка ситуации социализмом, либерализмом, национализмом

Состояние, в котором находится Россия после августовского государственного переворота 1991 года, вряд ли является менее катастрофическим, нежели то, в которое она попала осенью 1941 или летом 1942, или же, если вспоминать более отдаленную историю, осенью 1917.

Как восемьдесят и пятьдесят лет назад, вопрос сейчас стоит предельно остро — быть или не быть русской цивилизации, окажутся ли русские в состоянии защитить свое отечество, сможет ли Государство Российское одержать победу над очередным смутным временем и восстановить в своих пределах порядок и закон, в конце концов — окажется ли она в числе лидеров XXI века или суждено ей очутиться на периферии мировой истории?

Конечно, когда приходится говорить о России вообще и Государстве Российском в частности, возникает необходимость пояснять, что речь вовсе не идет о некой государственной фантазии с абсурдным наименованием "Российская Федерация" и что подразумевается Россия в ее естественных геополитических границах, совпадающих с границами Советской России, которая тоже обладала нелепым псевдонимом — СССР. Режим традиционно предпочитал клички.

И когда речь заходит о русских, то имеются в виду два взаимосвязанных понятия — русские как народ и русские как нация. В качестве народа русскими является этническая общность, состоящая из великороссов, малороссов, белорусов и русинов. Слово народ потому и имеет своим корнем “род”, что имеет в виду природную, естественноисторическую общность, происходящую из одного родового начала.

Когда же употребляется термин нация, то имеется в виду не природная, а политическая общность, в которую помимо русских как народа, ее основного ядра, входят и другие коренные народы России (общим число 79). В этом качестве русские создавали, развивали и защищали единое государство с никогда не прекращавшейся 1100-летней историей. Отсюда следует историческое и практическое содержание таких определений, как национальный суверенитет, национальная территория, национальные интересы, национальная идея и т.д.

В настоящее время практически невозможно найти серьезного исследователя или политика, который бы отрицал системный характер кризиса в стране. Разумеется, не имеются в виду известного рода деятелей, для которых вызывающая пошлость превратилась в органично присущее им качество, в связи с чем их естественным образом действия является непрерывный эпатаж и глумление. Не о них речь.

Серьезные политические силы, в зависимости от их принадлежности к одной из трех идеологических партий (не путать с политическими партиями), — социалистической, либеральной или национальной, — дают принципиально различный диагноз кризису и методам его преодоления.

Для социалистов корень зла, поразивший русское (в их терминологии — советское) общество, состоит в разрушении “социалистического проекта”, ликвидации социальных завоеваний для “трудящихся”, проистекающих из событий октября 1917 года. Они искренно верят в то, что в СССР был социалистический тип социально-экономических отношений и именно их “отмене” Россия обязана своим теперешним состоянием. Революция 1917

г. побеждена контрреволюцией 1991 г. и, следовательно, преодолеть кризис можно лишь в том случае, если будет восстановлено то состояние, в котором пребывала страна до начала контрреволюции.

Недаром г-н Зюганов, наиболее последовательный политик социалистической ориентации, заявил о том, что Россия свой лимит на революции исчерпала. Социалисты, таким образом, за последние сто лет совершили политический кругооборот, превратившись из радикальных революционеров в консерваторов, из политиков, подвергавших всех и вся отрицанию, в политиков, опирающихся на наиболее косные социальные слои. Они, смешно сказать, грезят реставрацией.

Либералы видят первопричину кризиса как раз в противоположном, в том, что “не идут реформы”. Они настаивают на дальнейшей радикализации экономического и политического курса, на поглощении русского пространства ценностями так называемого западного образа жизни, которые для них являются “общечеловеческими”.

Приняв от допотопных социалистов, раздувавших “искры”, чтобы занялось “пламя”, практически все их первоначальные идеи и доктрины, либералы и теперь страстно настаивают на их реализации. Например, чтобы все народы России осуществили право на самоопределение вплоть до отделения. Для них, как и для социалистов начала века, Россия остается “тюрьмой народов” и они мечтают о том, чтобы эта тюрьма была разрушена до основания.

Либералы, подобно большевикам, обрушивают на русский народ обвинения в шовинизме, в эксплуатации других народов России, в приверженности тоталитаризму и т.д. и т.п. Единственным их вкладом в развитие этой некрофильной темы являются термины “империя зла” применительно к России, “красно-коричневые” в отношении своих политических противников и ярлык “фашисты”, который они вот уже несколько лет безуспешно пытаются приклеить ко всему, что имеет отношение к России, русским и русскому.

Но в отличие от социалистов, строивших свои воздушные замки на фундаменте теоретического коллективизма, для либералов нет ничего важнее прав абстрактной, независимой, лишенной каких-либо культурных корней личности. Личность для них все, все остальное — ничто. Они готовы во имя “прав личности” разрушить любую материальную или духовную ценность, разумеется, если она принадлежит “этой” варварской, еще нецивилизованной ими стране.

Либералы — естественные космополиты, для которых такие понятия, как родина, отечество, нация, Россия — пустые звуки, ничего им не говорящие. Либералы живут “реформами”, отводя себе роль экспериментаторов, а “этой стране” — участь подопытного животного, который, быть может, останется в живых, но такой результат вовсе не очевиден.

По сути дела как социализм, так и либерализм в их “российской” интерпретации представляют собой чуждый отечественному духовному миру импортный товар, завезенный в “страну неверных” миссионерами Запада, подобно тому, как для аборигенов Африки или Америки тот же Запад изготавливал импортную духовную отраву под католической или протестантской религиозными упаковками. В странах-изготовителях социализма и либерализма эти доктрины находят применение в медикаментозных, чисто профилактических дозах, и лишь постольку, поскольку они не противоречат собственным, то есть национальным ценностям.

Перейдем теперь к третьей, национальной идеологии. Происходящий в России процесс националисты рассматривают в его истинном свете — как очередную русскую революцию, результатом которой может быть создание принципиально нового для нее социально-экономического строя (капитализма) и новой общественно-политической (буржуазно-демократической) системы отношений.

Здесь необходимы некоторые пояснения. Те виды отношений, которые режим после 1917 года назвал “социализмом”, если и имели право на такую квалификацию, то лишь как завершаю-

щую фазу феодального периода, — “феодальный социализм”, — с которым Европа, сводившая в XVII — XIX вв. свои счеты с феодализмом, даже не была знакома. Никакого социализма в России не было и объективно не могло быть. После 1917 г. она продолжала оставаться страной развитых феодальных отношений, взяв на вооружение популярную коммунистическую риторику. Однако этих отношений было вполне достаточно для того, чтобы и дальше развивать производительные силы общества, превратившие Россию в одну из двух сверхдержав мира.

Следовательно, Россия вовсе не отстала от других великих наций. Ее мнимая отсталость в действительности представляет собой историческую молодость, поскольку русские — самая молодая среди великих наций мира. Поэтому ей еще предстоит пройти все фазы развития, которые другие, более зрелые нации уже преодолели.

На русской почве, разумеется в совершенно специфических условиях, еще предстоит увидеть и капиталистически организованное национальное хозяйство, и буржуазное общество, возникающие из огня современной революции. Но это будут не бестелесные, схоластические абстракции, не заимствованные копии, не смесь французского с нижегородским, а настоящий русский капитализм и настоящая русская буржуазность. Они должны неизбежно утвердиться в стране, если социально-экономическая революция обретет принципиально новое качество — превратится в русскую национальную революцию.

Причины, объективно вызвавшие вторую в XX веке революцию, коренятся в закономерностях предыдущего этапа русской истории, в том, что политическая система, точно так же, как и правившая страной “номенклатура”, созданные после Первой русской революции (1905-1935), вместо того чтобы развиваться одновременно со страной, окончательно разложились, а прежние экономические отношения, опиравшиеся на тотально огосударствленную, обобществленную собственность, из “форм развития превратились в их оковы”.

Зревшие в недрах экономики, общества и власти противоречия в конце концов вылились в открытый, системный кризис. Но поскольку начало революция совпало с общим разложением общественного сознания, практической неготовностью ведущих сил общества к революционному действию, теоретической неразработанностью целей революции, ход событий постепенно приобрел весьма опасное, катастрофическое направление.

Прогрессивный на первых порах характер революции сменился регрессом, очевидным движением вспять. Не имея осознанного стратегического курса, революция сбилась с пути, погрязла в частностях, утратила ориентиры в своем движении, попала в руки негодяев, мошенников и предателей, реализующих либеральный план, принципиально губительный для России.

Если говорить о современном состоянии страны с предельной откровенностью, а лишь так можно помочь делу, то ее критическое положение, имеющее все признаки национальной катастрофы, обусловлено, в сущности, тремя факторами: недееспособность государственной власти, неэффективность экономического механизма и равнодушие русского населения к судьбе страны. Таковы главные враги России.

Равнодушие и нелюбопытство — главные враги русской нации

Безразличие, с каким русские воспринимают действительность, охватившая население апатия, не имеющая по масштабу своего распространения, по-видимому, прецедентов в современной истории, пренебрежительное отношение к судьбе национального богатства, собственного государства, да и к своему собственному будущему — такова первопричина, благодаря которой созданная таким “электоратом” государственная машина, вместо того, чтобы защищать страну, планомерно ее истребляет, а экономика оказывается в роли азартного, аморального и безнравственного игрока, способного лишь направо и налево расточить все, что унаследовано, приумножено и нажито.

Все остальные поступки, которые можно записать в своеобразный мартиролог ныне живущим поколениям взрослых русских людей, состоят в том, что они собственными руками, ногами и головой превращали самих себя из людей, защищенных всей мощью великого государства, в ничем не защищенных, живущих в состоянии постоянного страха индивидуумов, из граждан-собственников, совладельцев самого мощного в мире предприятия, в скопище полунищих и нищих, просящих подаяние, из наследников великой русской культуры в потребителей суррогатов американской эрзац-культуры, пригодной разве что для плебеев и черни, если говорить по-русски — для быдла и босяков.

Все интересы и потребности, которые могут быть у современного, развитого, обладающего опытом и знаниями общества, свелись к набору примитивных, элементарно-пошлых инстинктов. Подобно жителям -античного Рима времен упадка, жители России возжелали лишь panem et circenses (хлеба и зрелищ), им захотелось есть, пить и танцевать. Трудовая, сама по себе творческая деятельность потеряла в массовом сознании какую-либо ценность, превратившись в тяжкую, обременительную необходимость, повинность. Философия рантье, живущего на процент, оказалась более убедительной, чем мировоззрение труженика и творца.

Чем сильнее развращалось общество или его отдельные элементы, тем невероятнее оказывались результаты его публичной деятельности. Крупные мегаполисы, городские агломерации с многомиллионным населением из центров науки, культуры и промышленности превратились на какое-то время в центры массового общественного разложения, выбрасывая во внешний мир духовные метастазы и общественных деятелей с комплексом Герострата. Лимита передавала власть лимитчикам.

Население именно этих центров в своей основной массе взяло на себя главные разрушительные функции, голосуя всякий раз за наиболее оголтелые, извращенные, беспощадные в отношении России идеи, избирая во власть наиболее одиозных, скандально известных, патологически-русофобствующих политических дея-

телей. Чтобы у читателя не сложилось впечатления, что автора посетила личная мизантропия, перечислим наиболее "выдающиеся" проявления общественной мизантропии со стороны наших соотечественников. Вот они.

Выборы состава Съезда народных депутатов СССР в 1989 году, который через два года постыдно предал, не пошевелив пальцем, великое государство, повторив в коллективной форме то, что Николай II совершил персонально, отрекаясь противозаконно от престола. Без просьбы, без подкупа, без попойки.

Весной 1990 г. выборы законодательных органов власти союзных республик, краев и областей и местных Советов, большую часть которых поразила маниакальная страсть к суверенизации. Stuitorum infinitus est numerus — число глупцов бесконечно.

Референдум в марте 1991 года, на котором население РСФСР проголосовало за установление президентского режима, тем самым предопределив состояние войны между властями Российской Республики и Советской России (СССР). Настоящий casus belli. После этого избрание г-на Ельцина президентом РСФСР в июне 1991 года, сделавшее лобовое столкновение "союзной" и всех "республиканских" властных номенклатур неизбежным, а затем бездумная массовая эйфория от совершенного в Москве в августе 91-го государственного переворота, окончательно свалившего режим г-на Горбачева.

Декабрьский референдум в Украинской Республике в том же году, на котором ее русское население (малороссы, великороссы, русины и белорусы) согласилось на отделение от Советской России (СССР) и вслед за этим повсеместное молчаливо-равнодушное одобрение Беловежского пакта. У всех окраин оказалась настоящая пунийская верность (Punica fides), то есть никакой верности.

Поддержка на референдуме в апреле 1993 г. экономических мероприятий, проводившихся с января 1992 правительством Ельцина-Бурбулиса-Гайдара, сущность и неизбежные последствия которых описана выше. Но тогда большинством овладел нагло-отвратительный девиз — Salve lukrum — привет барышу.

Безразличие великорусской провинции к сентябрьско-октябрьскому государственному перевороту в Москве и одобрение на состоявшемся в декабре 1993 г. референдуме ельцинского проекта Конституции. Она установила такую систему органов государственной власти и такое государственного устройства, которые обязательно должны привести остатки России к окончательному разложению и краху.

Пассивно-неодобрительное отношение общества к робким, противоречивым, зачастую преступно-халатным попыткам режима подавить чеченский вооруженный мятеж в 1995-1996 гг., создавшее морально-психологические предпосылки к дальнейшему развитию процессов этнического и территориального сепаратизма.

И в качестве своеобразного эпилога — переизбрание г-на Ельцина президентом РФ на второй срок в июле 1996 г. Plaudite, cives — рукоплещите, граждане.

Можно вспомнить еще десятки и сотни примеров противоестественного, не укладывающегося в разумные рамки поведения населения, но и этих, по-видимому, достаточно для того, чтобы исчезли любые сомнения в том, кому Россия обязана своим настоящим положением. О тебе идет речь — великий, мудрый, трудолюбивый, терпеливый — и какой еще там — русский народ.

Не коварные американцы, не алчно-хитроумные евреи, не фанатичные тюрки-магометане и конечно же не наглые инородцы, а именно русские, составляющие абсолютное большинство граждан, довели Россию до величайшей национальной катастрофы, государственного распада и экономического коллапса. Их неожиданно проснувшиеся фантастическая лень, предельное равнодушие и патологическая жадность. Они исполнители, все остальные — в лучшем случае — только соучастники.

Алгоритмы русских революций

Ни одна нация и ни одно государство, представляющее собой несущую мировую конструкцию, благодаря которой развивается

само человечество в целом, не может быть гарантировано от периодов, когда под вопрос ставится их дальнейшее существование. Каждый взлет завершается падением и каждая победа — расплатой за нее. Omnia orta cadunt (все, что возникло, гибнет).

Трудно найти более или менее продолжительные отрезки в существовании крупных, действительно великих государств, которым ни приходилось бы оказываться на грани распада, завоевания или полного исчезновения. Если взять последнее тысячелетие, то история ни одного из и поныне существующих держав, не говоря о тех, которым пришлось покинуть политическую и обосноваться на исторической карте мира, не обошлась без кризисов, катастроф, депрессий, смут и тому подобных событий.

Если бы речь не шла о России, то все предыдущее объяснение могло бы завершится общим некрологом или эпитафией, в которых было бы уместно написать: fuimus Troes (здесь была Троя).

Для тех, кто исследует русскую цивилизацию со стороны, ее современное состояние может показаться безнадежным. Любой объективный консилиум специалистов бесстрастно определит — больной неизлечим. На протяжении всего лишь последней сотни лет в отношении России выдающиеся специалисты, светила науки обрекали ее на смерть трижды, всякий раз попадая пальцем в небо. Она, словно Феникс из пепла, возрождалась в еще более мощном, величественном, несокрушаемом состоянии, посрамляя всех своих могильщиков.

Не чувствуя, не зная русского мира, невозможно обнаружить его действительного потенциала. Не понимая закономерностей, согласно которым развивается Россия, нельзя даже приблизительно предугадать дальнейший ход событий.

Еще раз подчеркнем. Описанное выше состояние государства, экономики и общества относится не к фазам их благополучия, развития в условиях относительного покоя, а к “истории болезни”, к тому многофакторному процессу, который мы называем Второй русской революцией XX века. А у русских революций есть собственные траектории и тенденции, которые и теперь позволяют смотреть в русское будущее с оптимизмом, разумеется,

с той оговоркой, что в реальном мире ничто не совершается само собой, без человеческих усилий, так сказать по воле Провидения. Речь идет о предпосылках, которые можно реализовать, а не об паразитирующей на невежестве астральной галиматье.

Итак, чтобы понять Вторую русскую революцию, необходимо вернуться к этапам Первой. Причины, породившие ее, заключались, с одной стороны, в невероятно высоких темпах хозяйственного развития, с другой — в неспособности существовавшего порядка вещей справиться с управлением в параметрах такого развития. Известная формула — “верхи не могут, низы не хотят”, — правильно, хотя и примитивно, описывает состояние общества, сделавшее революцию неизбежной. Вторая русская революция также оказалась неизбежной. Она была обусловлена такими же точно причинами, как и Первая, разумеется, на новом, гораздо более высоком, более сложном уровне развития[13].

Никогда русские революции не происходили вследствие отчаяния, невыносимости существовавших жизненных обстоятельств, безрассудности, обусловленной отсутствием опасности что-либо потерять, кроме своих цепей. Слава Богу, Россия никогда не знала, в отличие от Европы, пролетаризации, босячества. Русские революции всегда — проявление невероятного и всестороннего подъема, взрыва духовной энергии и вместе с тем они же — по крайней мере на первоначальных этапах — очевидный общественный, организационный и идейный хаос.

Обозначим этапы, через которые прошла революция начала века.

Сначала это был кризис управления, утрата властью способности руководить стремительно развивавшимся обществом, потеря авторитета низших слоев населения по отношению в “верхам”, постепенное развитие массового недовольства, переходящего в протест (1905-1917).

---

[13] Более подробно об этом см. С. Пыхтин. Русские революции в судьбе Империи. Сб. “Неизбежность империи”. М. Интеллект, 1996, с.178-230.

Затем период открытого кризиса, падение режима и состояние всеобщего развала, вылившегося тогда (благодаря участию России в мировой войне) в открытое столкновение противоборствующих сил — гражданскую войну, в которой определился формальный победитель, а значит и новые условий общественного развития(1917-1922).

Наконец, консолидация и кристаллизация общественного организма, окончательное утверждение экономических, а вслед за ними и идеологических форм его существования (1923-1935).

Что же мы наблюдаем теперь? В сущности, кроме современных материальных условий, в которых развивается революционный процесс, нет ничего нового, необычного. Как и тогда, сначала кризис управления, разложение “партийного нобилетета”, его постыдное бегство из власти — 1985-1991 гг. И теперь — многолетнее состояние всеобщего развала, сначала двоевластие, затем многовластие, наконец — фактическое безвластие.

Если и дальше применять аналогии, то вот уже в течении пяти лет на исторических часах России значится новый 1917 год. Г-н Ельцин пытается воплощать в своем лице одновременно два начала, реинкарнацию демагога Керенского и авантюриста Корнилова. А спустившись на столичную почву, мы обнаружим воскресших обитателей кладбища политических животных — полковника Рябцева и городского голову Марона, двух известных московских политиканов той поры, память о которых навсегда исчезла, но дело которых воплощается г-ном Лужковым.

В отличие от фундаментальных общественных течений, ясных для простого понимания, в верхних слоях и на поверхности бушуют страсти и кипят водовороты, в мутных потоках которых трудно уловить мерную поступь исторических законов. Но они присутствуют и здесь. Несмотря на всю множественность действующих лиц, толкающихся на политической арене, они являются не более чем олицетворением трех идеологических начал общественного сознания, сменяющихся во власти. Вкратце они уже обозначены — это социализм, либерализм и национализм, пред-

ставляющие собой квинтэссенцию длительного процесса развития и дифференциации идей.

Все их многотысячелетнее многообразие является, в действительности, отражением развития самого человечества, точнее говоря, его сменяющихся видов. Пока оно находилось в родоплеменном состоянии, господствовало интуитивное сознание, опиравшееся на обобщение непосредственного, чувственного наблюдения. Когда эта фаза сменилась длительным периодом создания народов (этногенеза), возникло сверхчувственное религиозное сознания, предопределившее, кстати, формирование цивилизаций, совпадающих с границами распространения мировых религий.

После того, как процесс постепенно достиг более высокого уровня, связанного с появлением наций как нового, политического вида общностей, обладающих более развитым естествознанием, возникло и соответствующее им идеалистическое отражение — цивилизационное или, в более узком смысле, национальное сознание.

Что касается наиболее агрессивной, европейской разновидности религиозного сознания, оно, сосредоточившись на области духовной жизни, оставило в мирской жизни свои карикатурные, атеистические противоположности — социалистическую (коллективистскую) и либеральную (эгоистическую) доктрины, превратившиеся в самостоятельные сущности примерно в XIX столетии.

На современном историческим этапе развития взаимная борьба национализма, социализма и либерализма и составляет внутреннюю природу политического хаоса, приобретающего под этим углом зрения видимость порядка. По сути, когда дело касается власти, происходит кругооборот идеологий. Каждый режим является его олицетворением.

Борьбу идей во время Первой русской революции можно выразить в виде формулы Н — Л — С, означающей: национализм — либерализм — социализм. Кризис, в котором очутилось управление обществом, совпало с моментом, когда власть находилась

в руках национализма в его зародышевой, закономерно еще неразвитой форме. После этого наступил период хаоса или видимость либерального управления — 1917 год. Первая русская революция завершилась тем, что в стране утвердился режим коллективизма, или социализм, который на русской почве приобрел неожиданные черты “государственного феодализма”.

Новая революция в Россия начиналась с того, чем завершилась Первая революция. Ее идеологическая формула С — Л — Н. Первоначальный этап связан с падением режима, следовательно, его неизбежным следствием является поражение доктрины “социализма” (1991).

Либерализм, паразитирующий на общественном разложении, в состоянии добиться власти лишь в условиях социального и идейного хаоса. Недаром Ф.М. Достоевский вывел предупреждающую русских формулу: “либералы погубят Россию”.

Однако, как только общество приобретает внутреннюю способность к преодолению кризиса, либеральной власти придет конец. В нормальных условиях носители либерализма исчезают из власти, словно плесень на солнце.

Согласно предположению, сформулированному выше, именно тогда наступает время русского национализма, и республика становится делом нации. Таков внутренний смысл Второй русской революции, осознание которого дает обоснованную надежду на то, что она завершится утверждением в России нового общественного строя.

Novus ab integro nascitur ordo — новый порядок рождается снова. Для этого надо только, чтобы страна вырвалась наконец-то из чертова колеса, который является новым изданием 1917 года, продолжающегося не 12, а 72 месяца.

С точки зрения русского национализма

Национальная идеология не может быть выдумана, ее создание происходит в процессе возникновения нации. До тех пор, пока миру не явлен субъект, то есть нация, не может быть и национальной идеологии. При этом, разумеется, под нацией следует

иметь в виду не этническую или народную общность, а общность этнополитическую.

Русской нацией мы называем политическую общность, созданную русским народом и включающую в себя все многочисленные коренные народы, интегрированные в русскую духовную, культурную и государственную традицию. Русские как народ, в свою очередь, представляют этническую общность, состоящую из великороссов, малороссов, белорусов и русинов.

Русская нация, в отличие от русского народа, в историческом масштабе времени только-только возникла, и, следовательно, нет основания для того, чтобы упрекать ее в том, что у нее нет национальной идеологии, что она в этом отношении не очень развита по сравнению с теми же немцами, японцами, французами или китайцами. Великие нации возникают только в свое время и в результате великих исторических побед, которые им удается одержать. При этом численность нации имеет второстепенное значение, хотя, как правило, они достаточно многочисленны.

У русской нации имеется конкретная дата рождения — 1945 год, победа в Великой отечественной войне. Подобно тому, как на Куликово поле пришли владимирцы, суздальцы, новгородцы, а вернулись с него русские люди, так и здесь в огонь Великой отечественной войны уходили отдельные народы, а возвратилась единая русская нация.

Следовательно, тот факт, что национальная идеология рождается именно сейчас — это не аномалия, а норма. Ничего необычного в этом нет. Русские ни от кого не отстали; просто русская нация самая молодая из великих наций мира. Упрекать же ее в молодости так же нелепо, как юношу в том, что у него нет седины в бороде.

Выше уже говорилось, что русскому национализму, как и любому национализму, противостоят две искусственные доктрины — социализм и либерализм. Но главная опасность для нарождающегося русского национализма исходит с иной стороны. Это русский этноцентризм, совокупность представлений, в которых

русскому народу отдается абсолютное предпочтение по сравнению с другими коренными народами России.

Идеология этноцентризма ставит на первое место эгоистические интересы собственного этноса, какого-то одного отдельно взятого народа. Русский этноцентризм готов пожертвовать русскими национальными ценностями в угоду ложно понимаемыми русскими народными ценностями. И в этом состоит его главная ошибка.

Для русского национализма основная ценность сосредоточена в Государстве Российском. Потому что на современном, национальном, этапе развития человечества в государственности воплощается высшая форма его самоорганизации. Недопустимо противопоставлять русский национализм русскому государству. Государство является единственной формой национальной самоорганизации, инструментом утверждения национальных ценностей, орудием защиты национальных интересов в мире.

Главная и единственная проблема современной России состоит в том, что она является русским национальным государством, в которой пока еще не утвердилась русская власть.

Необходимо помнить: национализм как основополагающий принцип политики возникает тогда, когда власть в государстве принадлежит элите, которая исповедует идеологию национализма.

На сегодняшний день все великие державы мира имеют националистические режимы, обеспечиваемые национальной элитой. Все, за исключением России. И благодаря тому простому обстоятельству, что ее вторая в XX столетии революция, являясь по своим целям и задачам буржуазно-капиталистической, не приобрела третьего, совершенно необходимого ей качества — она не стала русской национальной революцией.

Русская власть в России может возникнуть лишь в том случае, если массами русского населения обладает русская национальная идея. Одно не может быть без другого.

Современная русская революция не приобрела национального характера, и в этом ее трагический смысл. До тех пор, пока в об-

ществе разнуздываются эгоистические страсти, торжествует индивидуальный интерес, будущее российской государственности находится в опасности.

Проявился капиталистический характер революции, утверждаются товарно-денежных отношения, возникают независимые, свободно действующие на рынке товаровладельцы. Общественные отношения окончательно изживают в себе патриархальные, чисто крестьянские формы человеческого общения. Общество приобретает открытый, современный характер. Без утверждения в нем центростремительных общенациональных идей, без торжества общерусской национальной солидарности в обществе буржуазно-капиталистического типа не останется ничего, кроме эгоизма и индивидуализма, духа своекорыстия и стяжательства.

Национализм предохранит русское общество от деления на отдельные человеческие атомы, от распада на аморфные составные элементы, от этнического и территориального сепаратизма, наконец, от необходимости установления деспотического режима власти. Национализм к тому же является гарантией демократической формы правления.

Очевидно, что кроме национализма, утвердившегося в сознании движущих сил революции, ничто не сможет обеспечить целостность страны. Поэтому все противники, недоброжелатели и откровенные враги России именно сейчас так страшатся проявления этого спасительного для будущего русской нации лекарства, пугают, подобно г-ну Лихачеву, “специалисту по древней русской литературе”, нелепыми, абсурдными, неправдоподобными последствиями. Но таким образом они могут лишь разоблачить себя и свои действительные подлые намерения.

Русский национализм должен исходить из нескольких аксиоматических утверждений, относящихся к национальному суверенитету, национальному самосознанию и национальному соответствию.

В контексте собственной истории Россия не тождественна Российской Федерации. Территория последней в строгом смысле слова не является даже Великороссией. Национальная русская

революция лишь в том случае окажется победоносной революцией, если в качестве политических границ возрожденной России будут восстановлены государственные границы Советской России (СССР).

Духовно-нравственная основа повседневной жизни России, ее индивидуального, общественного и юридического самосознания сосредоточена в православии. Именно на этой исторически обусловленной, а не искусственно созданной, абстрактно выдуманной почве необходимо строить основы национальной русской этики.

Обеспечение полноценного развития общественно-государственных институтов в согласии с русскими национальными интересами, воспитание, образование, культура, искусство и иные формы, в которых проявляется самобытность России, зависит от того, насколько органично они будут соответствовать русским народным традициям. Это соответствие возможно при безусловном русском народном доминирования во всех ключевых отраслях воздействия.

Стратегические цели русской национализма вытекают из реальных условий, в которых находится российская государственность, русская нация и русское национальное самосознание.

Главная задача, которую объективно необходимо выполнить в сравнительно короткий исторический срок, состоит в том, чтобы решить демографическую проблему заселения суверенных русских территорий. Чтобы придать национальному хозяйству необходимый динамизм, чтобы не испытывать недостатка в трудовых и интеллектуальных ресурсах, чтобы обладать мощными вооруженными силами, в России общая численность русских должна составлять не менее 500 млн. человек.

Экономический механизм должен быть переориентирован на обеспечение этой задачи в максимально короткий срок. При этом подразумевается непрерывный рост качества жизни и функционирование всех систем, обеспечивающих национальную безопасность (вооруженные силы, военно-промышленный потенциал, силы безопасности и т. д).

Общество должно избавиться от иллюзий, связанных с пацифистской демагогией. Межгосударственные отношения признают лишь такие аргументы, основой которых является сила, совокупная мощь, которую нация может привести в движение. Представляя собой форму общественной болезни, любая революция имеет в качестве своей предпосылки ослабление всех государственных институтов. Невозможно осуществлять революцию, переход из одного качественного состояния в другое, не предохраняя общественный организм от нежелательных последствий. Поэтому каждая революция выбирает военную форму в качестве повседневной одежды, мобилизуя гражданский патриотизм.

Революция не может обойтись без милитаризации общества и государства. Лишь превратившись в военный лагерь, она будет в состоянии уничтожить всех своих внутренних и внешних врагов. Лишь вооружив все взрослое мужское население, всех добропорядочных граждан, она покончит с открытыми формами уголовных проявлений.

Было бы опрометчиво и вредно повторять вслед за противниками русской идеи, что мол, распался Советский Союз, что этот распад необратим, что невозможно представить себе процесс политической консолидации.

Для русского национализма очевидно, что распалась не Россия, а власть в России. Враги России активно пытаются внедрить в общественное сознание представление, что распалась страна. А если распалась страна, то восстановить ее вряд ли возможно. Но если распалась всего лишь власть в стране? Восстановить власть по силам любой нации, сменить ее — тем более.

Естественной целью русской революции в этих условиях становится реваншизм. Иначе говоря, обеспечение суверенных прав Государства Российского на всем пространстве его национальной территории, метод, благодаря которому дважды (1612, 1920) удавалось восстанавливать территориальную целостность, государственную власть и порядок в России.

Для этого русская национальная идея должна создать качественно новый человеческий материал, избавив русского человека

от всех форм смирения, созерцательности, непротивления и пассивности. Она должна превратить каждого русского в сгусток неиссякаемой энергии, жаждущий всесторонней, непрерывной, деятельной экспансии, повсеместно утверждающей справедливость, правду и порядок.

Русская идея должна восторжествовать в области духовных сущностей, постигаемых национальной религией. Под ее ударами должны пасть все секты, псевдорелигии и доктрины, делающими русского человека рабом предрассудков.

Русская идея должна установить господство над национальной экономикой и денежными отношениями, подчинив их задачам развития национального хозяйства. Не вещи и деньги должны управлять русским человеком, а он — вещами и деньгами.

Русская идея должна подчинить себе виртуальную реальность, создаваемую с помощью электронных систем и коммуникаций, превратив их в средство русского культурного самосовершенствования и доминирования.

Русская идея должна умножать творческие, духовные, интеллектуальные и физические возможности личности, поскольку они несовместимы с любыми формами деградации (пьянство, наркомания, безнравственность). Физическое здоровье, духовная гармония, семейная полноценность в каждом поколении должны быть непременным условием существования русских.

Русская идея в виде господствующей идеологии государственной власти в России, превратит ее, таким образом, в русскую национальную власть, в руководящий орган, последовательно и планомерно реализующий волю русской нации. Современному русскому сознанию, которое постоянно обращается к истории, чтобы обеспечивать точность и доказательность своего стратегического выбора, должна быть чужда философия мирного существования во что бы то ни стало. Поэтому, суммируя задачи, решаемые русским национализмом, необходимо отчетливо сознавать, что их итогом должна быть имперская форма российской государственности, и, следовательно, политическая стратегия по возрождению России не может быть ничем иным, как реализаци-

ей политики империализма. Признания заслуживает лишь такой мир, который является результатом, продолжением и подтверждением русской победы.

Национальная политэкономия

Познание элементарного – преодоление незнания

Почему так легко огромные богатства страны, бывшие собственностью всего общества, оказались в руках нескольких сотен никому не известных ранее проходимцев, которые сейчас входят во всемирный клуб долларовых миллиардеров? Ничего не создав, ничего не сделав, став их обладателями благодаря одним только циничным спекуляциям, откровенному воровству. А мощное *государство*, еще совсем недавно бывшая сверхдержавой, исчезло, став конгломератом враждующих *государственных режимов*, живущих подаяниями, займами и ссудами Международного валютного фонда или правительств великих держав, составляющих так называемую "семерку", торгуя при этом направо и налево национальными интересами.

Найти ясного ответа не удается ни в работах популярных либеральных авторитетов, писавших несколько десятилетий о проблемах "этой страны", ни в трудах поверженных классиков коммунизма, поклонники которых ощущают себя гражданами "Советского Союза", ни в работах русских мыслителей прошлого, для которых отечеством всегда была Россия, ни в многочисленных современных публикациях, являющихся, в сущности, формой идеологических или партийных споров. Значит, чтобы не оказаться в дураках, надо разобраться самим.

Как оказалось, реально возможны только два варианта экономической системы. Либо хозяйственный потенциал приводится в движение общественной, либо - частной собственностью. Или все субъекты хозяйствования представляют собой обособленные предприятия, которые приобретают ту или иную частную организационно-правовую форму, или все они оказываются составной частью "единого народнохозяйственного комплекса", которым руководят государственные органы управления.

В первом случае предприятие не более чем производственный цех на единой общенациональной фабрике. Его руководство распоряжается имуществом "цеха" не на праве собственности, а на

праве оперативного управления. А поскольку и цех, и созданная им продукция - общественная собственность, то между цехом и фабрикой нет и не может быть никаких налоговых отношений. Вся вновь созданная стоимость автоматически оказывается в государственной казне и используется на общественное благо. Эта форма утвердилась в России в результате великой революции начала XX века, которая в действительности была крестьянской, а потому уравнительной. Иногда нас уверяют, что в 1917 году русские, проявляя некую “отсталость”, совершили ошибку, упразднив частную форму собственности. Но если взглянуть на события прошлого с высоты прожитого страной векового опыта, то общественная форма собственности не кажется такой уж неэффективной. По крайней мере, именно благодаря ее использованию одна из великих *держав* мира превратилась в одну из двух его *сверхдержав*. А победителей, как известно, не судят.

Во втором случае каждое предприятие имеет полную свободу действия, обособленное имущество и самостоятельный бюджет, ведя хозяйствование на свой страх и риск. Его отношение с государством регулируются законами, главным образом налоговыми. Государственная казна и кассы предприятий при этом никак не сопрягаются. Они принадлежат разным собственникам. Именно такого рода экономические отношения утверждаются теперь в нашей стране. Совершается новая революция. Ее экономическая сущность состоит в том, чтобы упразднить общественную и утвердить в качестве господствующей частную форму собственности.

Почему это стало не только возможным, но и необходимым? Потому что когда все это началось, в России мало кто сомневался, что социалистический *метод* хозяйствования, в основе которого была общественная *форма* собственности, себя полностью исчерпали. Не так важно, соответствовало ли это убеждение действительности, главное состояло в том, что капиталистические отношения, игра рыночных сил, господство денежного эквивалента представлялись могучими рычагами, которые обеспечат

такое материальное изобилие, которое и не снилось “советскому человеку”.

Теперь тому же самому большинству очевидно, что сладкие, но беспочвенные ожидания, обернулись после 10 лет “перестроек” и “реформ” горьким разочарованием, крахом надежд. И вновь в обществе разгораются диспуты, напоминающие и повторяющие предыдущую эпоху. Но теперь их предметом оказываются не постылая партийно-хозяйственная номенклатура, а ненавидимые “реформаторы”, не герои “застоя”, а энтузиасты “рынка”, не Лигачев или Зайков, Гришин или Слюньков, а Чубайс и Березовский, Гусинский и Уринсон. Впору совершать очередной прыжок из “царства необходимости в царство свободы”, вновь менять форму экономических отношений, не задумываясь об их сущности.

В действительности же не форма, какой бы значительной она ни была, предопределяет суть происходящего, в их содержание. А содержанием экономических отношений является реально существующее материальное богатство, которым, обеспечивая ее потребности, располагает нация, и которое находится под защитой и покровительством государственного суверенитета. Прежде чем рассуждать о недостатках или преимуществах той или иной *формы* собственности, необходимо понять *размер* национального имущества или *величину* русского национального богатства. Иначе говоря, что по усам уже текло, но в рот так и не попало.

Как бы это ни казалось невероятным, но до самого последнего дня русские не располагали сведениями о стоимости того, чем они реально облагали. Утверждение, что “мы баснословны богаты”, или, наоборот, что “мы бедны, как церковные крысы”, повисало в воздухе. Буквально до самого последнего времени обществу не было известно, какими богатствами оно располагает. Хотя в научном мире такие расчеты предпринимались. Например, в энциклопедии “Политическая экономия”, национальное богатство СССР, в которое не включалась стоимость земли и лесов, составляло на 1976 год 2 трлн. руб. Оно увеличивалось за год на 100 млрд. (М, 1979 г., т.3, с 59-60).

Вероятно, к 1990 году общая сумма богатства, согласно принятой тогда методике счета, выражалась в сумме не менее 3 трлн. руб., в расчете на одного жителя примерно 10 тыс. руб. Как оказалось впоследствии, это расчеты, основанные на планомерно регулируемых внутренних ценах, были занижены по сравнению с рыночной методикой не менее чем в 60 раз. Но как раз такой номинал был воспроизведен на приватизационном чеке (ваучере), что было более чем заниженной суммой, не отражавшей реальную картину[14].

Первая по-настоящему серьезная попытка выразить рыночную стоимость национального богатства, включающего все его элементы, была предпринята лишь в 1998 году. Согласно опубликованным данным (в пределах РФ) оно исчисляется примерно в сумме 320-380 трлн. долларов. Природно-ресурсные факторы, еще не вовлеченные в функционирующее хозяйство, составляют 80-85 процентов. Вовлечено в экономический оборот от 15 до 20 процентом или, даже если брать по минимуму, от 48 до 64 трлн. долларов. Чтобы понять, каким богатством располагала Россия в границах СССР, эти цифры надо, по крайней мере, удвоить.

В рублевом эквиваленте, полагают эксперты, национальное достояние РФ распределяется так: лесные угодья - свыше 200 квадрлн. руб., пашни и другие сельхозугодья - 5, основные фонды - 17, “потребительское богатство домохозяйств” - 9, материальные оборотные средства и запасы - 3 квадрлн. руб. Бесспорная собственность за рубежом - 70 млрд. долл. (см. Интерфакс-АиФ, 1998, № 23). Таким образом, она потенциально богаче Америки в расчете на одного жителя в 2,5 раза, в 6 раз - Германии, Японии - в 22 раза.

Даже если считать по минимуму, отталкиваясь от суммы в 320 трлн. долларов, при исчислении в рублях по ныне сложившемуся курсу, общая цена национального достояния будет составлять

[14] Уже одного этого статистического факта достаточно, чтобы признать аферу с «ваучерной приватизацией» ничтожной. Только одно может этому воспрепятствовать – задавненность.

1984 трлн. руб. В пересчете на одного жителя стоимость совокупного национального богатства равна примерно 2,2 млн. долл. или около 14 млн. руб. Если исключить из этой суммы ту часть богатства, которая еще не вовлечена в хозяйственную деятельность, то в активе остается примерно 3 млн. “новых” руб. или 500 тыс. долларов на одного человека.

Если переход от капитализма к социализму, от множества самостоятельных экономических субъектов к единому хозяйствующему субъекту, преодоление частной собственности является национализаций, то противоположное движение, от социализма к капитализму, в результате которого преодолевается общественный или общенациональный характер собственности, носит, соответственно, характер разгосударствления, денационализации, а когда она оказывается в собственности частных лиц - приватизации.

Чтобы из наемной рабочей силы, частью которой являлись все взрослые жители страны, превратиться в частных собственников, чтобы всю совокупность материального богатства, создававшегося и организованного в единый народнохозяйственный комплекс, превратить в бесконечное множество независимых друг от друга, конкурирующих хозяйств, можно было использовать известное множество технических приемов, ничего не разрушая и никого не разоряя.

Но власти РФ и большая часть ее населения, недолго думая, сошлись на том, чтобы, с одной стороны, осуществить этот переход одним стремительным броском, а с другой - использовать наиболее криминальную форму - приватизационные чеки на предъявителя. Нет нужды описывать процесс приватизации, так как он хорошо известен всем. В его результате львиная доля приватизационных чеков, розданных населению с номиналом, как было уже сказано, в 10000 рублей, оказалось, через сравнительно непродолжительное время, перепроданной небольшому числу спекулянтов и подставных лиц, не превышающих численно, насколько можно судить по расчетам экспертов, 1 процента населения. Делом техники было обменять ваучеры на контроль-

ные пакеты “ценных бумаг” предприятий, попавших под колесо приватизации, превратившись в их собственников. Но продажа ваучера являлась актом, лишавшим продавца права на долю в общенациональной собственности. При этом мало кто осознавал, что за сумму, эквивалентную в лучшем случае 10 “новым” рублям, владелец ваучера навсегда отказывается от собственности стоимостью в 3 миллиона.

Таким образом, через два-три года после начала реформ не менее 90 процентов населения РФ из совладельцев единого народнохозяйственного комплекса, в расчете на одного человека составляющего приличную сумму в 3 млн. новых рублей, превратились в лишенных права на средства производства пролетариев, источником существования которых является теперь (да и то гипотетически) классическая для капитализма продажа единственного блага, которое у них осталось - способности к труду.

Чтобы понять, почему сравнительно легко удалось, грубо говоря, облапошить десятки, если не сотни миллионов человек, недостаточно списывать состоявшееся мошенничество за счет циничного использования естественных слабостей, присущих человеку, как таковому, - жадности, зависти и глупости. Дело не только в том, что коренное население России оказалась жертвой разрушительного союза оборотистых мошенников и корыстолюбивых невежд. Удача сопутствовала группировке “реформаторов” потому, что имел место заговор, в котором удалось соединить интересы *новоявленной* финансовой плутократии и *старой* государственной бюрократии внутри страны с внешними антирусскими силами, которые известный русский мыслитель И. Ильин, живший многие годы в иммиграции, назвал “закулисой”. Фактически можно говорить о состоявшемся заговоре, направленном против самого существования России, поскольку дело идет о ничем не прикрытой, бессовестной *кражи*, в результате чего *русские, лишившись всех средств существования,* оказались нацией одураченных. Всю совокупность событий, происшедших в России, можно свести, таким образом, к трем моментам.

У русских отняли реально функционирующее национальное богатство, а значит - и законную ренту на капитал, которая когда-то аккумулировалась в так называемых общественных фондах потребления и использовалась для удовлетворения личных потребностей населения. И капитал, и рента с него присваивается теперь кучкой удачливых мошенников, которых ни с того, ни с сего именуют олигархами, в то время как перед нами - откровенная плутократия, крупные спекулянты, обогатившиеся благодаря экономической некомпетентности и неправдоподобному инфантилизму населения России. Кроме того, отказавшись от реального богатства, граждане России воздвигли формальные препятствия и на пути к богатству потенциальному. А это в денежном выражении примерно 12 млн. рублей на каждого, которые можно постепенно превратить в действующее производство, а значит - и в конкретные виды реального богатства, которые обретают конкретного собственника. Теперь эта часть богатств России может попасть лишь к новоявленным владельцам частных капиталов, но отнюдь не к национальному большинству, переставшему, благодаря собственным “ абсурдным усилиям”, быть собственниками.

Но потерей прав на средства производства дело не ограничилось. Инфляционная политика правительства лишила русских и оборотных средств, благодаря которым хозяйственный потенциал приводится в движение, а его недостаток или отсутствие лишает национальное хозяйство дееспособности и приводит большую часть реальных производств к неизбежному обесцениванию. По некоторым подсчетам, произведенным в Российской академии наук, сумма потерь, понесенных Российской Федерацией вследствие такой экономической политики за последние пять-семь лет, составила примерно 2 трлн. долларов или 12 трлн. рублей.

Наконец, самое главное, русские и другие коренные народы России оказались без собственного государства, которое формально было объявлено упраздненным, стало быть - они лишились единственного исторически оправдавшегося инструмента

политической самоорганизации. Последнее обстоятельство особенно нетерпимо, поскольку, в отличие от истории Европы, являвшейся "историей борьбы классов", или истории Азии, которая является историей "способа производства", история России была, как утверждал Карамзин и как оценивал ее Пушкин, историей Государства Российского, государственной историей.

Образно говоря, русские самым неожиданным для себя образом оказались и без "злата", и без "булата", не в состоянии ни купить, ни взять, ни защитить все то, что принадлежит им или должно принадлежать по праву, по правде, по справедливости.

Сложилась ситуация, которая ставит русскую нацию в безвыходное положение. Либо она отказывается от экономического и политического самоопределения, превращаясь в безжизненный объект, над которым либеральный эксперимент будет безжалостно продолжен. Тогда неизбежен "конец русской истории". Либо русские все-таки продолжат собственную историю, что предполагает необходимость общенациональной консолидации и самые решительные действия. На первом этапе преодоления кризиса они должны быть направлены, исходя из изложенного, на достижение следующих целей. *Во-первых*, восстановление Российского государства, его централизованных институтов и вооруженных сил. Дело идет о баснословном богатстве, которое и является объектом непосредственного алчного посягательства, в связи с чем Россия должна иметь средства его защитить. *Во-вторых*, экспроприация недобросовестных собственников, завладевших материальными и финансовыми активами страны путем мошенничества; очищение отношений собственности от плутократии и спекуляции, для чего должна быть использована власть русского национального права и сила государства. *В-третьих*, овладение оборотным капиталом и максимально быстрое возвращение его в экономику, придание дееспособности национальному хозяйству и, таким образом, обеспечение всех трудоспособных граждан России работой и материальным достатком.

Вряд ли кому-нибудь придет в голову наглость опровергать самоочевидную истину, что русские в России должны жить, ни в чем не нуждаясь. Для этого, как показывают расчеты, исторический опыт и здравый смысл, есть все предпосылки. Разумеется, чтобы вернуть себе свое, чтобы вновь обрести национальное достоинство, не обойтись без организационных и волевых усилий, без драки, без борьбы. Но разве не обращена к современному положению России известная мысль поэта Гейне о том, что "*лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой*"?

Чем больше благ, тем больше нищеты

Начало III тысячелетия ознаменовано наличием баснословного по количеству и качеству трудового, вещного, интеллектуального и культурного богатства. Его совокупная денежная ценность, скорее всего, статистически заниженная, составляет 550 трлн. долларов США, из которых 365 трлн. выражает стоимость рабочей силы, 95 трлн. стоимость созданного и воспроизводимого богатства и 90 трлн. – стоимость используемых естественных ресурсов природы. Среднеарифметическая величина активов, приходящихся на одного жителя земли, ныне их число равно примерно 6 млрд., включая младенцев, стариков, взрослых иждивенцев и инвалидов, в денежном выражении составляет, таким образом, примерно 30 тыс. долларов.

Казалось бы, эта масса благ, приводимая в движение производительным трудом, дает ежегодно такое количество разнообразных продуктов, что обеспечивает на каждом обжитом континенте земли достойные условия подавляющему большинству, предотвращая социальные бедствия, такие как отсутствие работы, голод, эпидемии или бездомность. Реальное положение дел, однако, опровергает этот на первый взгляд очевидный вывод. Многократно увеличивающаяся масса богатств, полезная для удовлетворения разнообразных человеческих потребностей, создаваемая всё более эффективными средствами техники и более производительными видами деятельности, вовсе не улучшает качество

и уровень жизни, а наоборот, сопровождается умножением человеческих страданий.

Если в 1960 г. доходы десяти процентов самого богатого населения мира превышали доходы самого бедного в 30 раз, то к концу XX века — уже в 82 раза. Более 4,5 млрд. жителей земли живёт в бедности, а 1,2 млрд. прозябает в трущобах в ужасающей нищете, не имея необходимой пищи, воды, медицинского обслуживания и доступа к образованию. К тому же почти 250 млн. детей вынуждены зарабатывать на жизнь себе и своим близким, из них 73 млн. – в возрасте менее 10 лет. Душевой доход во всех "западных" странах в 5-10 раз превышает душевой доход почти всех развивающихся стран. Между тем в 70 странах мира в конце XX века он был ниже, чем в 1980 году, и в 43 странах – меньше, чем в 1970 году.

Мировой кризис, начавшийся в 2008 году, в еще большей степени усугубил и высветил эти вопиющие процессы, действие которых на разных континентах и в разных государствах тем не менее противоположны, доказывая его противоречивую сущность. Например, Россия[15], представляющая собой страну, в наибольшей степени пострадавшую от олигархического правления и политики её затаскивания в «мировую экономику», обошедшуюся более чем в 20 миллионов демографических потерь, до начале этого правления твёрдо занимавшую второе место на пьедестале мировых держав, теперь по объёму производимого валового национального дохода находится на 10 месте, в экспорте товаров на 13, в экспорте услуг на 25, а вся сумма уставных капиталов её кредитных учреждений не превышает 30 млрд. долларов – смехотворно низкая величина при стоимости национального богатства в 80 трлн. С другой стороны – социально-экономическое положение США. При наличном богатстве, равном 25 трлн. дол-

[15] Слово «Россия» после событий 1991 года приходится, впервые за 500 лет, применять в географическом смысле, подобно тому, как до 1871 года точно так же использовалось слово «Германия». Только восстановление государственного единства может возвратить слову Россия политическое содержание.

ларов, более чем втрое уступающим по денежной стоимости тому, чем располагает Россия, и при равной примерно численности населения этих двух стран, валовой доход США более чем на порядок превышает доход России. Сделаем скидку на неблагоприятные русские природно-климатические и географические факторы, значительно увеличивающие материальные и трудовые издержки в сравнении с североамериканскими. И всё равно отсутствуют объективные причины, которые бы позволяли утверждать, что источник столь разительных результатов, относящихся как 1:3, скрыт в степени эффективности этих двух способов производства – заведомо низком в России и заведомо высоком в США.

Между тем экономические отчёты, показывающие предсмертные конвульсии одних стран и неслыханное благополучие других, при использовании формально одинаковых критериев для оценки положения дел, в действительности фиксируют результаты вульгарного шулерства. В них механически суммируют реальные ценности и фиктивные активы, истинное материальное и духовное богатство и финансовые пузыри, деньги, сохраняющие присущие им свойства, и их суррогаты, не имеющие никакой ценности. Вместе с тем они всего лишь бесстрастно показывают действительную картину господствующих в мире экономических процессов.

Молох олигархии

Кто же обладает столь выдающимися талантами финансовых дельцов? И чьи интересы они при этом обслуживают? Тайны немногочисленных экономических центров, где происходят денежные обряды и совершаются человеческие жертвоприношения, уже не представляют никакого секрета. Они никого не компрометируют. Их выставляют напоказ, словно проституток в витринах голландских домов терпимости. Финансовые махинации и манипуляции, достигшие невиданных размеров, совершаются в интересах олигархии, чьи личные состояния охраняются примерно 500 корпорациями и 100-150 транснациональными

банками. Почти все они избрали своей резиденцией территорию США. Подсчитано: 400 самых богатых семейств мира имеют личные капиталы почти в 2 трлн. долларов. Каждая семья финансового олигарха обладает таким же количеством денег, какое получает 20 миллионов прочих жителей земли[16]. Само собой разумеется, что эти богатства не продукт кропотливого труда и даже не результат пресловутого «первоначального накопления», происходившего в эпоху мануфактур, географических открытий и пиратства. Теперь они произрастают из вульгарных административных злоупотреблений, биржевых афёр и преступлений особой тяжести, сплачивая общим интересом чиновников, держателей крупных состояний и преступников-душегубов. И разве секрет, что мировой рынок, управляемый бюрократией и контролируемый олигархией, стоит на «шести китах» - на прибылях от торговли нефтью, оружием, наркотиками, драгметаллами, вещной и плотской порнографией и - деньгами. Все остальные виды товаров, включая, например, продовольствие и медикаменты, существуют лишь постольку, поскольку они также приносят олигархии баснословные прибыли.

Подобно древнему восточному мифу, в котором земная твердь покоится на слонах, стоящих на огромной черепахе, современное западное мировоззрение уверовало в то, что духовные, социаль-

---

[16] В пределах РФ 15% населения владеет 85% национального богатства, в США 1% населения владеет 40% богатств. По данным Всемирного банка, в 2003 году в руках 23 крупнейших финансовых групп находилось 57% всего промышленного производства РФ. Капитал 36 богатейших людей РФ ($110 млрд.) равен четверти ВВП страны. В прессе время от времени появляются списки «самых богатых людей мира», состояние каждого из которых превышает миллиард долларов США. Такой список, опубликованный в марте 2009 года, насчитывает 450 семей. Вот его первая рекламная десятка: Билл Гейтс (США) $40 миллиардов; Уоррен Баффет (США) $37; Карлос Слим (Мексика) $35; Ларри Эллисон (США) $22,5; Ингвар Кампрад (Швеция) $22; Карл Альбрехт (ФРГ) $21,5; Мукеш Амбани (Индия) $19,5; Лакшми Миттал (Индия) $19,3; Тео Альбрехт (ФРГ) $18,8; Амансио Ортега (Испания) $18,3 миллиарда. Конечно, это не более чем витрина, предназначенная скрыть уродливую подоплеку происходящего.

ные и экономические процессы, составляющие жизнь людей и их ассоциаций, цель которых состоит якобы лишь в потреблении товаров, обусловлены тем, что имеют свою неколебимую и единственную опору - деньги. В связи с тем, что западные страны на протяжении последних трех столетий приобрели по известным причинам доминирующее значение в мире, подчиняя себе остальные части света, их представление о том, как должно существовать человечество, также стало господствующей идеей. Однако современная сказка о роли денег в жизни человечества, проповедуемая некоторыми нобелевскими теоретиками монетаризма и их эпигонами, ничуть не лучше старинной сказки о роли черепахи в жизни плоского земного диска, которой хитроумные жрецы древности придавали значение непререкаемого религиозного откровения, сомнение в истинности или опровержение которой было недопустимым святотатством, а потому каралось самым беспощадным образом. Современные жрецы денег мало чем отличаются от средневековых жрецов черепахи.

Но все течет и всё меняется, как и наши знания о природе, обществе, человеке и его сознании. Если в прошлом, когда люди зависели от сил природы, являясь их игрушкой, они делали их предметом своего поклонении, если с развитием материального производства, относящегося к эпохе раннего средневековья, создавшего многообразный мир вещей и торговлю ими, они сделали предметом поклонения товары, то теперь, когда первые два вида фетишизма ушли или уходят в прошлое, они попали в новую зависимость – в кабалу к деньгам, компенсируя эту всесильную и безжалостную зависимость от них денежным фетишизмом – языческим поклонением деньгам. Однако происхождение любого фетишизма, в том числе и денежного, кроется не в знании действительной сущности предмета, а в его таинственности, в мистифицированном представлении о нём.

Последствия денежного фетишизма

В результате денежного фетишизма, придающего деньгам свойства универсального и всесильного товара, который обмени-

вается в результате торговых операций на другие товары, весь подлунный мир стал казаться миром торговли, где любое благо или ценность, вне зависимости от их качеств, превращается в товар и может быть предметом купли и продажи. Коммерция, купцы, посредники, биржи, морские порты и города-ярмарки приобрели в этот период непомерную значимость, обесценивая все остальные виды деятельности.

Так как деньги на протяжении нескольких тысячелетий скрывали свою природу то под вещной, то под золотомонетной, то под бумажной оболочкой, маскируя ее товарными признаками, представления людей о природе денег не выходили за пределы мира вещей. Деньги на протяжении многих веков казались вещью, одним из товаров, который, в силу присущих ему свойств, стал выполнять функцию универсального товара. В конечном счете в XIX веке им стал один товар – золото, денежная форма которого в силу технического удобства постепенно свелась к двум разновидностям – монете и слитку. Дальнейшее развитие, однако, оказалось периодом, когда это предубеждение относительно денег, создавшее в мире мистическое представление об их способности властвовать над людьми, было опровергнуто, на протяжении XX столетия коренным образом изменив функцию денег и их влияние на характер экономических отношений. Это изменение, однако, не повлияло на характер отношений, возникших в предшествующую эпоху, и основной недостаток финансовой системы все еще усматривается в том, что доллар США – основная резервная валюта, не имеет золотого эквивалента, в связи с чем обращающаяся в мире долларовая масса обеспечена им всего лишь на 4%. В действительности этот факт имеет незначительное влияние на экономические процессы. Гораздо важнее, что деньги, после нескольких тысячелетий своего бесспорно монетарного существования, утратили товарную оболочку, и они теперь для своего существования вообще не нуждаются в отдельном, самостоятельном вещном обеспечении.

Ниспровержение денег-монет, денег-ассигнаций, денег-банкнот, наконец, просто денег-билетов произошло не сразу.

Первый удар по своей предметной форме они получили, когда был изобретен вексель, прекративший физическое движение денежной массы в форме золота в обмен на движение массы товаров. Затем деньги в виде универсального товара, эквивалентного по своей стоимости остальным товарам, были заменены денежными знаками, банкнотами и ассигнациями. Революции цен, которые произошли в средневековой Европе, внезапно открывших Новый свет, переполненный золотом, хлынувшим на европейский рынок, обернулись тогда его девальвацией как деньгами. Затем, с возникновением государства-фабрики под названием Советского Союза и учреждением на его территории безналичных денег, заменивших их наличный и монетный вид бухгалтерскими записями и банковским проводкам, деньги, даже бумажные, лишились стоимости. И только наличие банковских и казначейских билетов с отпечатанным на них текстом, что они обеспечиваются всеми активами государства, создавало иллюзию их ценностного обеспечения. Отмена золотого стандарта, последовавшего в 1971 году в отношении национальной валюты США, и прекращение свободного обмена долларовых банкнот за золото развеяли последние иллюзии в отношении природы денег как товара. Их бытие в этом качестве прекратилось. Окончательную дематериализацию денег совершила революция в технике – изобретение компьютеров и магнитных карт.

Однако сохранение за деньгами, переставшими быть товаром, правил, существующих в отношении товара, выгодных олигархии, обернулось, с одной стороны, деградацией экономических механизмов, обслуживающих производственную, торговую и вообще целесообразную человеческую деятельность, а с другой – непропорционально высоким ростом знаков стоимости. Объективный источник экономических кризисов, безжалостно уничтожающих материальные условия жизни людей, который прежде заключался в товарном перепроизводстве, теперь происходит из-за перепроизводства денежных суррогатов. Субъективная причина этого процесса кроется в присвоении финансовых активов олигархиями, смысл деятельности которых в экономике сводится

не к реальному производству подлинных ценностей, а к махинациям, не к новациям, а к спекуляциям. Олигархию воодушевляет не рост фактического общественного блага, создаваемого трудом и интеллектом, а возможность ненасытного личного обогащения, этого прожорливого молоха, рождаемого торговлей фальшивыми деньгами и биржевыми спекуляциями.

Финансовый паразитизм

Развитие денежного обращения между тем привело к утрате деньгами материальной формы и превращению их в то, чем они были по своему предназначению, к идеальным деньгам, то есть к разновидности общественных отношений. Но их место было сравнительно быстро занято разнообразными денежными суррогатами. В конце концов реальное производство и оборот вещных и интеллектуальных ценностей, с одной стороны, и производство и оборот суррогатов, с другой, материальная экономики и её тень вошли в непримиримое противоречие. Численное выражение первого стало относиться к численному выражению второго как 1 к 300. Величина создаваемого в мире совокупного валового внутреннего продукта в денежных единицах стала равняться примерно 3% номинальных капиталов, учитываемых на валютных биржах, на рынке акций, деривативов, облигаций и долговых обязательств[17]. В общей массе знаков стоимости доля настоящих денег не превышает 0,0033%, остальное – бесспорные фальшивки. Однако, благодаря использованию этой фальсифицированной массы в качестве доброкачественного товара, единой норме процента как выражения его якобы общей цены и монополией финансовой олигархии на торговлю им, последняя присваивает себе львиную долю ценностей, производимых реальным сектором экономики, превращая его тем самым из гос-

[17] В 2008 году мировой совокупный ВВП исчислялся в $65,61 трлн. При этом величина капиталов, обращающихся на валютных биржах, равнялась $1100 трлн., на рынке акций - $51 трлн., на рынке производных финансовых инструментов (деривативов) - $860 трлн., на рынке облигаций и долговых обязательств - $45 трлн.

подина положения, каким он должен являться, в бесправного наймита, постоянно шантажируемого к тому же угрозой банкротства.

В результате, вместо того чтобы подчинить себе силу денег, как они подчинили себе силы природы, использовать ее в общественное благо, нации и государства подчинили себя деньгам, превратив таким образом самих себя в товар, оказавшись в руках тех, кто постепенно присвоил себе право на их преимущественное обладание, кто овладел ими как своей монопольной собственностью – речь идет о финансовой олигархии, предшественниками которой были менялы, затем ростовщики, позже банкиры[18].

Господствующий экономический механизм, принадлежащий финансовой олигархии, приводимый в движение уже не деньгами как товаром, а их заменителями, одни нации ввергает в нищету, другим отдает предпочтение, одних он унижает, других возвышает, одним обеспечивает развитие, других обрекает на вырождение, при этом первых не более десятка, и их численность не превышает 300-500 млн., когда как вторых – несколько сотен и их величина на порядок больше. Все зависит от интересов совокупной мировой олигархии или ультраолигархии, ее предрассудков, предвзятости и капризов, наконец от того, какую страну или цивилизацию этот интернационал олигархий в целях увеличения своего богатства выбрал очередной жертвой. Разумеется, под лицемерными и лживыми фразами о «свободе труда», «свободе торговли» и «свободной конкуренции», маскирующих хищничество и паразитизм.

---

[18] «Наш золотой телец питается не созданием богатств, даже не их пользованием, но, прежде всего, их мобилизацией, которая есть душа спекуляции. Чем больше переходят богатства из рук в руки, тем более от них остается у нас. Мы — маклеры, принимающие заказы на все меновые операции, или, если хотите, мы — мытари, контролирующие все закоулки земного шара и взимающие пошлину со всякого перемещения анонимного и бродяжничающего капитала, будь то пересылка денег из одной страны в другую или колебание их курса» (Фраза, принадлежащая одному из Ротшильдов).

Причина столь нетерпимого положения коренится не в классовых противоречиях, не в цивилизационнной самобытности материков и континентов, не в межгосударственных конфликтах, словом в противоречих, наполненных подлинными стратями, а в паразитарной природе сложившейся мировой финансовой системы, действующей в противоестественных интересах ультраолигархии и вопреки действиельным интересам наций и цивилизаций.

Пролог потребительской революции

Обещание благополучия - признак практически любой политической программы. Никто не обещает обрушить на страну бедствия, ибо это противоречит самому смыслу обращения к гражданам за поддержкой.

Русские революционные реформы (перестройка или ельцинирование страны) тоже в явном или неявном виде обещали благополучие буквально *для всех.* Именно потому обещаниям *реформаторов* верили. В то же время, оказывается, имелось в виду благополучие отнюдь *не всех.* Как же это получилось, что пообещавшие его для всех и обеспечившие его лишь немногим продолжают оставаться у власти? Более того, они наследуют власть из года в год, не замечая потери отдельных «бойцов». Попытаемся разобраться в этом.

Современным русским реформам предшествовала атмосфера неудовлетворенности. Чувство ущербности бытия создавалось в течение многих лет, пока в сознании *советских граждан* не укоренилась установка: с материальной точки зрения мы живем плохо! Диссидентство особенно акцентировало внимание на этом. А официальная пропаганда своей узколобой прямолинейностью подтверждала: если государство столь упорно говорит о грандиозных успехах, а мы никаких особенных изменений не чувствуем, то дела, по всей видимости, дрянь. Действительно, пропаганда твердила об удовлетворении непрерывно растущих потребностей, а в стране все больше становилось талонов, спецзаказов, спецраспределителей. Распределителями заменяли мага-

зины, связями - деньги. Особенно это касается сферы продовольственного обеспечения. Распределитель, ставший одним из главных признаков номенклатурной системы, существенным образом затронул народный инстинкт, сложившийся еще во время войны. Люди годами боялись голода и не могли наесться. И чем сложнее и абсурднее выглядела распределительная система, тем сильнее становилось чувство неблагополучия. Даже при растущем производстве сельхозпродукции это чувство продолжало обостряться.

То же касалось и одежды, предметов длительного пользования, бытовой техники. С одной стороны, реальный уровень производства давал основания говорить о нарастающем благополучии, с другой, граждане не могли не видеть, что условия приобретения благ оказываются всё более ущербными. Талонная система укрепилась и существовала десятилетиями, не затрагивая разве что только столицы. В магазинах состояние потребления иллюстрировали очереди и «чёрное крыльцо» для влиятельных чиновников, на предприятиях - выездная форма торговли, в учреждениях - спецбуфеты, спецзаказы, спецпайки.

В повседневный быт успешно внедрялось представление о том, что блага не продают, а *дают.* И это, как нельзя более ярко, свидетельствовало о неблагополучии, создавало предчувствие катастрофы.

При всём при этом страна была в достаточной степени материально обеспечена! Холодильники, стиральные машины, мебель, обувь - всё это можно было не только «достать», но и купить. Даже автомобили становились уже не роскошью, а средством передвижения. Рядовой инженер или учитель, *поднапрягшись,* поработав на халтурах, вполне мог скопить денег на машину. Причём непрестижные марки отечественных автомобилей переставали быть дефицитом.

Таким образом, рост благосостояния полностью исчерпывался неэффективной распределительной системой, укреплявшей у людей ощущение о катастрофическом неблагополучии их жизни, которое не подтверждались ни социальным статусом, ни счётом

в Сбербанке, ни имущественным положением, но держало в постоянном напряжении.

Новый строй, которому нет названия

Еще в 1991 году на одной из пресс-конференций Г. Бурбулис, для всех тогда очевидный кардинал при Б. Ельцине, не смог ответить на вопрос о том, какой же социальный строй его единомышленники предполагают создать в стране? Он, запнувшись, сказал, что этому строю нет названия. Направление реформ, действительно, невозможно было определить в экономических терминах, тем более - в политэкономических.

Но реформы с нелепыми названиями или вовсе без названия не являются изобретением «демократов». После Сталина *каждый генеральный секретарь* занимался поисками своей собственной социальной философии и опровержениями предшественников. Если для Брежнева это *был развитой социализм* и *экономная экономика,* для Горбачёва - *ускорение* и *перестройка,* то для Ельцина - *демократия и реформы.* Своя риторика и персональная стратегия помогали утвердиться у власти, олицетворяя новый этап развития страны.

Горбачёв вместе со своими помощниками сумел придумать пьесу, в которой ему поручалось играть роль вождя, обещающего скорое благополучие. Но вместе с постановкой этой пьесы был порождён поток событий вне сцены, который вымел команду Горбачёва из системы власти. А всё потому, что почти сразу стало ясно, что озвученная пропагандой новая система ценностей с реальным благополучием не была связана. Распределительная машина, продолжая работать, разрушала всякие надежды на приличную жизнь. Карточки и «визитки покупателя» действовали уже и в столице, изменяя не только настроение, но и инспирируя революционную ситуацию, которая давала власть новому слою деятелей - *радикальным реформаторам.*

Изменение положения дел произошло практически сразу после объявления об упразднении СССР. Вместе с номенклатурным распределителем в одночасье исчез и относительный товарный

достаток. Но после введения - «свободных цен» и обвальной приватизации рынок «насытился» продукцией, которую в прошлом нельзя было свободно купить. Пропали очереди, но вместе с ними и потребитель, утративший реальную покупательную способность. Она, эта «способность платить», в течение короткого срока сократилась чуть ли не втрое. Полки в продовольственных магазинах, точнее в многочисленных «комках», обнадёживали, что голода не будет, но содержание *конкретного* кошелька показывало, что недостаток питания *конкретного* гражданина, с воодушевлением встретившего реформы, вполне вероятен или уже реален. *Искусственно* поддерживаемый дефицит материального потребления сменился *реальным* дефицитом знаков стоимости - денег.

Перестройка с развалом СССР в 1991 году не была прервана. Она просто вступила в новую фазу и воплотилась в новых персоналиях. Можно сказать, что она усугубилась в своих ключевых проявлениях.

«Демократический» миф, порождённый Горбачёвым и теми, кто вовремя выскочил из-за его спины, утверждал ложное представление о том, что в России каким-то образом можно устроить своё материальное бытие так, как оно сложилось в Европе, а лучше - в Америке. Но условия существования в нашей стране такой возможности не давали. На единицу потребляемого продукта нам приходится тратить больше ресурсов просто в силу природно-климатических условий, вынуждающих глубже закапывать водопровод, заботиться о теплоизоляции зданий, отапливать помещения 9 месяцев из 12, работать в поле всего 4 месяца в году и т.д. и т.п.

Очевидно, наш уровень благополучия при прочих равных условиях всегда будет ниже, чем на Западе. У нас всегда будет более трудоёмкая, энергоёмкая, материалоёмкая экономика. Так уж сложилась наша судьба, что живём мы в условиях, аналогичных Аляске или северу Канады. Условия существования русской цивилизации обуславливают собственную, ни на что не похожую систему ценностей и представлений о благополучии. Северный,

если угодно - нордический характер русской цивилизации ограничивает наше материальное благополучие и заставляет искать благополучия иного порядка.

Горбачёвский или гайдаро-ельцинский тип представлений о пути достижения благополучия элементарно не соответствует типу нашей цивилизации. Он не стимулирует творческого стремления к обустройству жизни, а угнетает его, ориентируя на ложные, недостижимые цели. Нам показывают всё лучшее из того, что есть на Западе (магазины, кварталы, угодья) и говорят: «Вот как можно жить, если принять их систему ценностей!». Для Запада это так или почти так. Но для России такая установка губительна. Приняв западную систему ценностей, мы не только не сможем жить *так,* но и вообще не сможем жить, не сможем удержать даже достигнутого скромного достатка. Сахаровская идея о конвергенции, - тоже миф, разоблачённый историей, но всё ещё используемый в целях разложения национального самосознания граждан России, навязчиво подчёркивающий их ущербность.

Тут сложилась ещё одна легенда - об экономии на национальных интересах страны, на геополитике. Горбачёвская команда, а потом и команда Ельцина, утверждали, что необходимо избавиться от излишних затрат на нужды государства. Мол, разрушим Берлинскую стену и «железный занавес», и вздохнём свободно; перестанем помогать союзникам - и появится колбаса в магазинах; сократим военные затраты и космические программы - и заживём на сэкономленное припеваючи... *Вышло всё наоборот.* Где экономили, там теряем ещё больше. Например, неожиданно для реформаторов стала очевидна элементарная истина: конверсия военного производства требует огромных затрат. Но для того чтобы прийти к этому выводу, они провели разорительный для страны эксперимент.

Оказалось, что установка на то, чтобы кормить только самих себя приводит к разорению и обнищанию. Уровень потребления в результате проведённых мероприятий по экономии средств увеличился только у избранных - у казнокрадов. Вспомним, ка-

кую волну ненависти вызывали миллионы управленцев. Вспомним, как подсчитывалось количество райкомовских и ведомственных должностей. Их сократили в надежде поправить *темпы роста...* И что же, стали жить лучше? Как бы не так! Стремление к одному лишь материальному, вещному благополучию обернулось фантастическим обогащением наиболее наглых, подлых, нахрапистых, продажных... Исключения из этого правила крайне редки.

Заговор против самих себя

Итак, распределиловка «развитого социализма» заставила нас поверить, что мы живём всё хуже и хуже. «Перестройка» указала, как достичь благополучия. А «демократия» обеспечила благополучие только избранным. «Постперестроечная» риторика давала иллюзию того, что через смену форм поведения, через политическую борьбу с мифами о благополучии в грядущем «коммунистическом далеко» можно обрести «демократическое» благополучие. И это снова был обман.

Почему же этот обман, столь очевидный сегодня, стал возможным? Дело в том, что «сливки» общества давным-давно утратили связь с тем социальным строем, которым они управляли. Им надоели общественные фонды потребления, система педантичного контроля и учёта, жизнь в казённых дачах, поездки в казённом транспорте, существование «на одну зарплату». Связь с Западом усиливалась, примеры иного бытия дразнили воображение и в конце-концов совратили правящий слой, который решился предать свою страну в обмен на личное благополучие. Оставалось только дать массам «продуктивную утопию», чтобы нейтрализовать её или сделать, хотя бы на время, обманутым союзником.

Стали говорить о первоначальном накоплении, которое вроде бы неизбежно должно пройти в криминальной форме. Появились философы, утверждавшие, что предприниматели, прежде чем подумать о стране и народе, «должны нажраться». Но у нас *первоначальное накопление* оказалось *прямым присвоением* государ-

ственной собственности, монополизированной прежним чиновничеством. Если первоначальное накопление в Европе и Америке происходило за счёт *права силы,* то в России - за счет *права должности.* Причём присвоение собственности у нас шло без принятия на себя вместе с правами свободного владения и распоряжения также и *ответственности.* Следовательно, *номенклатурная приватизация* означала не преодоление отчуждения в области имущественных отношений, а усугубление этого отчуждения для большинства граждан. Функции государственного управления и управления частным предприятием в какой-то период использовались для личного обогащения совершенно беспрепятственно. Это не только не было подсудным, но даже не считалось зазорным! Оно вдохновляло и продолжает вдохновлять.

С одной стороны, общество утратило осознание своего права на коллективное владение накопленным национальным богатством, с другой - переродившийся чиновник стремился к тому, чтобы соединить управление с владением. Бюрократ, не имея противовеса в виде представительной системы власти, утратил интерес к добросовестному управлению общенародной собственностью и страх перед органами контроля и правоохраны. Новая система ценностей развязывала руки для присвоения общественного добра, ставшего почти что ничейным, бесхозным, для обладания богатством, отчужденным от юридического собственника.

Народ так и не понял, что это *отнимают у него.* Уменьшение ресурсов, находящихся в распоряжении отдельного гражданина, стало для него абсолютной неожиданностью, необъяснимым явлением. Но «обезболивающее» было впрыснуто ещё во времена брежневского застоя, поэтому «демократическая» операция прошла без шока, без гражданской войны, которая была бы неизбежна в случае, если бы грабёж такого масштаба был осознан.

Дело тут не в какой-то злонамеренности, которую приписывают Горбачёву. Все условия для падения прежнего *строя* созрели задолго до введения во власть нового генсека и *он* рухнул сам по

себе. Номенклатура, управляющая государством, перестала рассматривать этот строй как свой строй. То же самое произошло со всей массой населения. Все утратили интерес к системе, которая обеспечивала их привычным уровнем благополучия. Все пожелали эксперимента, пытаясь обрести иное бытие, достижение одним скачком европейского, если не северо-американского уровня благополучия. *Поэтому произошла и происходит в настоящее время подлинная революция - преобразование одного строя в другой.* Согласившись на революцию, нация согласилась на коренное изменение своего бытия и, тем самым, сама себя обрекла на материальное неблагополучие, на резкое снижение жизненного уровня, а значит - на вымирание.

Но в условиях нашей новой революции ещё ничего не сложилось окончательно: ни власть, ни границы, ни государство, ни законы, ни право собственности, ни её субъекты. *То, что похищено, будет ещё не раз украдено снова.* Не только обычное население, но и «новых русских» ещё не раз ограбят ещё «более новые». Бегство капиталов из России показало - новоявленные «собственники» прекрасно понимают, что передел ещё далеко не завершен. Возвращать на родину рисковую часть капитала их заставляет лишь предельно неблагоприятная среда для разного рода авантюр и получения сверхприбыли там, за кордоном.

Вот так и состоялся заговор общества против самого себя. Одни в результате получили возможность приобщиться к материальному изобилию, другие - к непроглядной нищете. Естественно, первых - штуки, вторых - миллионы. Как в «нормальной» революции.

Капитализм плюс варваризация всей страны

Болезненная жажда благополучия часто приводит в ловушку и лишает даже того достатка, которым средний гражданин привык довольствоваться. Это происходит подобно тому, как необузданное желание счастья и превращение его в цель лишает человека

возможности вполне насладиться самим моментом счастья, который, быть может, был уже совсем близок.

В России благополучие никогда не рассматривалось с узко прагматических позиций. Достижение материального изобилия никогда не было самоцелью. Мы живём в стране, в которой материальный достаток сам по себе не является абсолютной ценностью. *Шикарная* жизнь у нас невозможна. Даже семьи с относительно высокими доходами были всегда скромны в быту. Роскошь, выставляемая напоказ - исключительное явление в русской истории. Таких людей русская земля не могла долго выносить, ибо здесь были иные нравы и представления о долженствующем поведении.

Исходя из традиции, принимая современную революцию как факт, мы обязаны отвергнуть её с нравственных позиций. Тотальность отказа от общественной собственности, от многообразия её форм, от сложной многоукладности не просто неэффективны с экономической точки зрения. Наша политика связана также и с отказом от глубинных нравственных установок, сложившихся в обществе, но забытых его последним поколением.

Может быть, именно поэтому настоящих частных собственников у нас ещё не появилось. Бюрократы, ставшие *держателями* общественного имущества, по привычке присваивают лишь оборотные средства, живые деньги, не заботясь об основном капитале. Отсюда и чудовищный спад производства, исчезновение высокотехнологичных предприятии, умирание не только фундаментальной, но и прикладной науки, одичание быта и нравов.

Тут как раз и проявляется связь материального благополучия с благополучием духовно-нравственным. Утрата интереса к общественному строю и равнодушие населения и элиты к разрушению государственности по сути дела указывают, что те и другие отчуждены от высших ценностей. Именно это отчуждение сыграло роковую роль.

Расчеловеченный индивид считает, что способ жить *по-человечески* означает непрерывное расширение своего материального благополучия. В этом смысле «демократический» режим

не имеет никакой новизны по сравнению с «коммунистическим» режимом. Примитивизация потребностей, а вместе с ними и представлений о благополучии, даже при внешней новизне лозунгов и экономических преобразований, превратилась в мощный разрушительный фактор. Мы ищем причины деградации общества в материальных условиях, а они вовсе в другом.

Выбирая стратегию выживания своей страны, культуры, самих себя, мы не вольны игнорировать или менять собственным желанием систему духовно-нравственных установок, которые во многом определяют и экономический строй. Если какая-либо сила начнёт (уже начала) действовать вопреки фундаментальным принципам существования цивилизации, ничего, кроме её разрушения, она не добьётся. И если мы видим такую силу, независимо от того, действует она осознанно или в состоянии помутнения, приходится определить её как антинациональную, антигосударственную, предельно враждебную, отбрасывающую Россию в эпоху варварства, дикости, вырождения.

Допуская *варварство внутри* России, мы порождаем те процессы, которые в прошлом погубили обе Римские империи - её предшественниками, оказавшиеся не в состоянии противостоять *варварству, пришедшему извне.* Безразлично относясь к наступающему варварству, мы соглашаемся на многолетний период упадка, после которого всё равно придётся обратиться к собственной древности, чтобы обрести потенциал возрождения.

Наше духовно-нравственное неблагополучие уже теперь столь глубоко, что прогрессивным было бы установление полноценного полицейского режима. При условии, что он пресечёт наиболее разрушительные для общества и государства процессы и обеспечит хотя бы внешнее соблюдение нравственных и юридических норм, органически свойственных русскому общественному порядку.

До национальной демократии России ещё очень далеко. Поэтому не надо тешить себя мечтами о построении капитализма. Он в сочетании с варварством вряд ли приведёт нас к благополучию. Ни распределительный социализм, ни варварский капита-

лизм, ни какой-либо иной "*изм*", сопряженный с революцией, не ведут к счастью. Сущность благополучия в другом - в творчестве и мастерстве, приобретающем разнообразные духовные, научные, технические, управленческие формы и виды, помноженные на наши естественные богатства. Если же режим подавляет творчество, если от него несет мертвечиной, то он не имеет нравственного права на существование и должен быть упразднён обществом хотя бы из чувства элементарного самосохранения.

Такая экономика не может быть эффективной

Необходимо различать национальное хозяйство и экономические отношения. Первое представляет собой совокупность производительных сил общества, ее естественные, производственные, интеллектуальные и трудовые ресурсы, соответствующим образом организованные и вовлеченные в целесообразную деятельность. Второе — реально существующий механизм, приводящий национальное хозяйство в движение, придающее ему динамизм, развивающий его в соответствии с объективными интересами и потребностями нации и государства.

Производительные силы, расположенные на территории Российской Федерации, провозгласившей свой “выход” из России, никогда не создавались в качестве обособленного хозяйственного комплекса. Напротив, после 1917 года национальное хозяйство страны восстанавливалось, создавалось и развивалось по принципу единого концерна, работающего в режиме общегосударственного плана. Его функционирование заведомо не предполагалось при самостоятельности, изолированности, обособленности отдельных хозяйствующих элементов, располагавшихся на территории той или иной “союзной республики”.

Обособившись от единого хозяйственного комплекса, его часть неизбежно должна была утратить некоторую долю жизнеспособности, поскольку ее полноценное, технологическое функционирование обусловлено производствами, оставшимися за границами РФ.

К примеру, хозяйственные комплексы в Белоруссии и Прибалтийском крае, являвшиеся некой общностью лишь как статистическая величина, представляли собой сборочные производства, финальные стадии длительного производственного цикла, приближенного территориально к местам производственного или личного потребления, а также к границам государства, если соответствующие продукты предназначались для экспорта.

Одно это, сугубо политическое обстоятельство, то есть расчленение единого государства на 15 частей, превратило дееспособное национальное хозяйство Советской России, потенциал которого составлял до 80 процентов совокупного потенциала США, в искалеченный, деформированный, дезорганизованный организм.

Политические границы, перекроившие единый хозяйствующий комплекс, снизили оказавшийся в РФ потенциал не на величину, пропорциональную оставшимся основным фондам, а существенно больше. Ситуацию должны были усилить распавшиеся экономические связи, несуразные границы, валютные, таможенные и политические факторы. Хозяйственный потенциал РФ уже теперь на порядок слабее американского.

Но это лишь одна, так сказать объективная по отношению к производительным силам, сторона дела. И без того кризисное состояние усилилось после того, как за дело взялся либеральный политический режим, пришедший к власти в “новой России”. Несколько стратегических решений, принятые им еще осенью 1991 года, в состоянии окончательно похоронить будущее русского производственного потенциала.

Денационализация собственности, практика свободного ценообразования и отказ от монополии государства на внешнюю торговлю должны были обескровить и без того ослабленный, в сущности многократно ампутированный производственный комплекс, который к таким экономическим правилам деятельности не был ни приспособлен, ни готов. Кроме того, национальное хозяйство было таким образом подставлено под внезапный удар враждебных и конкурирующих в экономическом и в политиче-

ском отношении сил стран “золотого миллиарда”, прежде всего из блока НАТО.

За пять лет существования в таких условиях, созданных самой властью, по отношению к 1990 году объем валового внутреннего продукта в РФ упал до уровня 60 процентов, объем промышленной продукции — до 48, производственных капитальных вложений — до 20. Стремительная замена плановых экономических условий на рыночные, а также открытие границ для иностранных товаров до такой степени трансформировали приоритеты, что более 30 процентов мощностей обрабатывающей промышленности, а следовательно и занятая в них рабочая сила оказались ненужными, излишними. Неизбежная инфляция, последовавшая за либерализацией цен, лишила не только отдельных граждан их накоплений. С этим можно было бы как-то смириться. Главный удар пришелся по производственным предприятиям.

Без оборотного капитала любое производство не более чем груда безжизненного, мертвого, неработающего металла. В условиях товарно-денежных отношений деньги — кровь производства. Их отсутствие означает полную утрату им самостоятельности и дееспособности. Промышленность, лишившаяся одновременно и средств существования и, благодаря ваучерной приватизации, собственника в лице государства, должна была оказаться во власти “денежных мешков”, международного космополитического и ростовщического капитала.

Открыв границы для его деятельности, режим предопределил, в чью пользу в конечном итоге будет осуществлен процесс перераспределения собственности. Российские банки, которые постоянно мелькают в московской прессе, демонстрируя свое величие, в действительности выполняют роль мелких маклеров международных финансовых корпораций, прибирающих к рукам наиболее выгодные предприятия.

Показательно, что до 90 процентов операций на фондовом рынке с ценными бумагами отечественных производств, совершается в пользу иностранцев. Контроль над собственностью переходит к ним. На очереди, без всякого сомнения, установление

иностранного контроля за главным для внешнего мира богатством РФ — ее недрами.

Страна, еще совсем недавно являвшаяся второй сверхдержавой планеты, на паритетных условиях взаимодействовавшая с другими великими державами и возглавлявшая так называемый “второй мир”, обрекла себя на медленное, но неотвратимое умирание, добровольно отказавшись от самого главного: экономических условий своего собственного воспроизводства, развития и обороны.

Традиции против олигархии

Отныне не борьба производительных классов внутри отдельных обществ ведущих государств мира выступает движущей силой исторического процесса, как это было в прошлом, а борьба наций против финансовой олигархии, борьба цивилизаций против глобализма, навязываемого олигархией в корыстных интересах для увековечивания её господства над миром, в угоду которому должны пасть все ныне существующие экономические уклады, включая как «социализм», так и «капитализм». Этот строй отличается от предыдущих тем, что в нем не овеществвленный труд господствует над живым трудом, и не живой труд подчиняет себе продукты прошлого труда; в нем, если олигархии удасться в конечном счете одержать победу над человечеством, порок и смерть будут с невероятной жестокостью торжествовать и глумиться над добродетелью и жизнью.

Какие бы формы ни принимает глобализм в повседневной практике, он всегда – ссылаясь на универсальный характер науки, конструирования, технологии, информации, телекоммуникации, мировой торговли и, в конечном итоге, хозяйственной практики - направлен против наций, национальных интересов и национальных государств, подменяя взаимодействие наций их отрицанием, интернационализм – антинационализмом, культуру – мультикультурализмом, государственность – денационализированным, безродным корпоративизмом.

Под предлогом рыхлости, неустойчивости и бессвязности национальных хозяйств апологеты глобализма наделяют его, вследствие создания «новых информационных технологий», способностью превратить эти хозяйства в целостную экономическую систему, в единый всемирный организм, разумеется, в интересах всего человечества. Но что такое это грядущее «мировое правительство» как ни исполнительный комитет интернационала олигархий, действующий по его поручению и в его интересах.

Умышленно преувеличивая значение этничности, чтобы низвергнуть все национальное, следовательно, и ведущие государства современного мира, глобализаторы, та же финансовая олигархия, ведет против них, если говорить без обиняков, войны на уничтожение. Вот почему, в целях самозащиты, против либерального глобализма, культивирующего на земле все мыслимые пороки, болезни и преступления, национализмы не могут не принять вызов, развернув против этой тотальной войны свою войну, в которой олигархия, бюрократия и космополитическая интеллигенция[19] должны найти себе могилу.

Главным противником олигархического господства, утверждающего в мире культ золотого тельца, олицетворяющего ветхозаветные символы идолопоклонства, беспощадную власть над человеком алчности, зависти и роскоши, выступают традиционные мировые религии, традиционные формы политической самоорганизации в виде общества, нации и государства, традици-

---

[19] Благодаря созвучию путают интеллектуальность и интеллигентность, явления принципиально различные. Если первое представляет собой творческое использование ума, разума, рассудка людей в целях национального, общественного, государственного развития, то второе – циничное применение тех же самых индивидуальных качеств для целей паразитирования, ниспровержения и нигилизма. Консервативная русская мысль свела счеты с русской интеллигенцией еще 100 лет тому назад, когда эта интеллигенция на деле доказала свою ненависть к России. В дальнейшем этот диагноз был подтвержден по крайней мере трижды, чтобы русские уже никогда не изменяли по отношению к интеллигенции своего негативного мнения.

онные формы идеального политического мировоззрения - демократия, национализм и патриотизм.

Спасительный шанс национальной революции

То обстоятельство, что политическая ориентация людей не зависит от их социального положения - становится самоочевидным. Уже никто, даже фанатики марксизма, не рискуют напрямую увязывать потенциальные возможности той или иной политической организации с ее классовой принадлежностью.

Если обратиться к результатам различных общенациональных выборов, окажется, что голоса избирателей распределяются вопреки пропорциям производственной структуры общества. Его деление на рабочих, крестьян и интеллигенцию, традиционное для всех статистических справочников, с 1989 года утратило какую-либо познавательную ценность. Для того, чтобы разобраться в том, каким образом формируются электоральные (избирательные) группировки, требуется не классовый, не партийный, не религиозный и даже не этнический критерий. Понять и на этом основании правильно прогнозировать политическое развитие РФ можно лишь при условии, если рассматривать современное "российское" общество под углом зрения доходности и имущественного положения его слоев.

Благодаря ваучерной приватизации и политическому расчленению страны общественное богатство, находившееся де-факто в неделимой собственности нации, оказалось отчужденным от большей части населения. При этом совсем не важно, что изъятие имущества у её владельцев носило неэквивалентный, безвозмездный, мошеннический характер. Никто никого не обманывал, так как почти каждый был рад… обманываться.

Массовое сознание, как бы это ни показалось странным, было готово на нечестную игру. Дело в том, что к тому времени в обществе была начисто изжита потребность в коммунистической организации собственности и возникла страстная жажда в ее частной, эгоистической форме. Против денационализации не возражали ни "партия коммунистов", ни "класс-гегемон". Большин-

ство испытывало потребность сыграть с государством в рулетку, вполне допуская любой, даже невыгодный результат, почему-то считая, что уж он-то никогда не будет среди неудачников.

В споре Парламента РСФСР с Президентом РСФСР, возникшем на рубеже 1991-1992 годов относительно метода приватизации, заведомо порочная идея ваучеров на предъявителя победила идею именного чека, разумная осторожность была повержена коммерческой лихорадкой, рыночное жульничество восторжествовало над честностью и правом. Даже на референдуме весной 1993 года, когда социально-экономические последствия так называемых экономических реформ приобрели зримый облик, азартных игроков среди избирателей оказалось существенно больше, чем благоразумных сторонников реформ, и “партия радикал-либералов” с Ельциным, Чубайсом и Гайдаром во главе торжествовала победу.

Таким образом, не только частная собственность была обречена сменить общенародную, но и становилось неизбежным, что в результате приватизации меньшинству достанется все, у большинства же не будет ничего. Поскольку такой оборот дела предполагал принципиальное отрицание законности, общество вынесло смертный приговор и демократической организации власти, олицетворением которой были образованные в 1990 году Советы, власти, для которой законность является предпосылкой и условием существования.

Равенство стартовых возможностей в новом экономическом механизме хозяйствования хотя и декларировалось, но исключалось в принципе. Общество должно было сразу приобрести чрезмерное неравенство в размере доходов и распасться на противоположные, враждебные по своим интересам группы, предопределив тем самым последовавшую за этим непрерывную череду экономических кризисов и государственных переворотов. В результате старое общество с уравнительной системой социально-экономических отношений, не предполагавшей возможность появления классового антагонизма, добровольно прекратило

свое существование, сменившись обществом буржуазно-капиталистического типа.

В РФ возникла новая социальная общественная структура, основу которой составляет заведомо полярный уровень доходов. К средине 1996 года, когда пришло время очередных президентских выборов, сложилась следующая картина. Примерно 7 процентов населения превратилось в пролетариат, лишенный всяких средств к существованию, очутившийся на социальном дне. Эта группа представляет собой класс абсолютной нищеты, по-русски - босяков. Слой общества, у которого динамика доходов существенно отстает от роста потребительских цен, и, следовательно, он находится в состоянии обнищания, достиг 68 процентов. У 24 процентов жителей материальное обеспечение растет быстрее, чем цены, и они могут быть отнесены к новому среднему классу. *И лишь 1 процент населения действительно обогатился в результате денационализации собственности, присваивая себе более 30 процентов всех доходов, составив тем самым новый высший класс, иначе говоря - класс "новых русских".*

Говорить о том, что 75 процентов было одурачено "бандой Ельцина", как это делают некоторые крайне «левые», не приходится. Три четверти населения страны, которые должны были оказаться проигравшими, добровольно приняло участие в заведомой махинации под названием "народная приватизация", отметая с порога все аргументы, которые изображали ее в истинном свете. Заявления политиков, расчеты экономистов, статьи и выступления публицистов, заранее предупреждавших о действительном характере последствий приватизации «по-Ельцину», были голосом, вопиющим в пустыне. Поэтому в стране нет ни обманщиков, ни обманутых. Каждый знал, на что он идет и чем рискует. Suum cuique - каждому досталось своё.

Трансформация социально-экономической структуры общественных отношений обуславливало и коренное изменение политической системы РФ. Всеобщие выборы парламента в 1995 и президента в 1996 годах отчетливо показали, насколько неосновательны были претензии «левой» и «правой» оппозиций на

власть, когда они пытались манипулировать воспоминаниями о прошлом, а не *воспоминаниями о будущем.* Выборы, в то же время, продемонстрировали эффективность новых лозунгов и технологических приемов мобилизации электората, если они опираются на новую социальную структуру населения, учитывая новую систему ценностей и интересов этих слоев.

К примеру, *высший слой общества*, класс "новых русских", составляющий только 1 процент населения, на выборах получил 10 процентов голосов избирателей. *Новому среднему классу*, составляющему в обществе 24 процента, удалось получить примерно 30 процентов голосов, что, впрочем, является слишком слабым утешением. Единственный, кому досталась роль аутсайдера, оказался *новый низший класс*, получивший лишь 30 процентов голосов, имея 68 процентов в составе электората. Большая часть русского общества, как следует из этих цифр, разоряется не только в экономическом, но и в политическом смысле слова, составляя своеобразный плебс, у которого нет сил изменить что-либо в своем положении.

Мы не раз писали о принципиальной несовместимости экономической стратегии, избранной вставшим на путь буржуазно-капиталистических отношений обществом, и политическими технологиями, которые привели к власти чиновников-коррупционеров, финансистов-ростовщиков, генералов-мародеров, предпринимателей-казнокрадов, политиков-предателей.

Органы власти, которые должны были бы всеми силами обеспечивать стратегические интересы России внутри и вне ее границ, действуют так, словно они представляют комитет по ликвидации России. Половина территории, населения и экономического потенциала уже не принадлежит стране, власть от них добровольно отказалась. Остатки России, названные Российской Федерацией, раздроблены на 89 квазигосударств со своими президентами, правительствами, парламентами и законами. Даже если сейчас большинство из региональных деятелей истинные альтруисты и готовы умереть за Россию, обстоятельство, в конце

концов, сделают из них сепаратистов, изменников и предателей. Жизнь заставит их стать если не Мазепами, то Курбскими.

Большая часть предприятий РФ либо не функционирует, либо работает в полсилы, разоряясь и попадая в финансовую кабалу иностранного капитала. Финансовая система полностью разложилась и кризисы 1998 и 2008 гг. были совершенно закономерны и предсказывались многими квалифицированными аналитиками. Вооруженные силы и службы общественной безопасности утратили бое- и дееспособность. Страна абсолютно беззащитна против любого внешнего врага, любого шантажа с позиции силы. Этот скорбный для каждого русского список можно продолжать и продолжать...

Во всяком случае, понятно, что власть, представляющая интересы лишь 1 процента населения (как при Ельцине, так и при Путине) и игнорирующая основополагающие интересы 99 процентов, может быть устойчивой только в одном случае: если эти 99 процентов не представляют действительной силы, если они разобщены и раздроблены.

Может возникнуть возражение: существующий режим имеет поддержку и в среднем классе, экономическое положение которого улучшается. Подобное возражение неосновательно. Экономическая стабильность руководителей предприятий, мелких предпринимателей, рабочей и интеллектуальной элиты, из которых состоит средний класс, ничем не гарантирована. Более того, настойчивое продолжение политики периода Ельцина, основную роль в котором выполняли гг. Черномырдин, Чубайс, Лужков, Кох, Лифшиц, Златкис, Ясин, Мелекьянц, Березовский, Батурин, Мостовой, Немцов, Касьянов, не оставляет русскому среднему классу никакой надежды. Для краха социального статуса средних слоев причин все больше, для воспроизводства данного слоя – все больше. Разорение любого предпринимателя, потеря высокооплачиваемой работы специалистом высшей категории - лишь вопрос времени. Поэтому в долгосрочном стратегическом отношении между средним и низшим классами русского общества

нет принципиальных политических противоречий. Их интересы совпадают.

Противоречия заключаются в объективном несоответствии *современной* ситуации в стране *архаичным* партийным структурам; в буржуазном характере нового общественного строя и коммунистической форме, в которую облачилась значительная часть оппозиции, лидеры которой утратили способность к диалектическому мышлению.

Разве не ясно, что развитие социально-экономических и общественно-политических процессов управляется объективными законами. Они не подчиняются произволу отдельных индивидов, а сопротивляются ему. Сила, которой обладают "новые русские" состоит в том, что они овладели одной стороной процесса - меркантилизмом, преступной страстью к стяжательству; их бессилие в том, что они не способны придать капитализации страны форму национальной революции.

Буржуазно-капиталистическая фаза развития имеет созидательное начало лишь в том случае, если она дополняется национальным составляющим. Латинская Америка в Новом Свете, Арабский мир в Средиземноморье и Австро-Венгрия в Европе - яркие примеры того, что может произойти, если в странах, вставших на путь капитализма, не осуществляется национальной революции. Все они распались, превратившись в периферию мировой истории, сателлитов великих держав.

Россия не исключение. Либо частное предпринимательство, основу которого составляет частный интерес и частный эгоизм, разнесут ее на тысячи мельчайших осколков, либо эти объективно существующие центробежные силы будут компенсированы центростремительной энергией воссоединения и централизации, которая обеспечивается национальной общностью, концентрируется русской нацией. Неразумно руководствоваться правилами партийного подполья столетней давности - "сначала надо размежеваться, чтобы затем объединиться". В судьбе государств действуют иные закономерности - после реального размежевания невозможно никакое объединение.

Что в состоянии сейчас воссоединить современную Россию? Это её национальное русское ядро, которое имеет 89 процентов в населении РФ и 72 процента в населении советской России (СССР). На новом историческом этапе развития России ее государствообразующему народу предстоит опять действовать в соответствии с принципом, который у Александра Васильевича Суворова, наполовину армянина, звучал так: *мы все русские.*

Выбора нет. Русским, которые должны политически консолидироваться, необходимо установить в своем собственном доме общерусский национальный порядок. В противном случае режим криминально-коммерческого космополитизма окончательно разрушит и разграбит страну и обратит все население в жалкое скопище нищих.

Если режим не в состоянии предотвратить национальную катастрофу, бремя спасения должна принять на себя сама нация. Поэтому Россия нуждается не в лицемерном общественном согласии, не в лишенном какого-либо смысла всепрощении, не в гармонизации интересов преступников и жертв преступления. Ее спасение в русской национальной революции, которая решительно очистит Авгиевы конюшни страны от всей нечисти, скопившейся в них, как это сделал когда-то легендарный Геракл.

Национализм в экономике

«Экономика — она и в Африке экономика», — такое утверждение стало почти расхожей истиной в сезон радикальных реформ. Примерно так же мыслят и экономисты, чье мировоззрение сложилось в период всеобщего марксистско-ленинского единомыслия. Бряцая научными степенями, новоявленные «фридмановцы» и «хайековцы» по-прежнему уверены, что в России экономика та же, что и в Африке, та же, что и в Америке. Почему Америка живет богато, Россия бедно, а Африка голодно, они объясняют очень просто — а вот пусть и в Африке, и в России живут так, как живут в Америке, по тем же законам! Но вот парадокс — чем больше всюду в мире стремятся жить по-американски, тем больше беднеют.

Если отвлечься от неумного желания представить экономические законы универсальными и представить себе, что способы экономического обогащения зачастую предполагают изготовление специальных грабительских технологий, можно без особого труда увидеть такого рода технологии.

Наиболее явно просматривается технология неэквивалентного обмена ведущих индустриальных стран со странами, не умеющими защитить себя. Подкупая верхи экономически слаборазвитых государств, США и К° заставляют их конкурировать в самых невыгодных условиях. Соответствующие экономические теории (примитивный монетаризм) внедряются через людей типа Гайдара или Чубайса. Результат мы видим — за несколько лет вывоз капитала из России составил несколько сот миллиардов долларов, вывоз сырья не поддается точной оценке (но успел демпингом «посадить» мировые цены), вывоз мозгов — просто беспрецедентен.

Законы конкуренции на мировом рынке в настоящее время сложились. Тем не менее, национальные стратегии экономического развития определяются архетипами производительной деятельности, историческим прошлым, наличным ресурсным потенциалом каждой отдельно взятой страны. А еще интеллектом и нравственным потенциалом каждой нации. В этом смысле необходимо говорить о национальной модели экономики и экономическом национализме, как о способе избежать невыгодного положения, уберечь национальную экономику от поражения в конкурентной борьбе.

Любое государство, желающее защитить себя от разграбления под видом внедрения экономической свободы, обречено на изоляционизм, фильтрующий неблагоприятные экономические отношения, проникающие из-за границы. Пусть хоть весь мир «уходит в отрыв»! Если достаток в собственной стране нам важнее богатства лидеров прогресса (и призрачной мечты занять место в лидирующей группе лишь на основании принятия их правил игры), мы должны оградить себя от невыгодных условий конкуренции. Мы должны опереться на экономический национа-

лизм, учитывающий реальные условия хозяйствования, социальную психологию населения России, опирающийся на те преимущества, которые предоставила в наше распоряжение (а не чье-то еще) судьба.

Прежде всего, надо сказать, что русский климат не годится для серьезного наращивания скотоводства. Бифштекс с кровью — не из русских национальных блюд. Зато пищей растительного происхождения Россия может накормить впятеро большее население. А коли будет нас 500 миллионов, так не страшны никакие «общечеловеческие» неурядицы — одними талантами прокормимся, да еще другим помогать будем.

Только позабыть надо о той экономике, что цветет южнее крымских берегов (а без Аляски все США южнее Ялты!). Позабыть о массовом производстве мяса, отходами которого кормят то же стадо, что идет на убой (от чего, говорят, оно болеет всякими генетическими безобразиями). Позабыть о самостийности сельского хозяйства, которое и при более благоприятных условиях живет на дотации, а без дотаций практически всюду вымирает.

Отказываясь от «общечеловеческих» экономических законов (а вместе с ними и от прогрессирующей нищеты), придется позабыть и о просторных квартирах, собираемых как в теплых странах буквально из картона. Нам живется теснее, зато мы должны строить на века. Те же хрущебные халупы, что через 50 лет грозят завалиться — попытка воспроизвести чуждой и чуждый опыт.

Мир идет к глобальным катастрофам. У нас же есть возможность не тащиться вместе с этим миром. Среди наших преимуществ — традиционные культурные ценности, православный аскетизм, стремление к справедливости. Эти преимущества серьезно подорваны большевизмом и либерализмом, но все еще ждут, чтобы их зачерпнули в государственную политику. Народное самосознание легко примет первенство духовного над материальным. Может «творческая интеллигенция» еще и пошумит, а остальные и так духом святым сыты с января 1992 года.

В обозримой перспективе России предстоит развиваться в условиях мобилизационного напряжения. Поэтому обязательным окажется приоритет такого экономического развития, которое обеспечивает воспитание внутренней дисциплины и утверждения трудовой морали. Либерализм на все это плюет, рассчитывая только на голый интерес. А вот с национализмом, востребующим русский национальный архетип, образ Микулы Селяниновича, у которого в заплечной сумочке «вся тяжесть земная», мы свои преимущества сможем прочувствовать в полной мере.

Если же говорить о конкурентоспособности русских товаров на мировых рынках, то практический коммунизм в экономике всегда вел к бюрократической ограниченности (если за «бугром» не купят, то нашим сгодится!), а практический либерализм поставил на мелких лавочников и пустил по миру даже те предприятия, что составляли нашу гордость. Пытаясь реализовать коммунистические утопии, мы утратили реальную связь с мировой экономикой (колониальные тряпки — если и связь, то порочная) и потеряли способность использовать народный творческий потенциал. Замена коммунистических утопий на утопии либеральные привела экономику России к краху — к потере половины внутреннего рынка и утрате большей части информационного пространства, формирующего русскую трудовую этику.

Экономический национализм даст другую перспективу. Стихия мелких лавочников и посредников будет обуздана мощными промышленными монополиями с преимущественно государственной формой собственности. Это будут наши транснациональные (точнее, предельно национальные!) корпорации, способные содержать научные центры и бороться за рынки сбыта.

С чем должен расправиться экономический национализм, так это с диктатурой коммерческого капитала, криминального во всех формах — от наглого обмана потребителя до измены Родине — и противостоящего не только русским традициям, но и целям модернизации русской экономики, всего русского общества.

Экономическая гражданская война всех против всех, импортированные с Запада финансовые инструменты грабежа, крими-

нальный способ разрешения экономических конфликтов — это все чужое и вредное, подлежащее не просто вытеснению, а искоренению.

В постиндустриальном обществе конкурентные преимущества мы получим, только культивируя высокотехнологичные промышленные производства, информационные и биотехнологии, высокопроизводительный промышленный и интеллектуальный труд. Сплав научно-технического прогресса и наших традиционных ценностей в сочетании с адекватной государственной политикой может дать нам выход из тупикового состояния, в котором мы находимся.

Агенты торгашеского и ростовщического космополитизма толкают Россию к экономической и политической пропасти, уводят ее от единственного и естественного пути выхода из экономического тупика — от промышленного прорыва, который может обеспечить стране конкурентоспособность, а гражданину — достаток.

Кто будет восстанавливать трудовую мораль и высокотехнологичные производства, кто будет отдавать многомиллиардные кредиты? По всей видимости, те, кто придет на смену политикам-коммерсантам и сможет защитить стратегические интересы России — русские националисты, сочетающие теологию с технократией.

Национализм против олигархии

На протяжении всей мировой истории деньги, попадая в руки ростовщиков, процентщиков или банкиров, стремились поставить людей и народы, земледельцев и промышленников, деятелей искусства и ученых в подчиненное положение, обрекая непокорных на разорение и банкротство. Способ предотвращения негативных явлений, проистекающих из отрицательных свойств денег – этой родины безродных – заключается в триединой ассоциации, обеспечивающей безопасность, благополучие и свободное развитие всех своих членов, чтобы каждый имел возможность развиваться – суть общество, нация и государство. Именно

эти традиционные, устойчивые, дееспособные институции, преодолевая эгоизм индивидов и анархию масс, образуют несокрушимую силу, являясь препятствием для установления повсеместного господства олигархии, и именно они мобилизуют силы, которые в состоянии покончить с её стремлением к мировому господству, с ее главным оружием и с ней самой.

Предпосылкой существования олигархии является ее непомерное по размерам и фиктивное по содержанию финансовое богатство. На чём держится это богатство? Ведь численность олигархии ничтожно мала по сравнению с теми, кого она угнетает и унижает. Дело, однако, заключается в том, что, являясь орудием мнимых ценностей, виртуальным финансовым отражением реальных экономических отношений, олигархия старается оставаться в тени, скрывая от общественных глаз даже свою кричащую роскошь, выставляя в качестве своего негласного представителя на политической арене бюрократию и интеллигенцию, высокооплачиваемую наемную клику, предназначенную заражать гниением и разложением все живое, функционирование которой, в свою очередь, обеспечивается многочисленными армиями наемников более низкого ранга. Бюрократия монополизирует управление людскими массами, интеллигенция – формирование их образа мыслей и настроения, чтобы обращать людей в безвольное нерассуждающее стадо в холодном царстве мамоны. Конечная задача первых – лишить нации материальных и организационных условий, обеспечивающих государственный суверенитет, задача вторых – общественная дезорганизация и индивидуальная деморализация. Только при этом condicio sine gua non олигархия чувствует себя в безопасности, так как созданная ею олигархическая система экономических отношений надежно защищена. Экономическую кабалу дополняет юридический произвол, формула которого: «мне все, остальным – что я возведу в норму закона», и безнравственность и бессовестность сознания – «разрешено все, что не запрещено».

Итак, если условием господства олигархии над человечеством является разложение и деградация традиционных политических

институтов, то условием существования человечества, напротив, является его самоорганизация, предполагающая функционирование политических институтов. В том случае, если самосознанием нации, ее мировоззрением станет национализм, следовательно, она будет исповедовать непреходящие святыни и идеалы, которые питали ее на протяжении веков, если самосознанием общества будет демократизм, и оно самостоятельно и ответственно будет формировать органы, обеспечивающие его самоуправление, чтобы защищать его повседневные интересы, если патриотизм, то есть любовь к отечеству, послужит краеугольным государственным принципом, и суверенитет и целостность государства не подвергнется сомнению, то власть космополитической интеллигенции над общественным сознанием и власть бюрократии над государством окажется невозможным, следовательно, они падут и вместе с их падением исчезнут условия, при наличии которых может возникать или существовать олигархия - вместе с ее способом обогащения, охраной, челядью, обслуживающим персоналом и прочими атрибутами безудержного всемирного паразитизма.

Человеческий мир несовершенен и поэтому было бы верхом наивности предполагать, что когда-либо ему – в виде наций и государств - удастся избавиться от противоречий, проистекающих из недостатков, присущих человеку, зато нации и государства в состоянии покончить с угрозами, которые несет с собой олигархический глобализм.

Нигилизм под видом национализма

Псевдонационализм

В последнее время столичные интеллектуалы все больше стали уделять внимание феномену русского национализма. На эту тему издаются научные труды, публицистические статьи, об этом говорят и думают. Не удивительно, что в этой обстановке находится немало желающих объявить себя отцами-основателями современного русского национализма.

Недобросовестная конкуренция в сфере идей чрезвычайно опасна, но тут, похоже, возникает и иное явление - попытка выдать подделку под национализм за истинный национализм.

Остановимся на идейных основах нового явления, сформулировав в тезисной форме наиболее симптоматичные утверждения псевдонационалистов. Каждый тезис мы снабдим своим комментарием.

1. Псевдонационалисты утверждают, что *русские люди надеются на появление государства этнических русских, на всей территории которого русские составляли бы однородное большинство.*

Если представить себе реализацию этой мечты, то аналогов в истории найти трудно, разве что «лоскутные одеяла», какими являлись средневековые Германия или Австрия.

Где, спросим наших теоретиков, тот масштаб, которым необходимо оперировать, перекраивая границы и выискивая те куски территории, которые окажутся действительно «однородно русскими»? Должен он составлять некие ныне существующие административные единицы, именуемые областями, краями и республиками, или же статистика должна опуститься до уровня села, станицы, хутора или городского околотка?

Известна, например, практика заселения городов этническими общинами (армянской, грузинской, еврейской и т.д.). Означает ли этот факт, что отдельные части русских городов, таких как Москва, Петроград, Ростов-на-Дону и т.д., где русские окажутся

в момент переписи в меньшинстве, должны быть исключены из состава «государства этнических русских»? Должны ли эти части русских городов с армянским, грузинским, еврейским или, допустим, немецким численным большинством автоматически включаться в состав Армении, Грузии, Израиля или Германии?

Какой момент времени надо избрать, чтобы документально зафиксировать факт однородности? И что следует предпринимать, если отдельные территории в дальнейшем будут приобретать иную этническую (народную) окраску? Допустим, в одном месте русское большинство окажется в силу тех или иных обстоятельств в меньшинстве, а в другом (чем черт не шутит) меньшинство превратиться в большинство?

Возникает еще одна проблема. Понимает ли это «большинство» предназначение русских в действительном развитии человечества, чтобы в здравом уме и твердой памяти «мечтать» о государстве этнических русских, в котором они будут всегда и везде составлять «однородное большинство»?

С какой стати этническая однородность оказалась единственным и главным критерием при «создании» государственной территории? Существует ли в действительности, а не в воображении новоявленных «истинных русских националистов» какая-либо великая держава, опирающаяся на принцип этнической однородности на каждом своем территориальном миллиметре?

И, наконец, неужели для русских недостаточно опыта реализации Версальской системы 1919 года, навязанной Европе правительством США, попытавшимся игнорировать все факторы национального развития, кроме этнических. Это спровоцировало через 20 лет следующую мировую войну. Одно только это должно вынудить к тому, чтобы раз и навсегда выбросить на историческую свалку все измышления об этнической однородности при определении государственных границ.

Стремление к этнической однородности представляет собой доктрину, насаждающую пораженческие настроения в русском народе, которому предлагают продолжить свое отступление, освобождая место для взбунтовавшихся этношовинистов и страте-

гов ползучей интервенции. Политика такого рода отступления - способ расширения «ближнего зарубежья», предательство по отношению к русским, несколько десятков миллионов которых псевдонационалисты хотят оставить вне нашего Отечества.

2. Псевдонационалисты упорно навязывают раскол в русском движении, объявляя, что в нем есть те, для кого *приоритетом номер один являются государство и территория, и те, для кого высшей ценностью является сама нация (то есть, собственно националисты).*

Нет более нелепого утверждения, чем утверждение о том, что нация может возникнуть как объективная реальность, не имея ни национального государства, ни национальной территории. Национализм, признающийся в любви к абстрактной, выдуманной нации, не имеющей ни собственных институтов самоорганизации (государства), ни собственного жизненного пространства (территории), не может называться национализмом. Поскольку идеология, абстрагирующаяся от признаков нации, не может рассматриваться в качестве национальной идеологии вообще, не может существовать и такого национализма, который противопоставляет себя патриотизму и государственности. А раз так, то нет и не может быть никакого раскола внутри действительного национализма, превратившегося в самое последнее время в отдельное, самостоятельное течение русской политической мысли. Национализм как содержание, не имеющее ни формы, ни внутренней организации, национализм, который в состоянии жертвовать и тем и другим во имя голой абстракции, в природе не существует.

Поскольку как нация, так и государство понимаются псевдонационалистами вне связи с историческими фазами их развития, они готовы признать «государством» любое современное образование, лишь бы оно имело перечисляемые ими три необходимых элемента: *территория, народонаселение и суверенитет*. Отсюда, видимо, и проистекает не столько политическое, сколько теоретическое оправдание изменений, которые произошли в

государственно-правовом положении России (СССР) на протяжении 1989-1992 годов. Государство для псевдонационалистов является помехой на историческом пути нации, а потому им и не жалко той государственности, над созданием которой трудились сотни поколений наших предков.

3. Псевдонационалисты утверждают, что *нация - есть фаза естественного развития народа, народ есть фаза развития народности, народность - племени и т.д.* Они приписывают патриотам-государственникам позицию, согласно которой *нация - всего лишь «гражданское общество», сброд, сплав, союз народов.*

По прихоти истории почти что все фазы развития разнообразных форм человеческой самоорганизации, когда либо доминировавших в те или иные исторические эпохи, продолжают свое земное существование, тем самым давая возможность любому непредвзятому исследователю предметно выяснить последовательную смену этногенеза. Род - племя - народ, таковы в общем виде эти фазы развития. Но было бы ошибкой не видеть за количественными преобразованиями качественных видоизменений, обусловленных не столько физиологическим или биологическим, словом природным, сколько культурно-производительным развитием. На известной ступени этого развития человеческое сообщество, уже организованное на протяжении довольно длительного периода в жизнеспособное государство, приобретает новое качество (не теряя при этом иных качеств, в том числе и этнических), которое в современном русском языке именуется нацией.

Нация не является «фазой развития народа». Она представляет собой принципиально новое качество в истории развития человечества как вида, широко распространившееся сравнительно недавно - лет 200-300 тому назад. Благодаря общей неравномерности в развитии отдельных народов и обусловленных этим количественно-качественным различиям, в том числе и разницы в их численности, процесс формирования наций не только не за-

кончен, но находится теперь в наиболее активной стадии. Именно этим можно объяснить многочисленные случаи реакционного противостояния мелких этносов (народов, народностей) процессам утверждения национальных видов самоорганизации (баски в Испании, корсиканцы во Франции, ирландцы в Великобритании, чеченцы, эсты, казахи, бессарабцы в России, сикхи, бенгальцы в Индии, тибетцы в Китае, хорваты в Сербии и т.п.). В связи с этим нет никакого тождества между нацией и населением той или иной страны, как и между нацией и гражданским обществом.

4. Псевдонационалисты утверждают, что *борьба наций конструирует новые государства, и только нация способна создать государство.*

Утверждение о том, что нация возникает раньше государства невежественно. Достаточно познакомиться с общеизвестными историческими работами, которые в один голос утверждают прямо противоположное. Государство возникло хронологически не только раньше наций, оно явилось одним из основных факторов возникновения, развития и становления самих наций. Не нация создает государство, а государство и общество создают нацию. Именно поэтому количество действительно состоявшихся, действительно дееспособных наций, существующих в мире в настоящее время, примерно равно количеству действительно самостоятельных, по-настоящему суверенных государств.

5. Псевдонационалисты в отношении отечественной истории полагают, что *в 1992 году единое союзное государство распалось на множество территорий, на которых появились свои суверенные власти, созданные населением новых суверенных государств, что эти государства образовались именно по национальному признаку. С этой же точки зрения Россия в границах СССР для них миф.*

Можно не признавать фиктивного характера государственности «союзных республик» и представлять дело таким образом, что карикатурно-опереточные структуры, искусственно создан-

ные и принудительно сохранявшиеся на протяжении 1922-1989 годов, в действительности являлись «государствами». Можно, далее, считать Российское государство после 1922 года не Российским государством, а Советским Союзом, образованным 15 «союзными республиками». Можно пойти еще дальше. И одну из этих «союзных республик» - РСФСР - считать настоящей «федерацией», которую образовали 89 «субъектов», заключивших, как известно из стенографических отчетов, «Федеративный договор» в марте 1992 года. Власть, в свою очередь, может появляться, словно плесень, на этой густой поросли человеческого безрассудства. В театре политического абсурда возможно все, что угодно автору и постановщику.

Но реальная жизнь отнюдь не театр, и люди, действующие на ее подмостках, вовсе не актеры, играющие заранее изготовленные роли. Политические декорации и театральные марионетки обладают способностью оживать, если реальные персонажи истории перестают действовать, во всяком случае, прекращают бороться за свои интересы или перестают защищать присущие себе духовно-нравственные ценности.

Когда в результате революции 1917 года власть в России действительно распалась на множество режимов, каждый из которых обладал и населением, и территорией, и суверенитетом, можно было бы, подобно теперешней группировке «самых националистических националистов», встать в позу патологоанатома и констатировать: государство распалось, появились суверенные власти, образовались государства по национальному признаку. Слава Богу, ничего подобного не произошло. В России была проявлена политическая воля, носителями которой оказались, помимо и даже вопреки своим первоначальным лозунгам и программам, «большевики», которые смели все эти опереточные декорации и восстановили суверенитет государственной власти практически на всей территории страны.

Для псевдонационалистов России в естественных геополитических границах, создававшихся на протяжении последних шести веков, не существует. Их Россия - это постоянно сжимающая-

ся шагреневая кожа, которая должна сокращаться в своем пространственном выражении пропорционально русской этнической депопуляции.

Вопрос, каких жертв потребуют псевдонационалисты от русских, когда им, восстановив свой демографический потенциал, придется возвращать себе исконные территории?

6. Псевдонационалисты полагают, что *полиэтничность наций заключается в том, что народы, их образующие, формируются на основе слияния в единый этнос множества народностей и/или племен. Уже сформировавшиеся народы, часто состоящие из нескольких субэтнических групп, путем своей политической самоорганизации становятся нациями, состоящими уже из одного, единого народа. Только нации, сложившиеся таким образом, имеют историческое будущее.*

Подтекст данного утверждения состоит в том, чтобы теоретически опровергнуть возможность восстановления общерусского политического единства, то есть неделимого суверенитета на всех исторических территориях Российского Государства, чтобы еще раз подчеркнуть принципиальную невозможность совместного существования и развития в едином национальном организме русских (великороссов, белорусов и украинцев) и этнических меньшинств (казахов, армян, туркмен, литовцев, татар...), которые в той или иной совокупности уже создавали такую государственность и такую общность на протяжении от 1000 до 100 лет.

За приведенной формулой скрывается политическое стремление обособить великорусский народ в некую замкнутую общность, состоящую, по их собственным утверждением, из носителей «деревенского типа культуры», какими являются народности, и племен - самых неразвитых этнических коллективов. Примитивность - вот будущий удел русских, загнанных теоретиками псевдонационализма в резервацию, именуемую ими «национально-демократическим государством».

7. Псевдонационалисты предрекают, *что все «многонародные», «политические» нации раздирались, раздираются и будут раздираться противоречиями - национально-расовыми (США), национально-языковыми (Канада), национально-религиозными (Индия), просто национальными (СССР).*

Если не рассматривать противоречия в качестве непременного атрибута развития человечества, то возникает странная картина. Стоит человечеству избавиться от любых, какие только мыслятся, противоречий, и полноценное будущее будет обеспечено, но если избежать противоречий не удается, должен неизбежно наступить крах: должны погибнуть государства, разложиться нации, исчезнуть общественные институты.

Этот страусиный взгляд на мир проистекает от неспособности противопоставить существующему ныне многофакторному кризису Российской государственности адекватный ответ.

Свое собственное бессилие псевдонационалисты распространяют на все элементы общественного организма, свой страх они готовы представить в качестве всеобщего страха, свою капитуляцию они готовы изображать как пример невероятной дальновидности и мудрости, присущих, разумеется, лишь им одним.

Поэтому странам, которые активно противостоят реакционным попыткам несостоявшихся наций разрушить сложившуюся государственность и национальное единство, они отказывают в «историческом будущем», пророча это «будущее» одним только народностям и племенам с примитивным уровнем развития.

8. Псевдонационалисты заявляют, что *русский народ уже вполне созрел для того, чтобы окончательно оформиться в полнокровную и самодостаточную Русскую Нацию и создать свое национально-демократическое государство, ибо сегодня он не имеет своего государства*

Получается, что нет ни русской нации, ни русского государства. Тогда остается одно. Подобно Моисею, спасшему евреев, извлечь русских из ненавистного «египетского плена», каковым представляется государственность СССР и даже РФ, и повести

через Синай в землю обетованную, там, где русские, наконец-то, приобретут численное большинство на каждой улице и в каждой деревне.

Псевдонационалистам не хватает сущей безделицы - русские, в отличие от библейских евреев, не догадались накануне столь славного похода разорить государство пребывания, присвоив себе его золотой запас. Они дали этот золотой запас промотать.

Новые пророки готовы даровать русским государство, которого у них, якобы, нет, чтобы и у этих нецивилизованных ничтожеств, наконец-то, появилось «свое национально-демократическое государство». Вот только в отличие от библейского избранного народа, чтящего традиции, наши потенциальные вожди с необыкновенной легкостью отрекаются от по крайней мере 1100-летней русской государственной традиции. Она им мешает совершать чудеса.

Подобно Хлестакову, написавшему все свои «произведения» - плод его горячечного воображения - за один день, псевдонационалисты готовы создать "государство Русской Нации" тоже в один день. Впрочем, вряд ли справедливо вспоминать добродушный, в сущности безвредный образ Ивана Александровича. Есть в русской литературе более подходящие персонажи - гоголевский автор "записок сумасшедшего", снедаемый нуждой и завистью, или шумные столичные фрондеры во главе с Чацким, Репетиловым и Удушьевым из «Горя от ума».

Незрелые и немногочисленные, но шумные «истинные русские националисты» созрели для участия в шабашах на «Лысой горе» псевдорусской идеологии. Их с распростертыми объятиями встретит вся многочисленная рать идеологов и глоссаторов этношовинизма и сепаратизма, а также их крикливая столичная клака - от Новодворской, Боннер и Старовойтовой до Явлинского включительно.

Недобросовестное цитирование

В одном из выпусков «Национальной газеты», появившемся в апреле 1997 года, был опубликован "Проект конституции Рос-

сийской Федерации", авторство которого принадлежало целиком и полностью г-ну Севастьянову. Уже первое знакомство с обширным текстом позволило увидеть в нём множество принципиальных недостатков, которые делали бессмысленной публичную критику относительного представленного проекта. Автор же и его немногочисленные поклонники изображали её не иначе как новым словом в конституционализме, заявляя, что развернут специальную дискуссию в "Национальной газете". Пришлось тогда же подготовить небольшую по объёму статью, предложив её для публикации, если бы такое обсуждение состоялось. Но так как, к счастью, дискуссии не было, материал остался в архиве "Национальной газеты". Проект, как и многие разработки подобного рода, прошли практически незамеченными. В связи с тем, что г-н Севастьянов решил на неё сослаться, сделав это по своему обыкновению некорректно, приведём текст, называвшейся "Национальная Конституция и будущее России", полностью:

"Страсти по конституции, бушевавшие в некоторых столичных стаканах с водой между 1990 и 1993 годами, породили на территории РФ документ, который с любой точки зрения нельзя без брезгливости употребить даже в отхожем месте. Если г-же Боннер и всем ее почитателям был противен Основной Закон 1977 года, который эта профессиональная вдова сравнила с рулоном туалетной бумаги, то Конституция 1993 года не заслуживает даже этой, более чем неприятной характеристики.

Этот акт породил не юридический фундамент, на котором можно построить прочное здание русской государственности, а "черт знает что такое". Какую бы сферу национальной русской жизни, предусмотренную в ее тексте, мы не взяли, всюду обнаруживается пакость, двусмысленность, ухищрения и недомолвки. Если следовать ее требованиям, то рано или поздно от России останутся одни воспоминания, дымящиеся развалины.

Процесс разрушения институтов власти, хозяйствования, культуры и науки, финансов и безопасности, самого народонаселения приобретет необратимые, тотальные формы. Если эта Конституция будет существовать и дальше, то уже следующему поколе-

нию русских людей придется знакомится с Россией лишь по справочникам и видеокассетам. Реальная Россия прекратит свое существование.

Поэтому с принятием Конституции 1993 года вопрос выработки приемлемого для России Основного государственного закона не только не ушел в область истории, он обострился как никогда. Здесь не стоит играть в прятки и использовать эвфемизмы, как это делает, к примеру, так называемая парламентская оппозиция. Конституция 1993 года непригодна для позитивного многолетнего применения, тем более для исправления, поскольку авторы клепали ее как документ одноразового применения.

Сложилась парадоксальная ситуация. Чтобы на деле укрепить основы русской государственности, надо не сохранять или корректировать, а упразднять существующую Конституцию. В связи с этим можно только приветствовать инициативу "Национальной газеты", опубликовавшей проект нового Основного закона России.

Каким бы ни был предложенный текст, он является хорошим поводом для того, чтобы вызвать в среде национально ориентированных кругов русской интеллигенции, предпринимательства, науки и управления дискуссию по проблемам стратегического развития страны. А если она состоится на серьезном, квалифицированным уровне, то можно будет яснее понять, какую Россию видит в перспективе русская национальная элита, тот слой общества, который и должен руководить страной, шестой частью суши.

А поняв это, станет очевидным и то, какого рода государственную машину должна иметь страна, чтобы добиться необходимого. Конституция - это в первую очередь проект властных институтов, которые должны реализовать "русский проект" для XXI века.

Какими же качествами они должны обладать. Надо покончить прежде всего с обанкротившейся доктриной о "разделении властей". Власть в России должна быть единой конструкцией, а не грудой дорогостоящих, зачастую не приносящих пользы, но

большей частью вредных деталей. Но если удастся не только сконструировать, но и изготовить единую конструкцию, станет не менее важным, чтобы она работала на Россию, а не на себя.

Не может быть парламента в виде шутовского представительства, безвредного приложения к обнаглевшей, продажной бюрократии. Русский парламент, представляя различные слои русского общества, должен быть всесилен. Тогда у нас будут и политики.

Стране необходимо избавиться от непредсказуемого, не зависимого от русского общества, всевластного института президентства, которым фактически владеет не нация, а ворыноваторы, они же собственники телевидения, превратившие СМИ в вид духовного наркотика.

Правительство должно стать исполнительным комитетом парламента и опираться на его твердое большинство. Тогда между парламентом и министерством не будет никаких трений. Динамизм и смелость решений - вот что должно быть взято на вооружение каждым членом кабинета. Тогда у нас будут администраторы, а не административное ворье, не медведи на воеводстве.

Восстановление местного, земского самоуправления как первичного звена государственности, образующего общинную организационную систему воспитания в каждом жителе страны гражданина. Тогда наше общество будет обществом граждан, а не "челноков".

Наконец, в России должны быть как можно быстрее сданы в архив для грызущей критике мышей "ленинская национальная политика" и все, порожденные ею, опереточные президенты, туземные парламентами, безграмотные законы, сотня кабинетов министров-трутней, сжирающих огромные средства, а главное - упразднены "национальные бантустаны", сепаратисты в законе, рвущие Россию на мелкие клочья.

Строить Государство Российское, воссоединяя принадлежащие ей по праву земли, возрождать хозяйственную мощь, обеспечивать достаток каждой полноценной русской семье и на этой основе сделать скачок в численности населения, крепить общена-

циональное единство коренных народов страны, воссоздавать вооруженные силы, интеллектуальную мощь, очистить русские земли от накопившейся в них грязи, восстановить дружбу с естественными союзниками, а это треть мира. Не так уж мало дел, чёрт побери. И начать надо с новой, национальной Конституции для России".

Слова, выделенные жирным шрифтом, появились в декабрьском спецвыпуске (№8) "Националки" (с некоторых пор именно такую кличку использует г-н редактор в отношении своего издания) в качестве подтверждения того, что Пыхтин, якобы, ранее "практически дублировал в своём отзыве основные идеи Проекта Конституции", (хотя, на самом деле, в тексте содержатся прямые возражения им), а теперь из-за "неискренности и недостоверности" пытается их опровергнуть.

Здесь нет необходимости вдаваться в юридические тонкости Проекта конституции, ибо её версия откровенно несостоятельна и вредна. Сейчас нас интересует используемый г-ном конституционалистом метод цитирования. Сравнение двух текстов - статьи и цитаты из неё - показывают, что г-н Севастьянов извратил смысл первоисточника до неузнаваемости.

В статье не говорится ничего положительного о "предложенном тексте", в цитате именно "предложенному тексту" придаётся решающее значение. В нём, якобы, содержатся "все ответы на вопросы", поставленные Пыхтиным, с которыми последний "знаком детально".

В статье говорится о "национальной Конституции для России", с разработки которой и надо начинать, следовательно - по мнению Пыхтина, она ещё не разработана, из цитаты следует, что работа г-на Севастьянова и является как раз "национальным проектом русской конституции", с которым Пыхтин согласился в своём "письменном отзыве".

В статье проект г-на Севастьянова лишь упомянут в качестве "повода" для возможной "дискуссии по проблемам стратегического развития страны", при этом сделана важная оговорка: "каким бы ни был предложенный текст". В цитате и словах, воз-

двигнутых вокруг неё, статья именуется “письменным отзывам” на “данный Проект”.

Если разбирать текст “от редакции”, написанный в действительности самим г-ном Севастьяновым, можно уличить его в недобросовестности и предвзятости чуть ли не в каждой строке. Особенно забавно и нелепо звучит упрёк Пыхтину в том, что якобы он в вестнике “Континент-Россия” опубликовал некую статью не под собственной фамилией, а “анонимно, прикрывшись вывеской “Аналитического центра КРО”. При этом сам г-н Севастьянов не находит ничего предосудительного в том, чтобы публиковать своё суждение не под собственной фамилией, а прикрываясь вывеской “От редакции”, которая состоит, насколько известно, из одного человека и этим человеком является всё тот же г-н Севастьянов.

Бедный Ницше

Сама по себе статья г-на Иванова, как было уже сказано, интереса не представляет. Невразумительный текст, злобный тон, печатное хулиганство. Словом - Неуважай-Корыто. Но, если отбросить журналистское раздражение и оставить суть произнесённого, обнаруживаются интересные подробности.

Вот г-н Иванов подвергает критическому анализу название статьи: “русский псевдонационализм”. Название ему не нравится. Отчего? Оттого, что наличие “псевдонационализма” предполагает его противоположность - настоящий национализм. Чем неугоден критику настоящий национализм? Предположением, что он “запатентован автором статьи”. Сделав такой смелый вывод, г-н Иванов, призывает в союзники самого Ницше, “предупреждавшего”, что “когда раздаются слова “аз есмь истина”, это означает, что жрец лжет”.

Силлогизмы, применяемые г-ном Ивановым, беспомощны. Представим, что в каком-нибудь художественном журнале появляется материал с названием “русское псевдоискусство”. Через несколько месяцев в другом художественном издании появляется свой г-н Иванов с отповедью жрецам-лжецам. Что раззадори-

ло Иванова 2-го? То, что название "псевдоискусство" предполагает "истинное искусство", без сомнения запатентованное заведомо лживыми авторами. А это, в свою очередь, подтверждает проницательный Ницше, чью фразу можно применять в качестве универсального доказательства, как при простуде - детский "панадол".

Но почему читатель должен подозревать во всех авторах, что-либо утверждающих, одно лишь коварство, а в Ницше - праведника, изрекающего одни лишь истины? А не будет ли и Ницше, если в его произведениях обнаружится какая-нибудь критическая статья с подозрительным названием, отнесён ещё одним критиком - Ивановым 3-м, к жрецам-лжецам, подлежащим критической гиене.

Увы, Ницше придётся ниспровергнуть. Он, бедолага, написал-таки "Весёлую науку", дав тем самым понять, что есть "грустная наука". Его перу принадлежит "Злая мудрость", значит, этот лжец предполагал, что существует и "добрая мудрость". Наконец, в его активе "Антихрист", означающий, что должен быть и Христос. Остаётся только пояснить, что слова, повторённые г-ном Ивановым 1-м, произнесены Ницше по отношению к Иисусу, учение которого он люто ненавидел. Недаром подзаголовок "Антихриста" - "проклятие христианству". Поздравим г-на Иванова. Жрец, которому он поклоняется - сама искренность.

Вот уже более полутора веков, после того, как был написан гоголевский "Ревизор", образ унтер-офицерской вдовы, ухитрившейся высечь саму себя, считается горячечном бредом ошалевшего, ничего не соображающего от страха городничего. Г-н Иванов ухитрился опровергнуть это предположение. Если очень хочется, высечь самого себя не составит труда. Он пишет:

"Чтобы легче было разбить тезисы "псевдонационалистов" (их-то, как полагает г-н Иванов, он и защищает), шулера-"аналитики" представляют их тезисы в заведомо искаженном, окарикатуренном виде".

И далее, не подозревая комичность происходящего, он приводит цитаты из статьи "Русский псевдонационализм", которые яв-

ляются дословными выдержками из пространной двухполосной статьи, появившейся в “спецвыпуске” № 4, принадлежащей, что само собой разумеется, его соратнику - “политологу Сидорову”, alter ego г-на Севастьянова. Для г-на Иванова заявления “политолога” - карикатура, заведомое искажение, то, чего не может быть никогда. Следовательно, г-н Иванов бросился в воду, не зная броду. Или его бросили? Как бы там ни было, он ниспровергает “лжецов”, которыми, как оказывается, являются гг. Севастьянов и его верный политолог-оруженосец. Г-н Иванов страстно спорит, горячится, клеймит, словом - опровергает. Но кого? Аналитический центр, опубликовавший своё мнение об идейной несостоятельности “псевдонационалистов”, возомнивших себя идеологами? Да нет же! Г-н Иванов, цитируя других своих единомышленников, спорит с искажениями, принадлежащими гг. Севастьянову и его верному Санчо. Он с удовольствием колошматит своих. Бог в помощь, трудолюбивый воин.

Что у трезвого на уме...

Однако не все пассажи г-на Иванова напоминают пресловутый “спор славян между собою”. В воинственном азарте он бросается некоторыми фразами, мимо которых не стоит проходить молча. Они являются красноречивыми свидетельствами, что собой представляет “псевдонационализм” с интеллектуальной, исторической и политической точек зрения.

В отличие от настоящих русских националистов, не признававших и не признающих отождествление России с Российской Федерацией, для псевдонационалистов, от имени которых выступает г-н Иванов, именно последнее уродливое порождение Беловежского сговора является “нашей страной”. Именно в её границах они начинают заниматься этнической статистикой, радуясь, что здесь “русские составляют сегодня свыше 80% населения”, значит - “она по всем (?) международным (?) стандартам (?) попадает в разряд мононациональных государств”.

В отличие от русских националистов, считающих сам термин “многонациональное государство” признаком научного невеже-

ства, поскольку в современном мире, достигшим высокого уровня развития, *многонациональных* государств в принципе не может существовать, а фактически существуют *многонародные* государства, для псевдонационалистов “многонациональность России” является кошмаром, от которого они не в силах избавиться. Поэтому единственным средством достижения своего бредового идеала они выбрали “мононациональность”, во имя достижения которого готовы пожертвовать какими угодно землями и морями. Абсурдность никогда не существовавших “международных стандартах” столь очевидна, тем более стремление им соответствовать, что о них нечего и говорить. Это клиника, лечению не поддающаяся.

В отличие от русских националистов, отстаивающих принцип территориального единства всех без исключения русских территорий, то есть пространств, над которыми когда-либо поднимался её государственный флаг, и не признающих деление населения страны на “титульное” и “нетитульное”, отстаивающих принцип национальной однородности, псевдонационалисты грезят размежеванием и апартеидом, “этнической однородностью”, которая и “должна быть главным критерием при определении государственных границ”. Ими движет стремление “отделить русские территории от нерусских”. При этом “единицами подсчёта” для доморощенных землемеров “являются субъекты Российской Федерации”.

В отличие от русских националистов, не противопоставляющих нацию и государство, считающих современное государство формой самоорганизации нации, для которых утрата государственности принципиально неприемлема, для псевдонационалистов характерно жертвовать государством во имя абстрактных интересов нации.

В отличие от русских националистов, которые в своих теоретических доктринах и политических программах исходят их мирового опыта ведущих, наиболее развитых, великих держав и наций, к которым принадлежат, помимо русских, по крайней мере немцы, китайцы, британцы, французы, японцы, индийцы,

псевдонационалисты оперируют историческими аномалиями, этническими тупиками, агитируя следовать по стопам ирландцев, евреев и курдов, договаривающихся до того, что защита суверенной русской территории - это “фетишизация территориальной целостности” и даже, подумать только, “предательство русских, оставшихся за границами РФ”.

Наконец, в отличие от русских националистов, политическая программа которых сводится к воссоединению, заселению и освоению России, у которой в действительности есть все необходимые предпосылки для уверенного превращения страны в супердержаву XXI века, псевдонационалисты исповедуют идеологию “объективного процесса, связанного с упадком сил народа и его вымиранием”, с тем, что “никакого восстановления демографического потенциала не будет”, что “более вероятен вариант дальнейшего распада Российской Федерации”, что “силы народа подорваны и их не восстановить”, что “сегодня проявлять политическую волю”, чтобы противостоять этим “объективным процессам” - “некому и нечего”. И всё это называется “интифадой” - скорее всего выморочной.

Сказанного г-ном Ивановым вполне достаточно, чтобы понять истинную роль тех, кто считает себя “новыми националистами”, а “политолог Сидоров” - “настоящими, последовательными, прагматически мыслящими и цивилизованными националистами”, и причины, почему их идейки, нашедшие себе место на страницах “спецвыпусков” “Национальной газеты” охарактеризованы как “псевдонационализм”, “этноэгоцентризма”, “псевдорусский стиль в идеологии”, добавим и усилим - как наиболее опасная идеологическая диверсия в русском национальном движении.

Только бы не империя!

У нас что ни событие, более или менее известное из средств массовой информации, то веха, начало какой-нибудь очередной «новой эры». Пара Бог знает откуда взявшихся самолетов врезалась в нью-йоркские небоскребы, и все комментаторы заголоси-

ли: «новая эра!». Некий едва держащийся на воде танкер потерпел крушение возле берегов Испании, приведя в негодность изрядную по площади акваторию Атлантики и побережье испанской Галисии и французской Жиронды – опять истошные крики: «новая эра!». Бюрократия европейских государств, подчиняясь «законам Паркинсона», на протяжении полувека, поторапливаясь не спеша, создает систему надгосударственных институтов, пытающихся согласовывать различные и во многом противоречивые национальные интересы, и опять глубокомысленное: «новая эра!». Наконец, некая таинственно возникшая банда чеченцев с необыкновенной легкостью захватывает в Москве переполненный праздной, пресыщенной бездельем и скукой публикой «дом культуры», превращенный его владельцами, продюсерами, постановщиками и исполнителями в мерзкий вертеп пошлости и разврата, операция по нейтрализации которой сопровождается многочисленными жертвам среди заложников, и вновь слышится: «новая эра!».

В последнем случае глубокую мысль о новой эре высказало Агентство русской информации (АРИ), действующее с недавних пор в Интернете, и декларирующее, что оно является средством информации русского национализма. Один из ее ведущих авторов и руководителей пишет[20]:

> «События в «Норд-Осте» развеяли мыльный пузырь постбольшевистской России, страна вступила в новую, абсолютно новую эпоху. Ясно, что надо осмысливать архитектуру реального настоящего, а нам русским осознавать каким будет наше государство и будет ли оно вообще!»[21].

---

[20]Здесь и далее приводится текст из программной статьи В. Карабанова «Прощай империя! Здравствуй Русь! Потерявши голову, по волосам не плачут».

[21]При цитировании орфография и синтаксис приводятся согласно Правилам русского языка. Со знаками препинания у будущих властителей совершенно новой России пока что определенные трудности. И не мудрено:

Положим, осмысливать жизнь страны надо независимо от того, происходят в ней какие-то преступные эксцессы или нет. Причем гораздо труднее понять этот смысл именно тогда, когда для поверхностного наблюдателя не происходит ничего, во всяком случае ничего существенного. Другое дело «Норд-Ост». Здесь вроде бы все происходившее было доступно наблюдению. Все до боли обнажено. Например, тотальная продажность и абсолютная неэффективность всех правоохранительных служб, таких как ФСБ, МВД или МО. Речь идет не только о том, что пространство от кавказских предгорий до Москвы власть всерьез не контролирует. В данном случае чеченский отряд, конечно же, появился в столице не в результате изнурительного марш-броска. За исключением его вожаков, он формировался из местных, из тех чеченов, которые живут, словно сыр в масле, в центре России. Поэтому Москва, 10-миллионный мегаполис, в котором расквартирована примерно 500-тысячная армия солдат и милиционеров, по сути неохраняема. Как и вся остальная территория страны, если посмотреть правде в глаза. И любая банда, если ей прикажут, будет вести себя на ее каменных и железобетонных просторах вполне нагло, свободно и безнаказанно. Смерть для тех, кто захватил комплекс на Дубровке, не наказание, она часть плана, о котором знают лишь посвященные в него. По сути «Норд-Ост» еще раз доказал, что власть и безвластие, закон и произвол, бюрократия в «центре» и мятежники в горах Кавказа и на русских равнинах, все они объединились в одном чувстве: тем и другим на интересы России глубоко наплевать. Однако не эта практическая материя, раскрывшая еще одну сторону глубокого кризиса власти в России, занимает лучшие умы АРИ. Их беспокоит совсем другое.

как можно обращать внимание на расстановку запятых или дефисов, если голова забита государственными делами.

«Нужна ли нам русским Империя? Кому нужна Империя? … Кто-нибудь толком без истерик, без припадков, без дешёвого пафоса объяснит зачем русским - ободранному, обворованному народу нужна империя, обязательно Империя, всенепременнейше Империя».

Народ не того качества?

Уже сама патетическая лексика, здесь использованная, не оставляет сомнения в том, какой ответ имеется у АРИ. Он конечно отрицателен. Для чего русским империя? Она им не по силам. Она для них смертельно опасна. И причины, побуждающие такой вывод, вполне подходящи.

«…кто будет сражаться? Кто воевать и отстаивать будет?… 15 миллионов алкоголиков, 3 миллиона наркоманов, миллионов 25 просто пьяниц, миллионов 15-20 патологических бездельников и социальных иждивенцев, которые не хотят работать, трудятся от случая к случаю за бутылку. В семьях как правило один ребёнок, как правило его растит кормит и поит одна мать, отцы зачастую или пьяницы или сидят или просто бросили семью. Женщина сейчас в России почти единственный стабильный трудовой ресурс, потому, что им уже отступать некуда детей кормить надо, только на них держится ещё экономика. А ведь ещё надо рожать, вот и рожают одного, а потом растят, на второго нет времени, работать надо. Пенсионеров 35 миллионов, то есть на двух, трёх условно трудоспособных (мужчин, женщин трудоспособного возраста) один пенсионер. Условно, потому что к этим трудоспособным относятся и вышеупомянутые наркоманы, алкоголики и патологические бездельники».

Чтобы создать Российскую империю, русским в начале XVIII века хватило примерно 15 млн. жителей. Чтобы ее сохранить в XX, оказалось недостаточно и 300 миллионов. Хотелось бы напомнить статистикам АРИ, что начало Штатовской империи было положено в том же XVIII столетии не героическими аргонав-

тами, а сбродом европейских переселенцев, общая численность которых не превышала в совокупности 2,5 миллионов. Ныне население США приближается к тем же 300 миллионам. И никто не рискует внушать гражданам этой страны, что им не по «сеньке» такая «шапка». А ведь в США алкоголиков, бездельников, наркоманов, пенсионеров, всего того, что АРИ именует «человеческим мусором», ничуть не меньше, чем в России. Даже больше, и намного. Тем не менее пропаганда ценностей американского империализма, как полагают идеологи АРИ, вполне уместна, а точно такая же пропаганда русского империализма, исходящая от «русских патриотов» (с некоторых пор они их иначе как «патриётами» и не называют), должна вызывать одну лишь «грусть»? Какова же ее причина? Все дело в демографии. Не тот, видите ли, человеческий материал достался «нам» после «совка».

> «Это болото, продукт кропотливой селекции и воспитания «советского человека», того у которого вытравили национальное самосознание, уважение к труду, уважение к разуму, вытравили веру в Бога, вытравили душу, любовь, справедливость. Ломали через колено, гнобили, убивали самых лучших, самых честных, самых достойных».

Понимает ли автор этих строк, что говорит? Так как же было на самом деле: убивали и ломали или, наоборот, кропотливо воспитывали? Нескончаемая мизантропная селекция или подобие «Варфоломеевской ночи», растянутой на семь десятков лет? Либо одно, либо другое. Такое впечатление, словно автор, причисляя себя к русским националистам, решился в который раз воспроизвести собрание исторических анекдотов самых отпетых либеральных агитаторов, путем искажения событий русской революции XX века разлагавших на деньги США национальное сознание русских в период «перестройки».

> «Лучших крестьян на Руси в 30-е годы назвали кулаками и уничтожили. Выдвинули комбеды, комитеты бедноты то есть –

> это означало, что деревенская гопота, пьянь и бездельники получили власть». «С тем же рвением и в городах были уничтожены самые активные и энергичные люди. В высшие учебные заведения закрывался доступ талантливым (русским в особенности) юношам и девушкам, зелёный свет был для лиц с хорошей «пролетарской» биографией, из «бедноты», а уж детям кулаков, интеллигенции, ремесленников дорога была заказана. По такому же принципу формировалась и управленческая прослойка».

За счет каких кадров после столь титанического истребления могла в России осуществиться индустриальная революция, создавшая 40 тысяч промышленных предприятий? Откуда взялись талантливейшие кадры для формирования нескольких тысяч научных и конструкторских коллективов? Из каких неведомых морских вод или непроходимых болот появились многомиллионные армии с сотнями тысяч мужественных, талантливых, профессиональных офицеров и сотнями выдающихся генералов, победивших в Великой Отечественной? И кто приводил в движение страну сначала со 125, а к концу века с 250 миллионами граждан, ставшую именно в XX веке супердержавой, как не огромная, но необходимая армия чиновников, действовавшая вполне целеустремленно и более чем решительно? Ответов у АРИ на эти вопросы нет. Вместе с тем безосновательность столь мрачных выводов из истории России т.н. «советского периода» настолько очевидна, что автору ничего не остается, как сделать оговорку.

> «Конечно и среди пролетариев были способные люди, однако огромный пласт русских людей, у других народов составляющий цвет нации, был угнетён и частично уничтожен. Создавался стереотип, что де главным носителем нравственности и духовности и главное активности являлись бомжи и социальное дно».

Кого относят в АРИ к «пролетариям»? Тех, у кого нет собственности, как считали античные римляне? Или тех, у кого нет и не может быть Отечества, как полагали марксисты-ленинцы? Или у мыслителей АРИ собственное, оригинальное, никому пока что не известное определение? Мы этого не знаем. Хотя можно предположить, изучая текст, что в нем речь идет об отбросах общества, «мусоре». Но с каких пор крестьянин и рабочий в России считаются «мусором»? Что же касается босяков и социального дна, где были якобы сосредоточены духовность и нравственность, то в период коммунистической власти ничего подобного не наблюдалось, разве что в почитаемой за классику пьесе М. Горького «На дне», написанной в 1902 году. Но автор АРИ неумолим в стремлении доказать, во что бы то ни стало, свою, скажем прямо, совершенно вздорную философию русской истории. Он заявляет:

> «До сих пор подобный подход доминирует в национально патриотической среде, сбивая с толку настоящие креативные русские слои. Этот краткий экскурс в недавнюю историю я сделал совсем не для того, чтобы обличать в очередной раз советскую власть, нет, но для того, чтобы читатель понял, что мы имеем сейчас. Ведь эта гопота и пьянь, облагодетельствованная Советами, никуда не делась, наоборот, в благоприятных условиях именно их потомки стали составлять большинство населения. То, к чему стремилась большевистская селекция, сейчас нашло своё полное выражение в нынешнем человеческом составе граждан России, и особенно, как ни печально, среди русских, потому что в отношении русских подавление самостоятельности, активности проводилось особенно жестоко и тщательно».

Русскому сознанию вот уже не одно десятилетие навязывают по крайней мере два мифа. Один относится к периоду «третьего рейха» в Германии, второй – к периоду «коммунистического строительства» в России. Главной заботой национал-социалистического правительства, согласно первому, было

«окончательное решение еврейского вопроса». И все остальное, включая реформы промышленности, ликвидацию безработицы, милитаризацию жизни страны, в конце концов войну, в которой рейху суждено было погибнуть, служило не более чем средствами для его достижения. Что же касается коммунистического правительства в России, как гласит миф № 2, то не было для него важнее задачи, чем селекция коренного населения, настойчивое превращение жителей страны в «гопоту и пьянь».

Что тот и другой мифы – продукты клеветнической пропаганды, которой занимаются профессиональные «антифашисты» и «антикоммунисты», ничего иного не умеющие, – это очевидно для любого непредвзятого, объективного исследователя. Ныне к ним присоединился, как мы видим, еще один отряд бойцов «идеологического фронта» - рьяные русофобы, иной раз драпирующие себя в виртуальные одежды «русских националистов». О том, насколько оба мифа – сущий вздор, говорят не голословные выдумки публицистов, не великое множество однообразные трактатов и статей, которые переполняют не один десяток лет все либеральные издания, а факты, которые, как известно, «упрямая вещь».

Оставим, однако, в стороне Германию, которая не является предметом настоящей полемики, и займемся нашей страной - Россией. Посмотрим на исторический путь, проделанный ею между 1921 и 1991 годами. Он представляет собой непрерывную цепь выдающихся достижений в промышленности, земледелии, науке, искусстве и, разумеется, военном деле. Нисколько не преувеличивая их значения, стоит все-таки отметить, что их совокупность позволила превратить российское государство в державу мирового масштаба, выступавшую на равных в жестоком противостоянии в течение 40 лет с другой державой, ей враждебной – США. Если бы человеческий материал, из которого состояло население Советской России, действительно находилось в том плачевной дегенеративном состоянии, о котором заявляет АРИ, то, спросим себя, какие ресурсы могла противопоставить она пресловутым «западным демократиям», чтобы столь долго про-

тивостоят им в Холодной войне? Или потенциал сверхдержавы, который позволял России активно присутствовать на всех континентах и во всей видах интеллектуально-производственной деятельности, прежде всего в космосе, все эти годы создавался гопотой и рванью?

Могут возразить: русские достижения - это прошлое. Ныне же все, что было когда-то мощью и гордостью России, превращено в прах. И остались лишь «15 миллионов алкоголиков, 3 миллиона наркоманов, 25 миллионов пьяниц. И нечем возразить на социальную статистику, цифры которой: 15-20 миллионах патологических бездельников и социальных иждивенцев». Иначе говоря: из примерно 145 миллионов около 60 миллионов опустились до уровня отбросов общества, став его балластом, чернью. Предположим, статистика в данном случае не лжет. И что же?

Во-первых, превращение более чем 40 процентов населения в пролетариев (т.е. лиц, лишенных какой-либо собственности) произошло не до, а после «ельцинских реформ». И поскольку целью этих реформ было создание таких «эффективных собственников», какими стали члены «семьи» Ельцина, Березовский, Мамут, Абрамович или Фридман, то ее оборотной стороной не могли не стать эти выброшенные из достойной жизни 60 миллионов. Иного и быть не могло. Когда общество в России, разочаровавшись в реальном коммунизме, решило создать полюс баснословного богатства, принадлежащего единицам, то ресурсом для него мог служить лишь полюс беспросветной нищеты, к которому должны были принадлежать миллионы. Во-вторых, в иных социально-экономических условиях то, что ныне является балластом общества, через сравнительно непродолжительный период времени неизбежно превращается в его стратегический резерв. И подобно тому, как до «перестройки», когда еще власть исполняла свои непосредственные задачи, слои, склонные к паразитизму, были принуждены к общественно-полезной деятельности, при решительном изменении ситуации нынешним «отбросам общества» не останется ничего иного, как повторить судьбу своих предшественников. Они окажутся его «засадным

полком», его резервом. И в-третьих, с какой стати сыновья и дочери людей, оказавшихся на нижних ступенях общества, раз уж такие ступени есть в наличии, обречены вечно там оставаться? Или идеология АРИ обречена быть шлюхой? Автора АРИ это нисколько не интересует. Упомянув о социальной селекции, он переходит к селекции иного рода – этнической, делая из ее результатов политические выводы:

> «То, к чему стремилась большевистская селекция, сейчас нашло своё полное выражение в нынешнем человеческом составе граждан России, и особенно, как ни печально, среди русских, потому что в отношении русских подавление самостоятельности, активности проводилось особенно жестоко и тщательно. Вот отсюда и социальный материал, который мы имеем, голосующий за бутылку, за грошовую прибавку к пенсии, за обещания, за право бездельничать. Голосующий за тех, кто у нас есть ныне у власти, во всех долах и весях необъятной России. Всё происходит почти всегда одинаково - самый «перспективный» кандидат обещает, обещает, обещает – в какой-то момент у толпы создаётся впечатление, что вот он придёт в Думу, законодательное собрание, станет мэром, губернатором и опять произойдёт торжественная раздача халявы. У этих «избирателей» видимо срабатывает рефлекс, сладкая память дележа чужого добра, описанная Шолоховым, засевшее в генной памяти наследство от родителей. Какой национальности эти люди, вроде как бы русские, но это не актив, а скорее гигантский людской пассив».

О том, что сердцевиной идеологии марксизма-ленинизма, которой всегда, за исключением нескольких лет Великой Отечественной, руководствовалась «коммунистическая власть» в Советской России, была ярая русофобия, в этом не может быть никакого сомнения. Достаточно познакомиться с работами ее «классиков», с выступлениями и публицистикой 20-30-х годов, когда лидеры, ораторы, перья РСДРП-РКП-ВКП(б) не считали

нужным скрывать свои мысли на этот счет. Тогда они позволяли себе то, чего не допускали в дальнейшем: они были откровенны. Государственное устройство, система формирования институтов власти, подбор и расстановка хозяйственных и идеологических кадров, финансово-экономическая политика, размещение производительных сил, образование и пропаганда, словом все более или менее серьезные стороны жизни, как духовной, так и повседневной, они подчинили задаче подавления политического, экономического и культурного развития русского народа, превращения его в свою противоположность – в «советский народ». Опровергать подобную практику, существовавшую все годы господства компартии, – значит игнорировать очевидное, но и утверждать такое – не более чем тривиальность.

Итак, отсутствие или существенное ослабление русскости в русской среде, с чем не приходится спорить, это не результат какой-то специальной этнической селекции, оставлявшей в живых лишь тех русских, которые соглашались жить на «социальном дне». Специально уничтожать лучшие слои именно русского народа, о чем до «перестройки» не уставала говорить русскоязычная пропаганда всех зарубежных «голосов» и что теперь повторяет АРИ, никому не приходила в голову[22]. Фактическая денационализация русских как народа – результат не их геноцида, а официальной русофобии, сознательно и последовательно вытравлявшей все русское из их повседневной жизни, в которой не было места даже историческому названию страны. Русофобия же осуществлялось она на протяжении по крайней мере трех поко-

[22]Общепринятое определение геноцида содержится в уголовном праве, признающим таковым действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийств, причинения тяжкого вреда, насильственного воспрепятствования деторождению, насильственного переселения либо создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение такой группы (см. ст. 357 УК РФ). Властям Советской России невозможно предъявить обвинение в подобном преступлении при всём желании. Они «уничтожали» русских, но не методом геноцида.

лений. Когда народ забывает самого себя, это происходит не потому, что его физически истребляли, а потому, что из его памяти стирали знание собственной истории.

Не тот электорат

Имеет ли дискриминация *русских* какое-то отношение к их нынешнему поведению на выборах? Русские, как пишет АРИ, слепо доверяют «обещаниям» кандидатов, «голосуя за бутылку, за грошовую прибавку к пенсии, за право бездельничать».

> «Всё происходит почти всегда одинаково - самый «перспективный» кандидат обещает, обещает, обещает – в какой-то момент у толпы создаётся впечатление, что вот он придёт в Думу, законодательное собрание, станет мэром, губернатором и опять произойдёт торжественная раздача халявы. У этих «избирателей» видимо срабатывает рефлекс, сладкая память дележа чужого добра, описанная Шолоховым (в «Поднятой целине»), засевшее в генной памяти наследство от родителей. Какой национальности эти люди, вроде как бы русские, но это не актив, а скорее гигантский людской пассив».

Как, по-видимому, знает читатель, скептически воспринимающий статистику, последние годы явка избирателей к урнам для голосования составляет существенно меньше четверти списочного состава. И если бы не «игра в демократию», которой вынуждена заниматься центральная власть, заставляющая подтверждать представительный характер выборов, то этот показатель был бы близок к нулю. Стало быть, 70 процентам избирателей не только известна цена «обещаний». У них нет никаких иллюзий относительно того, что собой представляют сложившаяся система выборов, превращенных в карикатуру на гражданское волеизъявление. Да и оставшиеся 30 процентов отнюдь не попадают в группу, описанную АРИ. Значительная часть голосует «за», потому что при любых обстоятельствах отдает предпочтение тем, кто принадлежит к властным институтам. Есть и такие, кого «пе-

рестройка» и «реформы» вывели из грязи в князи. Почему бы им ни быть «за»? А разве нет «идейной» части электората, предпочитающего Немцовых, Явлинских и Шаймиевых, потому что она является их искренними единомышленниками что бы ни делали эти политики. Такой электорат будет ковыряться в мусорных бачках, восхищаясь при этом красотой Хакамады, доверяя интеллекту Гайдара, веря честности Чубайса, надеясь на хозяйственность Лужкова. Наконец, немало голосующих за СПС, «Яблоко», «Единую Россию» из чувства солидарности к «своим». Последних, если верить статистике, набирается до 10 процентов.

Каков ныне уровень представительности законодательной власти? Иначе говоря: какое количество голосов надо получить, чтобы пройти в депутаты? Выборы в Московскую городскую думу, этот маяк «демократии», который служит чуть ли не эталоном, дает менее 10 процентов, Государственная дума – чуть больше 15. Цифры, как известно, упрямая вещь, а они опровергают утверждения АРИ, состоящие из одних только заклинаний и эмоций.

Другое дело, что русский избиратель отрицает существующий политический режим в пассивной форме. Не считая для себя возможным голосовать за пустопорожние обещания, за никчемные партии и кандидатов-обманщиков, он не поддерживает и тех, кто им противостоит. Спрашивается, а есть ли такие оппоненты, за которых не стыдно отдать свой голос? Существуют на политическом поле боя, где решается вопрос о власти, такие организации и общественные деятели, которые обладают необходимыми для этого качествами, прежде всего массовой известностью и авторитетом? Результаты общероссийских голосований последнего десятилетия доказывают, что пока что таких партий и таких политикой пока что нет.

Дело, таким образом, не в генной порочности русского избирателя, что так огорчает АРИ. Наоборот. Избиратель оказывается гораздо честнее тех, кто пытается «купить» его легкомысленными обещаниями или грошовыми подачками. Обещания и подачки приводят к обратным результатам. От 60 до 80 процен-

тов тех, кто вправе голосовать, отказываются участвовать в фарсе, считая выборы откровенным издевательстве над здравым смыслом.

Теперь о «сладкой памяти дележа чужого добра». Ссылка на «Поднятую целину» должна означать, что «рефлекс халявы» якобы возник в подсознание нации из-за «коллективизации». Подобное утверждение смехотворно. Главный фактор сельскохозяйственной деятельности – земля, вообще не была ее предметом, поскольку революция 1917 года превратила землю в общегосударственную собственность. Крестьяне в России не были земельными собственниками, они лишь пользовались землей. С вещной стороны коллективизация, которую коммунистическая власть реализовала в земледелии в конце 20-х – начале 30-х годов, являлась не бесплатным переделом имущества частных хозяйств, а его безвозмездной реквизицией. Скот и хозяйственный инвентарь, принадлежащие крестьянским семьям, отнюдь не перераспределялись между последними, они обращались в коллективную собственность. «Чужое добро», таким образом, становясь имуществом колхозов. На частные дома, подсобные хозяйства и семейное и личное имущество коллективизация вообще не распространялось. Коллективные формы хозяйствования превращали земледелие в разновидность индустрии, сделали труд крестьян юридической обязанностью. Спрашивается, о какой «халяве», о каком «безделье» вообще может идти речь?

Доказательства недоказуемого

Понятно, для чего АРИ клевещет на русских, изображая их несостоятельным народом и никчемными работниками? Чтобы доказать, что государство российское в виде Империя русским не по силам.

«С этим социальным материалом не империи удерживать, тем более создавать и завоёвывать. Империи это когда есть народ, нация, обеспечивающая над кем-то превосходство, а этот наш балласт ещё надо заставить работать. Тех, кого уже не заста-

вить, сделать так, чтобы они не мешали другим становиться русскими. Откуда, как вы думаете, в испытывающей огромный недостаток кадров стране, черпается такое невероятное количество милиционеров, гаишников, пожарников, таможенников, чиновников, в общем всяких проверяющих и разрешающих ? Понятно, что ни один приличный человек не пойдёт мародёрствовать в эти органы. Редчайшие исключения подтверждают правило. А там именно люди с психологией мародёров, ведь не прожить взрослому мужику с семьёй на их зарплату, это в общем-то ясно. Там мародёры, нацеленные на то, чтобы обобрать, украсть. Во время войн если вычислялись мародёры, их уничтожали на месте все воюющие стороны, ибо это ни при каких обстоятельствах не пригодный материал для ведения боевых действий, а лишь только разлагающий фактор для всех. Эти люди, кстати, тоже потомки и продукты социалистической селекции, развращённые микроскопической, но властью, которую им советская система давала над людьми. Вот поэтому и стремилась и стремиться туда всякая дрянь, и нет у этой швали ничего святого, только рефлекс урвать. Не с этой ли вонючей человекообразной жижей воевать и укреплять собрались, господа ура-патриоты? Только вот не надо в качестве аргументов приводить тезисы, мол-де заставим. Из-под палки не то что их, а и нормальных людей воевать не заставите».

Вот и договорилось АРИ до Геркулесовых столпов негодяйства, вскрыв собственное нутро. Для этого «русского» агентства, русского не на деле, а лишь по названию, русские не что иное как «вонючая человекообразная жижа», «дрянь» и «шваль». Но не здесь место полемизировать с клеветой или опровергать оскорбления. Не в них сейчас дело.

Дело не в откровенной грубости подобных заявлений, а в том, что они скрывают, какие утверждения пытаются выдать за само собой разумеющиеся истины. Империю, оказывается, надо создавать и завоевывать, а нацию надо заставлять работать. То и другое утверждение абсурдно. Империи не *создают* ни по при-

казу начальства, ни по произволу выдающихся личностей, ни по воле нации; они *создаются,* становясь закономерным результатом развития, соединяющим естественную и политическую историю. Такими империями являются античный Рим, средневековая Византия, Россия начиная с XVIII столетия, Китай с незапамятных времен. Когда же империи пытаются создавать, получается карикатура, фарс, оперетта. Таковы империя Александра Македонского, арабский халифат, фашистская империя Муссолини, третий рейх Гитлера, центральноафриканская империя Бокассы. Как бы ни были различны они в деталях, им, по сути, присуще одно свойство – они были искусственны, а потому нежизнеспособны.

К тому же одним и тем же термином «империя», не делая никаких оговорок, обозначают государственные образования принципиально различной природы. Одни империи создаются в результате колонизации, другие – в результате колонизаторства, для первых нет никакой разницы между ее частями, другие делятся на метрополии и колонии. К первой группе относится Китай, Россия, Индия после 1947 года, США до 1898, ко второй - Британская, Французская, Германская, Португальская, Испанская, Османская Австрийская империи, ныне уже не существующие, США с 1898 года, когда, после войны с Испанией, ими были захвачены, в качестве колоний, Филиппины и Куба. Чтобы существовать и развиваться, в колонизационных империях доминируют центростремительные силы, прежде всего энергия религии, экономики и культуры, и лишь затем - армии. В колонизаторских империях, наоборот, господствуют силы центробежные, и поэтому ее единство обеспечивает армия, когда как культура, экономика и религия, как правило, разделяют территорию империи на враждующие части, стремящиеся к обособлению.

Разумеется, любое политическое образование должно быть в состоянии себя защищать, обладая, в том числе, способностью воевать за свои идеалы и интересы, за очаги и алтари. Война столь же естественна, как и мир. То и другое неизбежно, как сон или пробуждение вулканов, как штиль или шторм в океане. Но

способность воевать не приходит сама по себе. Чтобы гражданин стал воином, его необходимо воспитывать и обучать, а чтобы государство обладало дееспособной армией, у нации, которое им владеет, и господствующего класса, который им управляет, должны быть умение и желание ее создавать; возможности же для этого всегда есть в наличии, являясь общей предпосылкой существования державы.

Стремясь придать понятию «империя» отрицательный смысл, автор АРИ отождествляет имперскую форму государства с продажностью и разложением его бюрократии. Какую бы функцию не выполнял чиновник, будь то полиция, пожарная охрана, таможня или армия, его деятельность неизбежно сводится к той или иной форме продажности, и «ни один приличный человек не пойдёт мародёрствовать в эти органы». Ведь власть развращает, к тому же очевидно, что «не прожить взрослому мужику с семьёй на их зарплату».

Какие же выводы следуют для русского читателя из этого потока глубоких мыслей? Стоит им отказаться от «империи», и чиновники ее мелких обломков, именуемых «независимыми государствами»[23], тут же станут символом честности, а в государственной казне, где обитают одни лишь голодные мыши, появятся горы звонкой монеты и вожделенной «зелени». Стоит на месте империи возникнуть множеству государств, подобных Бельгии, Люксембургу, Эстонии или Грузией, как вместо взяточников и изменников, торгующих своими полномочиями направо и налево, на всех государственных должностях появятся одни лишь Бруты, Кассии, Сципионы и Сперанские. Разве в состоянии Империя выплачивать своим таможенникам, полицейским, по-

[23]Очевидно, что именование России «независимым государством» является формой национально унижения, когда хотят подчеркнуть, что в действительности она им быть уже перестала. Когда беловежские марионетки объявляли о создании на месте Российского государства в 1991-92 годах некоего «содружества независимых государств», приравнивая РФ к Киргизии или Молдове, организаторы и подстрекатели этой преступной акции отчетливо знали, что они делают.

жарным и солдатам достойную зарплату? Нет, конечно. Это по силам лишь мелким государствам. В империях могут жить лишь мародеры, в «люксембургах» – одни ангелы небесные. Замечательно! Идеологи, подвизающиеся в «средстве информации русского национализма», произносят тексты, предназначенные для радикальных ультра-либералов, таких как Новодворская, Гайдар или С. Ковалев.

Идеи, которые нам выбирают

Ну ладно. Пусть с ней, с империей. Понятно, что на вопрос «кто виноват» ответ у АРИ один – она и виновата. Но что же тогда остается? И что посоветуете делать? АРИ дает такой ответ: «спасти нацию, пока окончательно не угас наш народ» и «понять, разобраться какая Россия нам нужна, какую Россию мы любим». Первая задача формулируется следующим образом:

> «Главная работа у нас одна, спасти нацию, спасти то, что ещё можно по крупицам наскрести в России, пока окончательно не угас наш народ. Вот это работа не на один десяток лет. Наверное должно сменится одно, два, а то и три поколения, прежде чем восстановится нормальный внутринациональный баланс. И это как раз та работа, которая вообще не имеет никакой альтернативы, ведь уже в Британской энциклопедии за 1997 год высказывается прогноз, что в России при нынешней тенденции к 2030 году останется около 60 миллионов человек. Попробуйте угадать сколько среди них будет русских? Конечно, можно сегодня последнюю энергию русских израсходовать на какую-нибудь войнушку в Чечне, причём скорее всего она закончится безуспешно, поддержать россиянских вождей, так сказать, в их имперских проявлениях, потешить свой патриотизм. Только это будет последнее, что мы сделаем перед тем как кануть в лету. Вот это наверное как раз нынешним управителям России и нужно. А дальше? Мы уже видим перспективы этого дальше, когда русские замещаются представителями других этносов на исконно русских территориях, причём они эти этносы занима-

ют ключевые позиции и знают, что дальше делать. Некоторые патриоты пугают нас вариантом Косова или Македонии. Не будет дорогие господа у нас в этом случае ни того ни другого. Там была Сербия, и власть в общем в Сербии в руках сербов, а в Македонии македонцев, и буза албанская развивалась на периферии. А вот у нас, нет пока у русских России и вот это самое главное. Нам некуда будет бежать. Это и будет конец, каюк значит, а не Косово».

Конечно, что можно возразить оппоненту, если в его арсенале такая тяжелая артиллерия, как Британская энциклопедия? Впрочем, и без лондонских мудрецов хорошо известно, что Россия вымирает со скоростью примерно миллион человек в год[24]. Не лучше положение и со здоровьем населения, прежде всего детского. Согласно данным Всероссийской детской диспансеризации, опубликованным в марте 2003 года, только 34% детского населения РФ являются практически здоровыми, детей с риском развития хронических патологий и функциональных нарушений 52%, с развитыми хроническими заболеваниями в РФ насчитывается 16%.

В АРИ очевидно перепутали причины со следствием. Когда, спрашивается, состоялся «вариант Косова и Македонии» в Югославии? Если следовать за АРИ, то сначала сербов изгнали из Косова и Македонии, а затем распалась югославская «импе-

[24]Численность населения РФ в 2002 году уменьшилась на 856,7 тыс. человек (на 0,6%) и к 1 января 2003 года по предварительной оценке (без учета итогов переписи населения 2002 года) составила 143,1 млн. человек. Согласно распространенным в феврале 2003 года данным Госкомстата, снижение численности населения по сравнению с 2001 годом несколько замедлилось. За 2001 год население страны сократилось на 871,0 тыс. человек (также 0,6%). В 2002 году в РФ родилось 1396,8 тыс. детей против 1311,6 тыс. детей в 2001 году. Умерло в 2002 году 2331,4 тыс. человек против 2254,9 тыс. в 2001 году. Естественная убыль населения (превышение смертности над рождаемостью) составила 934,6 тыс. человек против 943,3 тыс. в 2001 году.

рия». На почве фактов, однако, получается нечто противоположное. Сначала неделимое югославское государство, состоявшее из административных областей, было превращено правящей там компартией в федерацию этнических «республик», подобие СССР. Затем на протяжении 45 лет в Югославии осуществлялась специфическая национальная политика, делившая югославскую нацию на скопище враждующих между собой этносов, в которой сербы были самым унижаемым народом, политику, в течение 70 лет проводившуюся и КПСС, где роль сербов исполняли русские. Несмотря на то, что обе эти страны различны, результат оказывается одинаковым. Две империи - Югославия и СССР - политически распались. В обеих возникли вооруженные мятежи, в конце концов, обернувшиеся вооруженной борьбой и этническими чистками, основные потери в которых несут оба государствообразующих народа империй – сербы и русские.

Идеологи АРИ призывают «спасти нацию». Но что может спасти нацию? Для АРИ формула спасения звучит тривиально, до боли знакомо – «лишь бы не было войны». Она вытекает из «доказательства от противного». Никакой «войнушки в Чечне», никаких имперских проявлений, никакого патриотизма. «Это будет последнее, что мы сделаем перед тем, как кануть в лету». Другими словами, сдайтесь на Кавказе чеченским мятежникам, смиритесь с расчленением страны на множество фиктивных государственных образований, следовательно, на исчезновение русских как нации, откажитесь от признания России своим отечеством, и вы спасетесь. Вы обретете Россию, которой у вас пока что нет. Но что остановит вымирание русских, что оздоровит русских детей, какие меры в состоянии предотвратить проникновение на традиционно русскую территорию выходцев из других государств, об этом в рекомендациях АРИ нет ни слова. И в самом деле, пустяки такие-то!

А каков его ответ на второй? Он ничем не лучше первого и столь же «основателен»

«Самое главное, понять, разобраться какая Россия нам нужна, какую Россию мы любим, что есть главное, что нужно сохранить, что бы сохранилась Россия. Да, вот именно, что такое Россия для нас русских? Вопросы эти задавались часто но вразумительного ответа не припомню; единственное что приходит на память, это про то, как умом Россию не понять, поэтому, наверное, придётся попробовать дать этот ответ сейчас. От этого ответа и будет зависеть что делать. При всей кажущейся сложности постановки вопроса, ответ будет прост: под Россией мы, русские, понимаем нашу Родину, наш исторический дом, где мы хозяева, где живём мы, русские. Дом, такое понятие, где живут близкие тебе люди, где ты чувствуешь комфорт, для этого этот дом обороняют. Русские! Вы чувствуете комфорт в Россиянии? Вам не кажется, что власть нас подавляет. Кто-то скажет про границы РФ, что это и есть Россия. Тогда для примера, вы считаете Дагестан Россией или нет, а Ингушетию, а Кабарду, а Туву, не говоря уж о Чечне? Ответ очевиден. Причём очевиден он и для тех же тувинцев, ингушей и других. Там Россия, а здесь Кабарда, Чечня, Тува и т.д. Однако сегодня мы встали перед совершенно чёткой перспективой утраты ключевых ролей для русских именно на исконных землях, не говоря уж о всяких Ингушетиях. Этот процесс может продлиться ещё лет 10-15 и всё, финита».

Вся мудрость этой логики состоит в том, чтобы низвести горизонт русского мировоззрения к Московии времен Василия Темного, удельного княжества, зажатого между верховьями Волги и Окой с Севера на Юг, и Ламой и Клязьмой с Запада на Восток. Таковы пространства «исторического дома», с которым соглашается «русский национализм» АРИ.

Дом, - патетически провозглашает оно, - это такое понятие, где живут близкие тебе люди, где ты чувствуешь комфорт, для этого этот дом обороняют.

В 1941-44 годах, когда русским приходилось воевать с европейскими агрессорами на своей территории, они «обороняли»

свой дом в принципиально иных границах. Не без основания русские полагали, что на Западе они проходят не по Ламе, верхнему Днепру и Дону, а по Бугу, Тисе и нижнему Дунаю.

> «Под Россией мы, русские, понимаем нашу Родину, наш исторический дом, где мы хозяева, где живём мы, русские».

Когда АРИ произносит слово «русские», кого оно имеет в виду? Выше было произнесено слово «нация», но очевидно, что речь в данном случае идет о народе. Но народ и нация – понятия отнюдь не тождественные. Нация создается государством, народ – природой, нация – понятие политической истории, народ принадлежит естественной истории. Русские в качестве нации и русские в качестве народа – не одно и то же. К тому же большевики, истинные знатоки этнографии и языкознания, примерно с конца 20-х годов XX века предписали считать русскими совсем не тех, кого полагали русскими до 1917 года: лишь одних великороссов. Понятия «украинец» и «белорус», носившие в России территориальные признаки, подобно москвичу или помору, приобрели одно только этнополитическое значение.

О русских в каком смысле слова толкует АРИ? Во всяком случае объем этого понятия сужен им до предела. Речь не идет о нации, поскольку в него не включены инородные этносы, коренные для государства российского, такие как кабардинцы, дагестанцы или ингуши. Речь идет и не о всех русских, поскольку в это понятие заведомо не вписываются т.н. «украинцы» и «белорусы». Быть может речь идет о великороссах? Нет. Та часть великороссов, которые оказались за границами РФ, явно списана в этнические отходы, в «гигантский людской пассив».

Для русских как народа Россией является вся земля, где живет последний русский, и как народ, и как нация. Везде, где когда-либо был поднят государственный флаг России, там и есть Россия. Вот почему для русской нации не только Кабарда, Чечня и Тува, но также Прибалтика, Бессарабия, Закавказье, Туркестан и многие другие земли – настоящий русский дом, где не может

быть иных хозяев, кроме тех, кто принадлежит к русской нации. Конечно, эта позиция отличается от дегенеративной проповеди АРИ, для которой подобный взгляд на вещи – недопустимые «имперские проявления», чтобы «потешить свой патриотизм».

Идеологи АРИ считают, что лишь отказавшись от собственной истории последних семи веков и отступив в пределы «исторического дома», с которого начиналась Русская земля, русские имеют шанс спастись. Лишь возле Волоколамска, Москвы и Коломны им суждено «по крупицам наскрести» его остатки, «пока окончательно не угас наш народ». К чему ведет подобная логика – само собой понятна. Нетрудно увидеть, чем может завершиться для *русских и России* ее воплощение. Их неизбежным исчезновением.

Жить в государстве. Вот только каком?

Теперь, когда, как полагает главный идеолог АРИ, ему удалось теоретически покончить с такими нелепостями, как русская империя и русский патриотизм, он может представить обращенному в его веру читателю практическую теорию русского государства.

«Пора бы, наконец, осознать, что наше государство это не территория, а народ, нация, реализующая свою государственную волю. Если на какой-то территории нация живёт, а волю осуществляет кто-то другой, то это того, другого, государство и есть, что мы сейчас и имеем в нынешней Россиянии. Поэтому главное для нас, русских, власть, власть и только власть на своей земле, на своих территориях, создание своего, русского государства. И желательно расстаться с этими окраинами, дать им независимость. Потому что сам факт наличия этих национальных субъектов даёт, во-первых, выходцам оттуда с полным правом перебираться в Россию, расширяя свой ареал расселения, а во-вторых даёт основание нынешней верхушке в России оставаться у власти и продолжать геноцид русских. Для нас, русских, нынешняя власть в России, это система то-

тального подавления русского национального самосознания, истребления русского духа, которое в конечном счёте, при сохранении тенденции, приведёт к трансформации этнических русских в социальные низы. Этот процесс пока только в стадии оформления, хотя уже заметен результат, но через 10-15 лет он будет оформлен и окончательно закреплён. Иного результата нынешняя политическая конструкция, порождающая соответствующую идеологическую логику, дать русским не может».

Как мы видим еще раз, в версии АРИ нет никакой разницы между народом и нацией, как, впрочем, и между народом и государством. Однако это поистине удивительное государство. Его невозможно изобразить на карте, потому что у него нет территории. Но что получается, когда русское государство уподобляется русскому народу? Тогда оно приобретает виртуальный характер и становится таким же материальным фактом, каким является, к примеру, цыганское государство. Логика АРИ мало чем отличается от воспаленного воображения почтового чиновника Карандышева, героя драмы Островского «Бесприданница». Ему не составила труда застрелись любимую женщину, когда он убедился, что она отвергла его руку и сердце. Философы АРИ, подобно Карандышеву, готовы убить Россию, поскольку государственная власть, которая ныне ею управляет, «не оправдывает» их высокого доверия. Если воля нации не совпадает с волей тех, кто осуществляет в государстве этой нации политическую власть, то пусть будет плохо такому государству. «Так не доставайся ты никому», - шепчет Карандышев, целясь в предмет своей страсти. «Так не доставайся ты никому», - проповедует АРИ, целясь в Россию, - «потому что для нас главное – власть».

Ну что же, русским не впервой слышать подобные призывы. Нет ничего нового под солнцем. Кому принадлежит привилегия желательности расстаться с окраинами и дать им независимость? Как раз тем, кого АРИ только что уличало в том, что они «ломали через колено, гнобили, убивали самых лучших, самых честных, самых достойных». Крайности сошлись. Великие печальни-

ки русских, объединенные АРИ, как две капли воды похожи на тех, кого они так страстно обличают за зоологическую ненависть к русским.

«Наше государство русских» АРИ образца 2003 года – это «наше пролетарское государство» большевиков образца 1917 года, а то, что с таким жаром произносит ныне идеолог АРИ – не что иное, как сокращенная до объема статьи версия брошюры «Государство и революция», написанной Лениным в Розливе. Между ними нет никакой разницы. Для большевиков и АРИ главное не нация и государство, а власть. Они готовы разрушить государство, поскольку их не устраивает власть, которая им управляет. Те и другие готовы расстаться с его окраинами, предоставив им независимость. Только для Ленина с товарищами окраинами были Польша и Финляндия, а для АРИ – это Тува, Чечня и Кабарда. При этом совершенно неважно, что для одних светом в окне были «пролетарии», для благополучия которых можно было пожертвовать русскими, а для других - «русские», главными врагами которых объявлены инородцы и «социальные низы». Пролетарии и русские, воображаемые теоретиками, не имеют со своими реальными прототипами ничего общего. Главное в обеих теориях – радикальное отрицание и прошлого, и действительности, фанатизм, готовый для своего воплощения разрушить и испепелить все живое.

Само собой понятно, что мало кому может понравиться такая геростратовская логика, которая не оставляет от России камня на камне. И чтобы предупредить естественную критику, автор АРИ, предполагая, что единственными его оппонентами могут быть только «идеологи режима», заявляет:

> «…по аргументации идеологов режима, если мы живём в одном многонациональном, федеративном государстве, мы как бы все граждане и нации равны. А с учётом того, что режим обеспечивает подавление проявлений русского национального самосознания, якобы для обеспечения этого самого равноправия народов, всё на самом деле выглядит логично. Империя

повёрнута против нас, мы в этой империи завоёванный народ, это-то хоть ясно? Если ура-патриоты сейчас упрекнут меня в том, что-де, как придём к власти, всё поменяем – спешу сообщить, в этой политико-географической конструкции не придём. Не пустят! Ни кремлёвские сидельцы, ни эти самые федеративные народы. Вместе они сила. Дилемма проста: либо, если русские национальные готовы признать выход этих субъектов из России, тогда их народы не препятствуют нам и мы вместе сносим режим, либо мы никогда не приходим к власти и обречены, немного подождав, вообще остаться без Родины. Но и тогда Россияния всё равно развалиться, но уже без нас русских и без шансов для нас на национальную реконструкцию. Поэтому вопрос надо ставить просто – мы даём этим республикам независимость, мы русские националисты готовы признать за этими народами такое право, а они признают наше право вернуть себе власть в России и может даже помогают нам в этом».

Понимает ли АРИ, что равенство и равноправие – вещи столь же разные, как нация и народ, как государь император и милостивый государь? Судя по тому, что выходит из его компьютера, эта материя для него – темный лес. По крайней мере, говорить о равенстве или равноправии народов или наций могут лишь предельно невежественные субъекты, доктринеры.

Если дело идет о нациях, то поскольку они представлены государствами, отношения между ними регулирует межгосударственное право. Государства равноправны лишь постольку, поскольку это допускают соглашения, например, Устав ООН. Но так как нет ни одного государства, которое было подобно другому государству, их равенство исключено. Что же касается народов, то они представляют собой предмет статистики и этнографии, не являясь субъектом или субъектом права и, таким образом, ставить вопрос об их равенстве или равноправии вообще бессмысленно.

Вместе с тем надо признать, что нет ни одного государства, в котором бы граждане были равны между собой или равны перед законом и судом. Если копаться в этом предмете, разбирая законы, то окажется, что граждане не могут быть и равноправны. В каждом государстве либо в силу права, либо согласно обычаям граждане наделяются различными объемами прав и обязанностей. Мужчины и женщины, старики, взрослые и дети, здоровые и больные, богатые и бедные, все они в различных правоотношениях нисколько не равноправны.

Многонациональность и федеративность России, действительно, могут утверждать лишь «идеологи режима», которые молятся на текст либеральной Конституции РФ 1993 года, где это декларировано воистину с марсианским апломбом. К ним должны присоединиться и адепты марксизма-ленинизма, не перестающие бить поклоны ленинско-сталинской национальной политике, на чьих скрижалях тоже нет различия между нацией и народом, и во всех конституциях которой федерализация России проходила красной строкой. Но для русского национализма, главным принципом которого является верность традиции, то и другое утверждение – безоговорочная ересь. За все века государственной истории Россия никогда не была ни федерацией, если иметь в виду создание государства на базе нескольких прежде существовавших государств, ни многонациональным государством, если только не отождествлять нации и народы.

Даже появлению Россиянии мы обязаны обыкновенному мошенничеству руководителей Съезда народных депутатов РСФСР. Под предлогом ее переименования они в 1991 году протащили через Верховный Совет закон, в действительности изменявший природу этой части исторической России. Имело место не законотворчество, а государственная измена. В результате Российская Республика в составе СССР формально превратилась в Российскую Федерацию, вышедшую из СССР, а административные единицы, созданные для целей управления, приобрели статус учредителей нового государства, к чему они не имели никакого касательства, и о чем они даже не подозревали.

Но АРИ считает необходимым возвести канцелярскую аферу и подлое государственное преступление в ранг государственной добродетели. Кремлевские сидельцы, под которыми шатаются основы, поскольку их социальная база сужена до 3-5 процентов населения, и мелкая этническая пыль, состоящая из более чем ста этносов и народностей, которые в совокупности не превышают в населения Эрэфии 20 процентов, рассыпанных на 18 миллионах квадратных километрах, в их воспаленном воображении оказываются «силой», в то время как противостоящие им 80 процентов великороссов – воплощенное бессилие. Иначе говоря, 120 миллионов великороссов, предварительно «признав выход этих субъектов из России», должны в виде компенсации получить от чукчей, нивхов, пермяков и алтайцев, сотни народцев, ими же и объединенных, ярлык на свой этнический удел со статусом резервата. И когда «они признают наше право вернуть себе власть в России», да еще «и помогут нам в этом», только тогда у «русских», этих новоявленных могикан, «появится шанс на национальную реконструкцию». И эта бредятина выдается за «проявление русского национального самосознания»!

Но фантазия АРИ, которой бы позавидовал и старик Бжезинский с его «великой шахматной доской» и зоологической ненавистью к русским, на этом не останавливается. Она идет дальше, дальше, дальше.

> «Конечно этот развод будет со всеми этими народами по разному, кто-то останется, чья энергетика нам не опасна, какие-то границы при разводе мы пересмотрим, а кого-то отделим сами. Это процесс не механический, но связанный с желаниями и возможностями как этих народов, так и нас, русских. Всем, кто испытывает ностальгию по империи, надо выбирать, что дороже - мы, русский народ, или мифическая Империя, в которой мы являемся завоеванным народом. Важно понять: в новом мире географические границы и административные играют ой как мало роли, и будь мы поумнее, управление бывшими республиками будет даже более эффективно и, главное, в ин-

тересах России, чем когда они в составе Империи. Хотя всё это некоторым может быть и будет трудно вдолбить; ведь сказано же классиком про две беды России дураки и дороги, дураков в виде ура-патриотов много, тем не менее вдалбливать придётся. Иного не дано».

«Иного не дано». Знакомая лексика. Пятнадцать лет назад ее активно применяли необольшевики, эти ярые русофобы, состоящие из региональной и этнической номенклатуры, хозяйственной бюрократии и уголовников-рецидивистов, имеющих репутацию правозащитников, составившие заговор с целью разрушения территориальной и политической целостности исторической России, выступавшей в форме Советского Союза. Какие только не были использованы аргументы, чтобы внушить обществу, что «так жить нельзя». Главными из них были те же самые, что и используемые теперь АРИ. Раз Советский Союз империя, то он не заслуживают права на существование. Все империи исчезли с лица земли, проповедовала г-жа Старовойтова, ныне покойная, не замечая таких имперских слонов, какими являются в современном мире Китай, Индия и США.

СССР – многонациональная страна, а ведь каждая нация обладает неотчуждаемым правом на самоопределение вплоть до отделения. Значит, все нации, живущие в СССР, могут, то есть должны, отделиться. И чем раньше, тем лучше. Не надо пугаться распада этой «империи зла». Всем станет только лучше. И никуда «они», эти новые «независимые государства», не денутся, оставаясь в орбите влияния «новой России». Зато «россияне», избавившись от нахлебников, станут жить припеваючи, катаясь словно сыр в масле. Что же касается тех, кто противится будущему счастью, то это отбросы общества, красно-коричневые, патриоты, а патриотизм, как писал где-то Лев Толстой, это последнее прибежище негодяев».

Что делать? И кому?

«Наше государство русских», ныне пропагандируемое АРИ, это «наша демократическая Россия», которую имели в виду либеральные погромщики и их покровители и союзники в конце 80-х - начале 90-х, когда они плели доверчивому русскому обывателю, разочаровавшемуся в «реальном социализме», сказки о том, как хорошо им станет после того, как они обретут «общечеловеческие ценности» вместо «красно-коричневых».

Читателю нетрудно убедиться, насколько совпадают программные установки АРИ и агитационные произведения гг. Сахарова, Солженицына, Г.Х. Попова, Боннэр, А.Н. Яковлева, Гайдара, Чубайса, Ельцина и всех тех, кто с сатанинским удовольствием в 1985-1993 годах разрушал, кромсал и распинал Россию. При этом, как и предшествующее поколение, новоявленные разрушители и расчленители России готовы к титанической деятельности. Но если первая волна политической шпаны отличалась выдающейся демагогией и беспримерной щедростью за чужой счет, то у второй волны проявляются иные задатки. Они хотят учить и карать, наводить порядок и приводить к общему знаменателю.

> «У нас же здесь в России будет очень, очень много работы, чтобы выкарабкаться из той бездны, в которой мы оказались. Нам нужно будет лечит свой народ от алкоголизма, от иждивенчества, от инфантилизма, от ненависти к друг другу, наконец. Бесчисленное стадо бывших мародёров из бывших госорганов надо будет как-то научить работать, кого-то придётся изолировать от людей. Мы должны будем отучить людей ждать халявы, а это будет очень тяжело, как избавит их от наркотика. Вообще придётся всех научить уважать друг друга, любить и ценить. И всё это мы должны сделать не из-под палки, время то уж прошло, а в первую очередь примером, мудрой политикой и кропотливой каждодневной работой, и выкарабкиваться, выкарабкиваться, выкарабкиваться».

Обычно, когда городу и миру обещают «новой порядок», где каждому будет воздано по заслугам, где добродетель будет поощрена, а порок наказан, наивный обыватель видит все в розовых тонах. Ему, как всегда, не приходит в голову, что алкоголизм, иждивенчество, инфантилизм и ненависть друг к другу – это его родовые и неизлечимые болезни. Что он уже значится в списке мародеров, обворовавших полстраны, и вместе с тем халявщиков, которые не в состоянии даже толком мародерствовать. Обыватель, вдохновленный призывами к новой жизни, видит себя на боевом коне, во всяком случае, в роли мудрого учителя, который вразумляет других, как надо «уважать, любить и ценить». Ему не приходит в голову, что единственное, что ему уготовано в будущем, это роль ученика, до конца дней своих обреченного изучать новый «краткий курс». На этот раз в редакции идеологов Агентства русской информации.

Вот как выглядят «очертания первых шагов», во время которых, «после падения режима», «будет происходить организация новой русской власти».

> «Хоть это огромная тема, но контуры хочется обозначить. В первую очередь надо понять, что развал системы может произойти одномоментно. Россия такая страна, где качественные изменения накапливаются и потом реализуются обвалом. Катализатором обвала может быть всё что угодно, ещё один Бараев, дефолт или обнародование каких-то чудовищных фактов и злодеяний режима. Это ведомо только Господу. Но затем будет, видимо, несколько месяцев, в течение которых у власти будет пребывать или какая-то директория, или временное правительство - очень слабое неавторитетное и малолегитимное образование наподобие Временного правительства 1917 года, ведь нынешний режим устроен так, что политическое поле вокруг него выжжено и некому будет перехватить полноту власти и удержать существующую систему. Вот к этому периоду истинные русские патриоты должны быть готовы. Надо быть готовыми к созыву Учредительного Собрания, не допустить в

это собрание никого из врагов русского народа, и там заложить будущее устройство нашей Родины, нашу национальную конституцию. Там будет наше русское будущее и туда мы должны идти с ясным пониманием того, где мы находимся и что мы имеем. И очень важно не допустить туда всяческих горе ура-патриотов и других шизофреников. Эти люди на самом деле никак не переживают за судьбы своего народа, а только стремятся к собственному самоутверждению через пафос и безумные призывы. Истинные русские патриоты и националисты - это те, кто смотрит в глаза правде, а реалии этой правды оставляют очень мало оптимизма. И как назвать тот первый период русской национальной власти, не знаю, санация, а может реанимация. Важно понять, что самое главное - отбросить все фантомы и мифологемы царизма ли, большевизма ли, и строить новую, нашу страну исходя из интересов русских людей а не тщеславия правителей. Мы ещё найдём наши главные слова, но вера в Бога, любовь к ближнему и стремление к справедливости должны помочь нам вернуть на нашу землю».

Автор, писавший эти замечательные строки, скорее всего, полагал, что его настоящий вдохновитель и предшественник неизвестен современному читателю, интересующему текущей политикой и использующему Интернет, но уже не умеющему читать тексты, напечатанные на бумаге старым, дедовским способом. Тем не менее, этот могучий ум, этот деятель с профессией «публициста» и мировоззрением неизлечимого русофоба, этот демиург политического цинизма не забыт. Его звали Владимир Ильин Ульянов, который в историю вошел под общеизвестным псевдонимом Н. Ленин.

Само собой разумеется, не стоит преувеличивать значение «Агентства русской информации», тем более уподоблять его влияние влиянию большевистской прессы. Подлинное лицо АРИ, в начале его деятельности тщательно задрапированное националистической лексикой, раскрылось лишь в начале 2003 года. Дело не в этом агентстве и даже не в его публикациях. Инте-

ресна тенденция в определенного рода публицистике, частью которой оно является, и движение в политической массовке, которая стала более или менее активно заигрывать с национализмом. Игра же на этой идеологии отнюдь не случайна. Набирающий в России силу, популярность и авторитет, он остается теперь последним прибежищем негодяев. Их шефы отчетливо понимают, что все прежние партитуры, которые использовались в целях разрушения России, никого не увлекут. Во всяком случае уже безнадежен «демократический проект», еще совсем недавно разложивший сознание «советского общества». Отмирает и «коммунистический проект», ставший уделом марксистско-ленинской секты, проект, о причастности к которому старательно открещивается даже коммунистическая партия РФ.

Агитационно-пропагандистская линия АРИ, которая набирает обороты, интересна с двух сторон. Во-первых, тем, что разрушение остатков российской государственности, пока что существующей в форме Российской Федерации, она предпринимает от имени русского национализма, манипулируя грамматическими оборотами и лексическими конструкциями, которые ему свойственны. Подобно тому, как в тех же целях и с теми же задачами обработка общественного мнения и формирование нужного настроения десять-пятнадцать лет назад велась с позиций «демократии» и «социализма» против «тоталитаризма», «коммунизма» и «сталинизма». Во-вторых, решительно сменив идеологию, выбросив за ненадобностью прежние знамена и кумиров, вчерашние «демократы», а теперь «истинные русские патриоты и националисты» не останавливаются на достигнутом и продолжают свое дело. Задача у них, как мы видим, совершенно проста. Им надо руками великороссов сделать то, что в начале 90-х они делали, натравливая их на русских, руками малочисленных этносов – раздробить на мельчайшие части Россию малую, оставшуюся после разрушения Большой России.

Если русским, уже однажды пережившим трагедию революционного отрицания и потрясения всех основ, на которых зиждется русская государственность и русская история, надоело быть объ-

ектом безумных экспериментов над Россией, в которых им отводится роль подопытных кроликов или мышей, то они не дадут увлечь себя еще одному поколению ниспровергателей, облачившихся на этот раз в одежды русских националистов.

Между русским национализмом и разобранными здесь идеями нет ничего общего. Это не русский национализм, а издевательская карикатура на него.

Завершая свои размышления, автор статьи, из которой мы привели довольно пространные выдержки, высказывает предположение, что

> «надутые и чванливые «совки» всех возрастов, иногда мнящие себя русскими патриотами, после этой статьи наверное предадут анафеме те идеи и тот проект, которые я в ней изложил, но что им до русских».

Автору вряд ли стоит так волноваться. Анафема ему не грозит. Русские и православные анафематствуют, как известно, не чужих и чуждых, а только своих, тех, кто изменяет русскому делу словом или поступками. Провокаторов же отлучению не подвергают. Бесполезное и не богоугодное это занятие.

Вокруг и около борьбы общественных идей

Большинство читателей газеты “Дуэль”, о позиции которой пойдёт речь ниже, скорее всего, как это обычно бывает, не обращают внимание на девиз этого издания - “газета борьбы общественных идей”. В своё время читатели не имели привычки вдумываться и в руководящую мысль всех газет “советского” периода – “пролетарии всех стран, соединяйтесь!”. Кто такие пролетарии? Какие особые свойства этой общности делают их столь значительными? Почему остальным группам или классам в том же самом стремлении было отказано? И что имеется в виду под термином “страна”, что тоже немаловажно? И ещё – в какой связи с этим девизом находились печатавшиеся из года в год статьи? На эти и многие другие вопросы, вытекающие из, казалось бы, без-

обидного лозунга, предлагались ответы, которые больше отдавали схоластикой. Лозунг, воспроизводивший завершающую фразу "Коммунистического манифеста", постепенно превратился для большей части "советского общества" в загадочный иероглиф, смысл которого оказался утраченным.

Нечто подобное происходит и с привлекательным девизом "Дуэли". Спрашивается, о каких общественных идеях идёт речь? Большая часть материалов положительного характера, публикуемых на её полосах, является не идеями, существующими в России, а идеями главного редактора и тех авторов, с которыми главный редактор идейно солидарен. Каковы эти идеи? В самом общем виде – коммунизм. Если быть ещё точнее – сталинизм.

Каковы основные постулаты реального сталинизма применительно к России? Их несколько. Создание *коммунистической* системы социально-экономических отношений в одной, отдельно взятой стране. Принципиальный *интернационализм*, прежде всего в организации государства. И последовательная *русофобия*, источник которой вытекал из огульного обвинения русских в так называемом "великодержавном шовинизме".

Таким образом, "Дуэль" является изданием, в котором "сталинизм" главного редактора борется с другими общественными идеями, к тому же, как правило, сопровождая полемику ненормативной лексикой (так, в порядке гарнира). Полемика, прежде всего, ведётся с противниками из своего же доморощенного коммунистического лагеря. То с "большевиками" Н. Андреевой, то с "коммунистическими рабочими" В. Тюлькина, то с "революционерами" малоизвестного Губкина, узника Лефортова, то с умеренными и аккуратными "коммунистами" Г. Зюганова, поклявшимися быть верными Конституции 1993 года, пропахшей кровью жертв госпереворота, совершенного "всенародноизбранным" президентом РСФСР.

В этот спор "между своими" вмешиваться со стороны нет необходимости. Стоит лишь заметить, что к реальной жизни в России он имеет примерно такое же отношение, как спор различных фракций бонапартистов во Франции после Ватерлоо или грызня

множества группировок русских монархистов, оказавшихся в иммиграции после окончательного и бесповоротного падения династии Романовых.

Изредка "Дуэль" отвлекается от любимых внутри-коммунистических распрей и обращает свои критические стрелы в иную сторону. Она самозабвенно воюет с некоторыми конфессиями – прежде всего с православием, а также с "жидовствующими", то есть мирской формой мирового иудейства. Это тоже особые предметы, для обсуждения которых надо обладать глубокими специальными познаниями. Но здесь, как говорил один литературный персонаж, "я слишком ясно сознаю своё несовершенство, чтобы брать на себя так много". Вместе с тем, нельзя не признать, что, затрагивая эти темы, "Дуэли" удаётся покорять публицистические вершины, на которых в 20-е годы уже побывали "воинствующие безбожники" под водительством неистового Губельмана ("Ярославского").

Время от времени "Дуэль" действительно полемизирует с иными, враждебными ей идеологиями. Напомним, что, вопреки расхожему мнению, нет бесконечного множества "общественных идей". Какое бы количество доктрин ни существовало, все они укладываются в три вполне определённые "философские корзины", на которых написано – "коммунизм", "либерализм" и "национализм". В каждой "корзине" содержится своё особое мировоззрение (система идей, представлений, понятий), выработанное философской мыслью человечества за несколько последних столетий его развития и принятое общественным сознанием. Их принципиальное отличие состоит в том, *чему* в каждой "корзине" отдаётся предпочтение. В самой краткой форме её можно выразить так: для коммунизма главное – общество, исповедующее интернационализм; для либерализма – личность, исповедующая космополитизм; для национализма главный институт – нация, исповедующая патриотизм.

Так вот, "Дуэль", стоящая на почве коммунизма в форме сталинизма, в качестве своих "идейных" противников выбрала либерализм и национализм, что само по себе вполне логично, но

вступает в противоречие в декларируемом лозунгом издания, поскольку ни либерализм, ни национализм на полосы “Дуэли” не допускаются. Их заменяют карикатуры.

Применительно к русской действительности здесь необходимы некоторые пояснения. Борьба общественных идей, которая реально происходит в современном русском обществе, сводится не к одним только теоретическим спорам внутри каждого мировоззрения, что имеет место, к примеру, в Европе или Северной Америке. Там либералы и коммунисты к рычагам власти вообще не допускаются. Их только терпят. У нас же идейные теоретические споры обязательно превращаются в реальную политическую борьбу, которая не прекращается до тех пор, пока кто-нибудь не одержит верх. В зависимости от того, кто побеждает в политической борьбе за овладение Москвой и Кремлём, определяется и стратегия развития страны в целом.

Когда в начале XX века, после революции и гражданской войны, власть в России досталась коммунистам, их политическая практика, система воспитания и образования, характер установленных социально-экономических отношений были направлены на создание “коммунистического общества”, члены которого, согласно прописям марксизма-ленинизма, не должны были иметь национальных, прежде всего и по преимуществу русских, признаков. Только с 1934 года в школах юношам стали преподавать “историю России”, но и при этом русское прошлое до 1917 года всегда (за исключением периода с 1937 по 1953 гг.) изображалось в учебниках, диссертациях, произведениях искусства в огульном и заведомо искажённом виде.

Чем это закончилось? Единое и неделимое Государство Российское, создававшееся на протяжении более 1000 лет, было превращено “коммунистами” в рыхлую конфедерацию союзных и автономных “республик”, каждая из которых именовалась государством - со своими законами, парламентами, правительствами, официальным языком, “национальными кадрами” и “правом на самоопределение вплоть до отделения”. В то время как остальной мир, и прежде всего великие державы, постепенно фор-

мировался как совокупность наций-государств, становление русской нации было задержано почти на столетие. Политический распад единой России, из которой “коммунисты” сфабриковали СССР, появление на её территории множества нежизнеспособных государственных образований, разгул этношовинизма малых народов страны, их ненависть к русским, а также моральная и физическая деградация самого русского народа, по сути были предопределены. Крах СССР – закономерное следствие того, что творили “коммунисты” над Россией.

Либеральные идеи на протяжении XX века дважды одерживали в России политическую победу. Первый раз либералы возглавили страну после падения монархического строя в 1917 году. Россия оказалась в состоянии хаоса и смуты под их руководством уже через 8 месяцев. За этот период была разложена армия, утратившая способность к вооруженной борьбе, дезорганизованы все виды управления, разрушена финансовая система, которая выдерживала испытание войной, ожил сепаратизм, тут же потребовавший для себя “отделения”. Вторично либерализм стал господствующей идеологией власти в 1991 году. Его воздействие на страну оказалось столь же разрушительным. Опять была разрушена государственность, опять произошло разложение армии, опять наступил хаос в управлении всеми сферами хозяйствования, опять ожили этношовинизм, сепаратизм и русофобия. Единственное, что не походило на предыдущее явление либерализма – так это масштаб разложения общественных и государственных институтов и повышенный уровень внутренней и внешней опасности, угрожающий самому существованию русской цивилизации.

Особое внимание следует уделить национализму. После того, как русский национализм, существовавший на политическом уровне в виде сословно-монархического правления и принадлежавший совершенно иной, можно сказать патриархальной эпохе, потерпел в 1917 году поражение, он никогда не допускался даже в качестве развёрнутой, систематизированной теории, а имевшиеся теоретические труды, монографии, исследования, научные

и художественные произведения этого направления русской мысли, созданные ранее, стали недоступны общественному мнению. Они были упрятаны в спецхраны и не переиздавались. Более того, национализм, как система философских, социальных и политических взглядов, с 1921 по 1985 год запрещался и преследовался в уголовном порядке. И не мудрено – бороться с русским национализмом завещал сам Ильич. Вот лишь некоторые цитаты и фразы из его статей: “пролетарии… враждебны всякому национализму”; “Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый “справедливый, “чистенький”, тонкий и цивилизованный”; “Мы обязаны воспитывать рабочих в “равнодушии” к национальным различиям. Это бесспорно”; “Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм – вот два непримиримо-враждебных лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие две политики, более того: два миросозерцания в национальном вопросе”; “черносотенный национализм”, “реакционный национализм”, “грубый национализм”. Наконец: “Марксизм выдвигает на место всякого национализма – интернационализм”.

Даже русские публицисты-националисты, которые действовали словом, подверглись при власти коммунистов репрессиям, а некоторые, как например С. Меньшиков, были расстреляны. И сейчас не коммунизм, а именно национализм является для либерального режима в России самой опасной идеологией, которую он если и не преследует пока как преступление, то старается дискредитировать и шельмовать, используя карательные службы и продажную журналистику. Вот лишь несколько примеров.

Небезызвестный г-н *Березовский* неоднократно заявлял, что самым опасным фактором русской жизни, опасным, конечно же, с точки зрения его самого и таких, как он, является *русский национализм*. Некий г-н *Асмолов*, заведующий кафедрой МГУ, а в недавнем прошлом - влиятельный проамериканский замминистра просвещения, опубликовал статью, в которой назвал *русский национализм* “социальной болезнью расчеловечивания”, “социальной патологией”, а возможность его победы в России – “тра-

гедией". Ещё один "крик угнетённой твари" исторгнут г-ном *Баткиным*, идеологом русскоязычного либерализма. Он называет Россию "отсталым анклавом", управлять которым должно не русское национальное, а "мировое правительство". Патриотизм же уподоблен этим "историком культуры" "торжеству бессмыслицы, алогизму, вранью, недомыслию". Что вызывает такую страстную ненависть? Безусловно, не один только факт наличия в русской среде националистических идей. Современные либералы, как и коммунисты, неистовствуют, потому что их не устраивают происходящие в обществе процессы, которыми они не в состоянии управлять.

Борьба идей из области теоретических абстракций, схоластических диспутов и журнально-газетной полемики уже переместилась в массы, постепенно овладевая ими. Социологические замеры и результаты всероссийских парламентских выборов, где эти идеи материализуются в партийные программы и в борьбу партий за общественное признание, дают возможность понять, как структурировано современное русское общество в этом отношении. Национализм, который, казалось, был стёрт с лица русской земли, возродился за несколько лет, становясь постепенно серьёзной политической силой общества и претендуя на руководящую роль в нём. Если на выборах 1989-90 годов его практически вообще не было, а в 1995 году он ещё только формировался, то в 1999 уже национальный и государственный патриотизм вышел на первое место по влиянию на политически активную часть общества.

В 1999 выборы опять подтвердили отмеченную тенденцию – постепенное превращение России из прежде коммунистического и ныне либерального - в русское национальное государство. Правда, этот процесс находится в самом начале, собственно национализм имеет пока не более полумиллиона активных приверженцев, и пока что невозможно сказать, когда и как он будет завершён. Что же касается сторонников сталинизма, то за соответствующий избирательный блок проголосовало 0,35 % избирателей. Стоит ли при столь выдающемся провале стулья ломать?

Что мешает русскому национализму, имеющему очевидное большинство сторонников, прийти сейчас к власти в стране? С одной стороны - отчаянная борьба с ним как со стороны либерального режима, так и со стороны коммунистической оппозиции. В этой драке непримиримые противники действуют сообща. С другой – собственная партийная неорганизованность, которая стала особенно заметным явлением на парламентских выборах 1999 года, которые опять оказалась поражением русского дела, русского национализма. И третье – шельмование в прессе.

“Дуэль” участвует в этой схватке. Десятки статей обрушивают на русский национализм поток клеветнических измышлений и откровенной глупости, возражать против которых бессмысленно, как и против малограмотных опусов некоего “эксперта по расологии и этнологии”, всерьёз утверждающего, что русский национализм воплощается в РНЕ, НПФ “Память” и других столь же микроскопических организациях клубного типа.

Наконец, в № 50 за 1999 год за русский национализм взялся сам главный редактор. Его критика сводится к эпатажному, парадоксальному, лингвистическому отрицанию и национализма и патриотизма. Потому оказывается, что термины эти греческого и латинского происхождения. И якобы сами эти явления России как в прошлом, так и теперь совсем не свойственны. Более того, редактор “Дуэли” признаётся, что если какой-либо посетитель редакции называет себя патриотом, то он “чувствует неловкость по отношению к себе и раздражение по отношению к собеседнику”. Не из-за того только, что считает слово “патриот” кличкой. Но и потому, что русский, оказывается, не может быть патриотом и националистом. А если он таковым всё-таки является, то его следует называть “коротко, ёмко и по существу” - “жидом”. При этом редактора почему-то нисколько не смущает, что “жид” слово также иностранного происхождения, в данном случае польского. “Патриот” не нравится, “жид” – нравится, любит редактор это слово. Но сам же далее пишет, что “при любви никаких недостатков не замечаешь, любовь оглупляет человека”. Значит, самого г-на Мухина любовь делает умнее, если же она

касается его оппонентов – то дебилами. Смехотворность подобных аргументов конечно же более чем очевидна и спорить здесь не о чем.

Но важен вывод, который делает универсальный специалист по патриотизму и националисту. Считая их явлениями-синонимами, нигде не давая им определения, но подменяя в статье один термин другим, он пишет: “Русский националист – это что-то вроде масла масляного, но в отличие от масла масляного из этого русско-западного сочетания слов очень часто выпадает их положительное значение и остаются только негативные качества. Т.е. очень часто русский националист – это помесь русской лени (лености мысли) и западного жидовства”. Если бы г-н Мухин знал историю вопроса, он никогда бы так не написал.

И всё-таки: что же такое патриотизм и национализм как явления общественной и духовной жизни? Патриотизмом называют любовь человека к *своему* отечеству. Немцев – к Германии, испанцев – к Испании, китайцев – к Китаю, русских - к России. Казалось бы – самоочевидно. Так да не так. В современном русском обществе не утихают споры, переходящие в поножовщину и мордобой, о том, что такое Россия и кто есть русские. Но, видимо, г-ну Мухину удобно его не замечать. “Раз королю не интересна пьеса, знать, нету в этой пьесе интереса”.

Признаемся, что можно было бы только радоваться, если бы различий в понимании того, что есть Россия и русские – не было. Но – увы. Значительное число наших соотечественников искренно полагают, наслушавшись либерального и коммунистического бреда, что Малороссия, Галиция, Волынь, Буковина, Закарпатская Русь и Новороссия, которых назвали Украиной, Западный край, названный Белоруссией, Прибалтика, Закавказье, Туркестан - это не Россия. И Поволжье не Россия, Татарстан, Башкортостан и т.п. Россией же следует считать лишь земли, которые в XIII веке европейские географы именовали Московией. Всегда ненавидевший Россию В. Ленин настаивал: *“основная истина социализма, изложенная в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества”*. А у тех, у кого нет отечества, нет

и не может быть чувства патриотизма. Разве не понятно, что полное равнодушие населения СССР и прежде всего русских к расчленению их страны – результат огульного отрицания патриотизма в общественном сознании и, следовательно, исчезновение патриотов в действии.

Теперь о национализме. Здесь надо понять, что национализм – результат и условие рождения, становления и утверждения нации. Понять национализм, не осознавая, что собой представляет современная нация вообще и русская нация в особенности, невозможно. При этом не имеет никакого значения, в каком месте впервые было произнесено слово "нация", и что оно там и тогда обозначало. Определения носят всегда конкретно-исторический смысл.

Нацией следует признавать такую устойчивую этно-социальную, культурно-историческую и духовную общность людей, которая сложилась в процессе формирования современного государства и укоренения в нём высокоразвитой экономики и высокой культуры.

Обычно нация формируется вокруг народа или группы родственных народов, несущих на себе основное бремя государственного строительства и создания единого хозяйственно-экономического и культурного мира. Отсюда следует, что *русской является нация, этнополитическим ядром которой является русский народ, также включающая иные многочисленные народы, тесно связанные с русской культурной, духовной, экономической и государственной традицией*.

В отличие от русского народа, который существует, по крайней мере, шесть веков, возникнув в эпоху Куликовской битвы, русская нация ещё только создаётся, формируется, преодолевая множество препятствий. Её становление, точно так же как и превращение многонародной России в национальную Россию – задача текущего исторического периода. Народ и нация, таким образом – явления сопряженные, но не тождественные.

Русский национализм считает народом возникшую в результате естественноисторического развития устойчивую этносоциаль-

ную группу, сложившуюся на основе племенного родства, общего языка и общности территории обитания. *Русским является единый народ, состоящий из великороссов, малороссов и белорусов, сообща сформировавших экономические, хозяйственные, общественные, культурные, духовные и государственные традиции России*.

Из этих определений следует, что русский национализм - мировоззрение русской нации, выражение в политике русской идеи, которая, в свою очередь, состоит в стремлении воссоздать и сохранить русский народ как единый расовый, социобиологический вид, укрепить его соборный дух и его государственность.

Поскольку циклы русской истории новейшего времени, если рассматривать их под углом зрения круговорота идей, прошли эпоху коммунизма и завершают теперь эпоху либерализма, им на смену постепенно приходит господство русского национализма. Отрицать созидательные возможности и насущную потребность становления России в качестве русского национального государства в его естественных геополитических границах, сложившихся в основном к 1945 году, что было в межгосударственном праве закреплено Соглашениями в Хельсинки от 1975 года, могут лишь недоумки или враги. Первых следует просто устранить с дороги, вторые заслуживают сурового наказания.

Редактору “Дуэли” было бы полезно без предвзятости разобраться в русской национальной идеологии - так же основательно и глубоко, как он это делает с русской военно-технической историей. Негоже изображать из себя уездного судью Ляпкина-Тяпкина, который, как известно, рассуждал о сотворении мира на основании одного только “собственного ума”, да так, что у слушателей “просто волосы дыбом поднимались”. При этом нет необходимости открывать “америку”, тем более, что никому не удастся её закрыть. Создавать же заново идеологию русского национализма незачем. У него имеются основательный теоретический фундамент и выдающиеся основоположники. Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Данилев-

ский, Менделеев, Победоносцев, Леонтьев, Булгаков и Ильин. Надо лишь достойно продолжить дело, ими начатое…

Подделка под национализм

На принципиальной позиции отрицания установившегося порядка вещей в России оказались не только единомышленники, которые имеют на сложные проблемы русской действительности одни и те же взгляды. Оказалось, они расходятся иногда принципиально и даже в диаметрально противоположные стороны.

Разве можно, к примеру, согласится с тем, что “русский язык скуден” и благодаря этому качеству всем тем, кто им пользуется, приходится употреблять “слова, обозначающие более простые вещи и в результате быстро перестаем понимать, о чем мы, собственно, говорим”. И подобная мысль появляется после Ломоносова, Крылова, Карамзина, Пушкина, Тургенева. Если кому и придет в голову поверить подобному высказыванию, то разве что невежде. Кто не испытывал затруднений оттого, что не находил нужного слова, чтобы выразить ту или иную мысль. Виноват ли в этом русский язык, в котором лингвисты насчитывают более 250000 слов? Скорее всего, беда в нас. Скуден не словарный запас русского языка, а наш словарный запас.

Что заставляет действовать в этом мире отдельного человека или различные виды человеческих сообществ, и составляющих в совокупности всемирную историю? Еще совсем недавно на этот вопрос в СССР существовал только один ответ - классовая борьба. (Энгельс писал в одном из предисловий к Коммунистическому манифесту: “вся история была историей классовой борьбы”). Теперь мы бы ответили - человечество действует, подчиняясь исторически обусловленным потребностям и интересам. Но если первое утверждение для большинства утратило убедительность, то второе нуждается в некоторых пояснениях.

За потребностями и интересами скрываются инстинкты, чувства, верования и знания, которые проявляются как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Если рассматривать их в процессе развития, то они окажутся стадиями восхождения - от

прачеловека к сверхчеловеку, от человеческого стада к нации, от состояния дикости к цивилизации. При этом ни одна из более развитых фаз не отменяет предшествующие, но, появившись, она постепенно сужает область их применения, как более примитивных. Поэтому беспочвенны любые попытки противопоставить одни человеческие способности другим: чувства инстинктам, веру чувствам, а знания - вере. Проблема заключена в том, как, с помощью разума, человек распорядится этим богатством.

Для большинства элементарно грамотных людей, не претендующих на то, чтобы досконально разбираться в столь тонких человеческих материях, все-таки очевидно, где имеет место инстинкт, а где - чувство. И вряд ли кого-нибудь убедят рассуждения, отождествляющие инстинкты с чувствами, атеизм со знаниями, а термины - с понятиями. Любовь основана на инстинкте, чувство любви между родителями и детьми невозможно, инстинктивное не может быть человеческим - что может быть абсурднее этих высокомерных и одновременно невежественных заключений.

Декаденствующая часть американских и европейских сообществ как раз и строит свои убогие рассуждения на этих схемах. Для нее, например, секс, половой акт, соитие и являются синонимом любви, а взаимоотношения в семье строятся только на основе гражданских сделок, начиная с брачного контракта и заканчивая договором об условиях принятия наследства. Выше этого не поднимается ни один западный фильм, ни один бульварный роман, которые столь щедро тиражируют сейчас ТВ и издательства для русских зрителей и читателей. Кстати не секрет, что этот товарец предназначен лишь для вывоза в страны, которых не жалко, и среди “своих” не распространяется.

Если проследить развитие опубликованных в газете «Дуэль» идей, началом которых обозначен инстинкт, то окажется, что столь оригинальная теоретическая база потребовалась не для того, чтобы раскрыть читателям, которые любят думать, глаза на человеческую физиологию или психологию. Она потребовалась для того, чтобы захватить и разрушить более серьезные крепо-

сти. Речь идет о русском патриотизме и национализме, точнее говоря - о том, чтобы представить первый в каком-то нелепом виде, а второй попросту низвергнуть.

Сначала сообщается: русские националисты “часто” утверждают, что существует “национальный инстинкт”. Затем в качестве авторитетного источника приводится ссылка на гитлеровскую “Mein Kampf”. После чего делается вывод - “если с этим согласится, то следовало бы и согласится со словом “любовь” в связи с понятием “Родина”. Таким образом, исключается возможность “связать” любовь с Родиной, тем самым утверждая противоположный тезис - родину любить невозможно, поскольку любовь является “животным инстинктом”, а “животными инстинктами в человеческом обществе руководствоваться нельзя”, следовать им “губительно”.

Все эти утверждения покоятся на ложных, выдуманных посылках. Русские националисты ничего подобного не утверждали и не утверждают. Гитлер для них не авторитет и не националист, пусть даже и германский, а свихнувшийся и невежественный шовинист, поражение которого было неизбежным следствием его порочной, безумной политики. Любовь к отечеству относится не к инстинкту, а к чувству, вере и знанию. Любить Отечество не только можно, но и должно каждому добропорядочному гражданину. Если гражданин России не испытывает любви к Отечеству, то, с точки зрения русского национализма, он рано или поздно, но обязательно его предаст. Однако, находясь на принципиально разной мировоззренческой основе по сравнению с русским национализмом, передовица делает совершенно правильный вывод: “патриотизм - это готовность жертвовать во имя своей Родины”. Налицо эффект братьев Монгольфье - удачный полет на воздушном шаре при абсолютном незнании законов физики и аэродинамики.

В отличие от утверждения, заключенного в фразе “националист - недоделанный патриот”, национализм исходит из принципиально другого мнения - патриот это неразвитый националист, а в современном мире ни один патриот не может не быть нацио-

налистом. При этом речь идет не об уровне развития отдельного человека, а об уровне развития конкретного сообщества и человечества в целом. Нация - категория историческая. Это такая общность людей, возникновение которой в Европе относится лишь к XVII-XVIII векам. Что же касается России, которая моложе Европы на два-три века, то период превращения населяющих ее народов в нацию имеет своим началом только середину XX столетия, и он вовсе не завершился, а продолжается в крайне противоречивых формах, чему мы является свидетелями и участниками.

Поэтому национализм как положительное отношение члена определенной нации к ней самой мог возникнуть не раньше, чем появилась сама нация, в отличие от патриотизма - то есть любви к отечеству, вне которого не мог жить ни один человек после того, как произошло образование современных государств. И, таким образом, национализм и патриотизм не противостоят и не противоречат, а органично дополняют друг друга. А так как нация представляет собой на современном этапе развития человечества более высокую и развитую стадию по сравнению с народами (этносами), то национализм оказывается и более высокой и развитой мировоззренческой формой, которая делает патриотизм своей естественной, неотъемлемой частью.

Наконец, чтобы окончательно развенчать русский национализм, “Дуэль” представляет свою полемическую полосу статье г-на Севастьянова “Простые ответы на непростые вопросы”, автора, взявшего на себя смелость собственные идеи и воззрения выдавать за идеи и воззрения русского национализма. Однако та совокупность утверждений, которая содержится в работе г-на Севастьянова, менее всего может принадлежать русскому национализму. Опубликованный на той же полосе ответ г-на Кара-Мурзы избавляет от необходимости опровергать все нелепости, которые позволил себе автор “простых ответов”. Но так как г-н Кара-Мурза принадлежит к социал-патриотическим публицистам, он, естественно, оставил без внимания те пассажи в статье

г-на Севастьянова, которые по сути дела дискредитируют сам национализм.

Содержащиеся в этой статье положительное отношение к политическому краху центральной власти Российского государства (СССР), принципиальный отказ от его восстановления, согласие на отделения от России тех ее территорий, на которых некие "возгордившиеся народы" отвернулись от русских в минуту их слабости, одобрение Беловежских соглашений, наконец, тезис - "нам нужна Россия в границах компактного проживания русского народа" - не только ничего общего не имеют с принципами и задачами русского национализма, но и самым беспардонным образом им противоречат.

Идеи, высказанные г-ном Севастьяновым, именуются не национализмом. У них есть собственное название - этноэгоцентризм. И в этом отношении г-н Севастьянов нисколько не самобытен и не оригинален. Из этноэгоцентристов самого разного пошиба и этнической принадлежности можно при желании создать целое "сообщество". В нем окажутся, помимо г-на Севастьянова, и лидеры чеченских мятежников, и нынешние власти так называемых автономий, провозгласивших свои убогие суверенитеты, и "президентские рати", образовавшиеся от финских хладных скал до стен недвижного Китая, и сепаратисты Басконии, Корсики, Хорватии, Квебека, севера Цейлона, Пенджаба и т.д. и т.п.

Проповедники этноэгоцентризма, несмотря на этническое, идеологическое, культурно-географическое и иное своеобразие, однообразны в главном. Они, словно древние эллины, не отличавшие голубого от синего, не видят разницы между нацией и народом. Более того, они полагают, что термин "нация" является лишь иным выражением термина "народ (этнос)". Не случайно г-н Севастьянов слова нация и народ употребляет как синонимы. Этноэгоцентристы испытывают неприязненное отношение к любому полиэтническому (многонародному) государству, утверждая, что право на существование принадлежит лишь государствам одного народа. Г-н Севастьянов именует их "мононацио-

нальными". Они относятся к другим народам резко отрицательно: русскому этноэгоцентристу не по себе от одного вида кавказца на улицах Москвы, а оказавшись в иной этнической среде, он чувствует себя не в своей тарелке. Пределы его отечества, и следовательно, государства - границы компактного проживания того народа, к которому он принадлежит. Остается уточнить - крайне преувеличенная, агрессивно-нетерпимая форма этноэгоцентризма - шовинизм.

Представим себе, что может произойти и в мире и в России при реализации этноэгоцентричных концепций. Поскольку общее количество дееспособных народов (этносов) на Земле составляет 2000, а всего их насчитывается 8000, то должны быть разрушены практически все ныне существующие государства, уже сложившиеся нации (150). А на территории, которую назвали Российской Федерацией, должно возникнуть никак не меньше 79 "суверенных государств". Вряд ли такая перспектива может обойтись без самого энергичного сопротивления, войны, которая приобретет всеобщий, тотальный, непримиримый характер. Чеченский мятеж, но захвативший все страны и континенты, вот что такое этноэгоцентризм в действии. Всеобщий передел мира, непрерывные пограничные конфликты, неизбежное разрушение национальных хозяйственных систем и, следовательно, присвоение власти над сошедшим с ума человечеством так называемым всемирным правительством - таким окажется будущее, если последовать за г-ном Севастьяновым и его единомышленниками. Не удивлюсь, если у этноэгоцентризма, выдающего себя за русский национализм, появятся щедрые покровители. Он появляется как раз кстати, чтобы заменить собою безнадежно дискредитированный, фальшивый, русофобствующий либерализм.

Предоставляя свои полосы одному из наиболее красноречивых идеологов этноэгоценстризма, "Дуэль", чтобы подтвердить принятую на себя добровольную обязанность быть газетой борьбы общественных идей, не может отказать в публикации его принципиальному оппоненту. Иначе она рискует быть заподозренной в том, что на самом деле не прочь оказаться в одной компании не

только с г-ном Севастьяновым, но и с теми, кто старается превратить Россию в труху.

Впереди – тотальная борьба идей

Во время избирательной кампании 1999 года кинорежиссёр Н.С. Михалков заявлял, что нельзя каждое голосование превращать в плебисцит, где решается, каким государственно-политическим или социально-экономическим курсом пойдёт страна. В частностях г-н Михалков прав, но он ошибается в стратегической перспективе. Нет таких цивилизации или державы мирового уровня, в политической истории которых не принимались бы решения, которые предопределяли принципиальное изменение и политического строя, и экономического уклада, и вектора социального развития. Обычно такие решения, осуществляемые населением, вопреки воли начальства, называются революциями, а когда их реализуют власти, зачастую вопреки народным чаяниям, – “великими реформами”.

Европа, историю которой в России знают лучше, чем какую-либо иную, демонстрирует нам непрерывное, под углом зрения столетий, изменение своих идеологических, экономических и политических форм. Если отсчитывать с начальных веков Христианства, Средневековье шаг за шагом разбивало устоявшиеся родовые общины. Затем Реформация, Ренессанс и Гуманизм боролись против уже упрочившихся порядков, сложившихся под знаменем Средневековья. Потом в борьбе с Просвещением победили идеи и силы, из которых вышли новые европейские национальные (на самом деле *народные*) государства, появившиеся благодаря революциям на Британских островах, в Нидерландах, во Франции, Италии и Германии. При этом все коренные изменения сопровождались появлением в таких странах ярких, смелых, решительных идеологов и государственных деятелей, с именами которых связываются великие достижения.

А что характеризует русский путь, как не схему, которой воспользовалась Европа. Но имеется и разница - различный возраст социумов: население Европы, как полагают некоторые учёные,

старше русского лет на 300-400. Поэтому наше Средневековье, начало которому положили деяния Владимира Святого, столь же решительно, как и на Западе, порвало с родовыми отношениями, обретя новую религию в Православии и новую организацию страны в централизованной государственности. Его последний период украшают такие деятели, как Иван III и Иван IV. Но когда русское Средневековье в известном смысле исчерпало себя, разве развитие остановилось? Нет, конечно. Была принята новая парадигма. Она состояла и в своеобразной русской Реформации, породившей так называемую “новую христианскую веру”, и в обретении русской культуры, воспринявшей лучшие достижения европейского Ренессанса, и в создании новых отношений, связанных с обретением Россией принадлежащих ей ранее выходов к океану, её превращение в мировую, а затем и в сверхдержаву. Алексей Михайлович, Пётр Великий и Екатерина знаменуют начальный период этого этапа истории, но было бы ошибкой приписывать её завершающую фазу трём Александрам и двум Николаям.

Как бы это ни казалось парадоксальным, эпоха русского Просвещения не завершилась событиями 1917 года и не перешла тогда в принципиально новую стадию. Причина до банальности проста. Так называемая социалистическая, пролетарская революция была таковой лишь по самоназванию. Но её сущность заключалась в том, что базисные отношения остались теми же, что и до “штурма Зимнего дворца”. Революцию совершили не местечковые инсургенты и не городские пролетарии, а крестьянство. Крестьянство же, совершив революцию, может утвердить лишь те идеалы, которые ему свойственны. Если экономический уклад и политический строй, восторжествовавшие после 1917 года, и можно назвать социализмом, то лишь с прилагательным – “феодальный”. Поэтому государственные деятелями, которые с полным правом могут быть названы в качестве символов заката эпохи русского Просвещения, события, имеющего точную дату, - 31 декабря 1999 года, - это Брежнев, Горбачёв и Ельцин.

Поскольку история более развитых стран показывает менее развитым картину их собственного будущего, то, исчерпав до дна потенциал, заложенный и развившийся на идеях Просвещения, Россия неизбежно вступает теперь в новую эпоху. Она связана с созданием русского национального государства, которое предполагает и доминирование города над деревней, и буржуазную форму власти, и товарно-рыночный характер экономических отношений. Вместе с тем процессы, происходившие в России, не были даже подобием того, что за несколько столетий до этого происходило в Европе. Россия не Европа, не Америка и даже не Евразия. Общие закономерности, управляющие человечеством, не универсальны в своих проявлениях. Это всё-таки не естествознание с её химическими или физическими законами. В России, как и в любой отдельной цивилизации, они приобретают собственную модификацию. Лишь главная тенденция остаётся неизменной и определяющей. Это превращение феодально-этнических отношений в национально-политические и - формирование из государств, которые все человеческие проявления оборачивали в привилегии или повинности, в государства, где их наделяют характером гражданских прав и обязанностей, которые закрепляются скорее правом, чем традицией.

И ещё одно отличие. Формирование европейских национальных государств, которые в действительности по большей части были этническими, не является уделом XIX века и даже не серединой XX. Последние изменения произошли под его занавес, когда Словакия разошлась с Чехией, а Сербия с Хорватией. Русская государственность, дважды распадавшаяся под ударами кризисов, вызванных психологическими поражениями в мировых войнах, никогда не покушалась на изменение своего геополитического баланса. Подобно тому, как французы не собираются отказываться от Нормандии, Эльзаса или Корсики только на том основании, что их население исторически связано с норманнами, германцами или итальянцами, а Британия готова всегда держать "Юнион Джек" над Ольстером, даже если "прогрессивное человечество" будет считать его севером Ирландии, так и в русском

сознании Государство Российское всегда будет тождественно тому жизненному пространству, которое было освоено, присоединено, завоёвано и защищено русскими и другими союзными ему народами под хоругвями Русского царства и знамёнами Российской империи и СССР.

Кризис государственности, вызванный поражением Советской России в “холодной войне”, и обостривший внутрирусские отношения, как нельзя лучше показал, что предыдущее развитие уже создало предпосылки для воссоединения страны на принципиально новой, прежде всего материально-технической базе. Железные и автомобильные дороги, водные пути, нефтяные и газовые трубопроводы, авиалинии, радио и телевещание создали на пространствах Русской цивилизации густую сеть транспорта и связи для передвижения людей, товаров, услуг, для передачи изображения и звука во все её концы. Рост индустриальных центров, наука, более или менее одинаковые жизненные привычки и многое другое всё больше способствовали выработке единых стандартов бытия, взаимному проникновению коренных этнических культур при бесспорном доминировании русской культуры. Всё это ведёт к тому, что именно сейчас понятие национально идентифицированного человека, в отличие от космополитической идеи “цивилизованного человечества” эпохи формального гуманизма и абстрактных “прав человека”, становятся действительностью. Этнические культуры, постепенно вырождающиеся в фольклор, приспосабливаются и выравниваются на более высоком уровне, который обеспечивает общенациональная русская культура.

После окончания “холодной войны” не произошла идеологическая конвергенция человечества, а колонизаторские идеи, приобретя более откровенные формы, превратились из абстрактной угрозы в реальную политику даже в Европе. Мир разделился на несколько самостоятельных цивилизаций, в которых прежние системы ценностей или идеологемы утратили какой-либо первоначальный смысл. Мы реально вступаем в век, в котором первичными становятся не прежние формационные противоречия,

вокруг которых происходили все великие конфликты XX века, а противоречия цивилизационного, идеологического типа, которые будут предопределять историю века наступающего.

На фоне неизбежного обострения таких противоречий необходимо указать на главную задачу, стоящую перед Русской цивилизацией. Она должна поднять сознание всех коренных её обитателей – как отдельных людей, так и целых народов – до общерусского сознания. При этом речь не может идти об утрате сохраняющихся этнических признаков. Никто не ставит вопроса об утрате народных традиций или фольклорно-бытового наследия. Напротив, это означает, что при сохранении своей народной культуры каждый индивидуум воспримет лучшую часть культурного наследия других народов, войдет в поле воздействия общенациональной культуры.

Необходим процесс роста, который обеспечит возможность развиваться, невзирая ни на шовинистические или сепаратистские поползновения, ни на внутригосударственные границы, которые возникли в XX столетии благодаря мероприятиям большевистской власти. Такой рост сотрёт их, сливая все народы в одну общерусскую нацию, обладающую таким сознанием, которое охватит не только всё культурное наследие прошлого, но и сможет критически переработать драматические итоги "холодной войны", сделав их всеобщим достояние для утверждения достойного статуса России в преобразуемом многополярном мире. За повседневными заботами, за трудностями быта нельзя отставать от жизни, застывать в несуществующем, фантомном мире, не понимать смысла "холодной войны", не сделать правильных выводов из этого глобального события и не видеть изменений, происходящих после её окончания.

Конечно же, поражение не способствует умиротворению. Наоборот, после поражения её страсти, обиды, претензии, копившиеся десятилетиями, могут хлынуть наружу. Поэтому, пока в любой части Русской цивилизации, от Прибалтики, Карпат и Дуная до Камчатки и Кушки, от Лапландии и Таймыра до Бессарабии, Таврии и Арарата, люди не станут сочувственно относиться

к несчастью каждого из соседей, до тех пор, пока они не станут переживать успехи и неудачи других народов, как свои собственные, вчерашняя, потерпевшая поражение Россия будет продолжать жить в сознании как призрак, фантом, “империя зла”, потому что та Россия, которую мы знаем как Советский Союз, безвозвратно погибла на полях сражений “холодной войны”.

Для возрождения солидарности и сочувствия потребуется много времени, терпения и большой осторожности, потому что в каждом отдельном народе всегда будут сохраняться тенденции к негативным рецидивам. Иначе и быть не может. Ибо здесь столкнуться две эпохи: совсем недавнего “коммунистического” прошлого и определённая новая система, которая из идеи “возрождения” должна претвориться в действительность во всех областях нашего совместного существования, русского сообщества, реально вызванного к жизни исторической необходимостью восстановления на принципиально новой основе Российской империи. При этом уже сейчас в ещё слабо действующих единых институтах необходимо развивать принципиально новые, отвечающие реальностям, конкретные формы экономики, финансов, управления, внутренней и внешней политики, общественного уклада, культурной политики, воспитания и обучения молодёжи, а также военного комплекса. Они обеспечат предпосылки для государственного восстановления России и её динамичного развития во всех областях.

Бесстрастно анализируя последствия возникновения ракетно-ядерного оружия, принадлежавшего двум враждебным формациям, возникшим после второй мировой войны, ещё в 50-е годы XX века теоретики пришли к выводу, что “если люди хотят продолжать свой спор, не подвергая себя риску уничтожения, они вынуждены ограничиться психологическим театром военных действий – сражением принципиальных идей. Под “защитой” (атомного оружия) войну можно оттянуть, а затем она станет настолько невыгодной, что к ней не будут больше прибегать. Война ограничится областью идей”.

В истекшее десятилетие наше поражение в “холодной войне” завершилось не только расползанием страны, но и её военным разоружением, экономическим и волевым бессилием, финансовой зависимостью от победителей. Но всё это не значит, что настала эпоха “мира во всём мире”, а идеологи, чтобы дискутировать, переместились в элитарные клубы. Если России не суждено будет распасться, и она сохранит свою государственность, тотальная война идей – вот что нас ожидает.

Поскольку задача общенационального строительства будет выполняться, материальный и духовный потенциал страны получит принципиально новое качество, потому что тогда Россия будет по-настоящему подготовлена к XXI веку “идеологических войн”, и идеологическое наступление с Запада и Юга встретит на своём пути не разложение и распад, а новый растущий организм соединённых народов, русской нации, которая преодолела свою болезнь, что не поддаётся влиянию чуждых и враждебных ей идеологий. Тогда итоги “холодной войны” не останутся суммой мрачных, деструктивных представлений, но будут рационально использованы в новой жизни. Тогда эта война перестанет казаться нам гибелью нашего мира, а превратится в новую ступень нашего развития, рождённую в нечеловеческих муках и страданиях, в результате глубочайших потрясения. Тогда, – как всегда в природе – сама смерть на поле боя, в реальных сражениях, подобных тому, что происходило в Афганистане, Югославии или в горах Кавказа, станет предпосылкой для начала нового русского подъёма. Разве не является нашим священным долгом перед теми, кто пал за целостность страны, взяться за устройство нового русского мира и работать, работать, не отвлекаясь на пустяки и не связывая себя никакими сомнительными обязательствами, чтобы все уроки “холодной войны”, холодной для них, но горячей для нас, не пропали даром.

Этот политико-исторический экскурс показался необходимым в связи с появившимися предвыборными обращениями основных соперников на предстоящих президентских выборах – Г.А. Зюганова и В.В. Путина. Казалось бы, происходящее в нашей стра-

не не может быть правильно понято и оценено, если не характеризовать их понятием “революции”. Революция, поскольку политический социум самым решительным образом отверг предыдущие идеи, а вместе с ними и выросшие из них материальные отношения, в частности те, которые существовали в России после 1917 года. Г-н Зюганов не может не олицетворять это прошлое, а г-н Путин по необходимости - её будущее. Поэтому оба политика, вопреки бытующему предубеждению, не могут не порождать реальной альтернативы, которую предстоит разрешить обществу, чтобы или “так ничего не понять и ничему не научится”, или попытаться, вооружившись новой совокупностью идей, вырваться за пределы синдрома поражения в “холодной войне”. Но анализ обоих текстов удручает.

Г-н Зюганов формально обратился “к народу”, а в действительности лишь к той его части, которая превращена, благодаря “ельцинским реформам”, в класс обездоленных – нищих, безработных, гонимых. Таких насчитывается 80 млн. чел. Цифра чудовищная. Но такая программа не приносит своему автору и четверти голосов из тех, кто приходит голосовать. Конечно, с одной стороны, этот предвыборный приём понятен. Кандидат от Компартии не может не чувствовать принадлежности прошлой эпохе, той части электората, которая в 1995 и 1999 годах голосовала за партийный список КПРФ. Однако статистика показывает, что максимум, на что может рассчитывать такой кандидат, не превышает 25-30 млн. голосов, причём последние парламентские выборы засвидетельствовали: сторонников “коммунизма” и “Советского Союза” становится всё меньше. Получается, что обещания политики “скромного достатка в каждом доме” и “социального равенства”, правильные слова об “оздоровлении российской экономики и политической системы”, о строительстве “свободной”, “новой”, “великой” России, если всё это предлагается кандидатом “коммунистов”, не являются гарантией победы, как не стали они гарантией от поражения в “холодной войне”.

Не лучше обстоит дело и с “обращением к российским избирателям” г-на Путина. Являясь действующим президентом, он, тем

не менее, апеллирует не к активным гражданам, не к соотечественникам вообще, а к бюргеру в европейском или мещанину в русском, то есть ироническом, смысле слова. Он напоминает расслабленному, утратившему какую-либо энергию, ни в чём не твёрдому обывателю о главной проблеме страны – “ослаблении воли”. Такому избирателю прямо говорят, что он “угрожает нашему дальнейшему существованию”. А чиновничеству бросается обвинение в том, что оно разболтало государственную машину, забыло о служебной дисциплине и, праздно рассуждая о борьбе с преступностью, ничего не сделало для обеспечения “верховенства права” и “диктатуры равного для всех закона”. Весь существующий политический класс, формирующий органы власти и правовые нормы, оказался классом-паразитом. Поскольку в стране нет “твёрдых общепризнанных правил”, то нет сильного государства и не может быть “свободной личности”. О полной недееспособности власти говорит и тот факт, что и.о. президента признал - власть не знает, чем владеет государство, что и кому принадлежат на праве частной собственности. Таковы “наши проблемы”. Но есть и “наши приоритеты”. Они сводятся к решению четырёх задач: – “побороть бедность” (только не сказано, откуда она взялась и что явилось причиной её происхождения), “защитить рынок от незаконного вторжения”, “возродить личное достоинство граждан”, наконец – “строить внешнюю политику исходя из национальных интересов собственной страны”. Значит, “вчера” такими важными материями не интересовались вообще. Таковы принципы г-на Путина и его взгляды на государство. С ними можно согласиться или не согласиться. Но запоминается, как говорил Штирлиц, последняя фраза. Г-н Путин выразил в ней убеждение, что “основной чертой нового века станет не битва идеологий, а острая конкуренция за “качество жизни, национальное богатство и прогресс”, которые и определяют, насколько достойна сама жизнь. Он, безусловно, прав относительно “достоинства”, “жизни”, “богатства” и иных категорий, но они вряд ли настолько универсальны, чтобы относительно их

понимания ни в самом русском обществе, ни между Россией и остальным миром не возникла острая идеологическая борьба.

Русское общество жаждет победы, но её не будет, если политический класс и государственная власть России окажутся либо вооруженными обветшавшей, морально устаревшей идеологией, применение которой обрекло нас на первое за 500 лет русской истории поражение в войне, либо предстанут идеологически безоружными перед новым вызовом, который бросила России судьба.

Принципы и стратегия русского национализма

Национальная идеология создается в процессе возникновения нации. Не может быть национальной идеологии, если нет субъекта, которому она необходима, если нет нации. При этом, разумеется, говоря о нации, мы должны иметь в виду не этническую категорию, не народную общность, а общность этнополитическую.

Русская нация в историческом масштабе времени только-только родилась, и, следовательно, неисторично упрекать её в том, что у неё нет национальной идеологии, что она как бы и не очень развита по сравнению с теми же германцами, японцами, французами или китайцами. Великие нации возникают только в свое время и в результате великих исторических побед. У современной русской нации имеется конкретная дата рождения — 1945 год, победа в Великой Отечественной войне.

Таким образом, тот факт, что национальная идеология рождается именно сейчас — это нормально. Ничего необычного в этом нет. Русские ни от кого не отстали, просто русская нация самая молодая из великих наций мира. Упрекать же ее в молодости так же нелепо, как юношу в том, что у него нет седины в бороде.

Национальный манифест

Политические группировки современности редко утруждают себя составлением развернутых программных документов, а тем более – мировоззренческих доктрин, в которых выражается отличная от других политическая теория. В современной России нет идеологической борьбы. И даже борьба пропагандистских технологий сошла на нет под прессом «административного ресурса». Теперь для людей остается только «имиджевая реклама», лишенная какой-либо смысловой нагрузки. Для политической силы главное – заявить о том, что она существует, вывесив предельно бессмысленный лозунг, ничего не говорящий символ и какую-нибудь физиономию, которую гражданин должен узнать, поскольку эта физиономия мелькала на телеэкране. Вот и все.

Казалось бы, власть, чтобы обеспечивать поддержку со стороны граждан, должна заниматься смысловым наполнением информационного пространства и сообщать о своих действиях так, чтобы было понятно «куда мы идем», «какую Россию мы строим». Ничего подобного нет. Фальшивки, вроде «нанонехнологий» мало кого привлекают и никого не убеждают. Формула «нанотехнологического будущего» не стоит в глазах граждан ни гроша. Все прочие действия власти при попытке их рационального осмысления приводят к заключению, что ее стратегия лучше всего описывается термином «ликвидационная комиссия».

Всеобщая бессмыслица бросает вызов интеллектуалам, которые то и дело принимаются за формулирование национальной идеи. Придворными и либеральными экспертами она высасывается из пальца – создаются умозрительные конструкции, не имеющие под собой почвы. Это скорее отвлекающие маневры, хорошо спонсируемые олигархией. Коммунистическая доктрина остается неизменной, приобретая в сочинениях ее адептов лишь все более зловещий оттенок: в ней все громче призывы к «новому Сталину» - очередному витку живодерского эксперимента над русским народом. В патриотическом лагере, полностью устраненном сегодня не только от властных рычагов, но и от легальной политики вообще, национальная идея распадается на отдельные фрагменты. При кажущейся распространенности жанра национального манифеста, мы имеем в основном либо предвыборные программы, либо декларации любимых идей, не имеющих шансов стать общераспространенными.

Впервые мировоззренческий манифест в патриотическом движении был создан в 1993 году, когда группа авторов подготовила Манифест возрождения России, сконцентрировав в нем национально-консервативные взгляды, в тезисной форме изложив русские общественные идеалы и цели политического и экономического развития. Манифест был взят на вооружение Конгрессом русских общин и стал основой для идеологической работы этой организации. В последующие три года тираж выпускался не-

сколькими тиражами, которые в совокупности приблизились к полумиллиону экземпляров.

Тем не менее, Манифест не сыграл серьезной роли, не консолидировал патриотов и даже не был замечен публицистами. Причина тому – попытка «работать на массу», распространять Манифест как агитационный материал. К тому времени дезорганизация сознания достигла такого уровня, что интеллектуальный текст не только не мотивировал на поддержку КРО, но и не создавал импульса к рациональному осмыслению того, что происходит с Россией. Сюжет краха еще не прорисовался в полной мере. Тиражи разлетались по стране, но не затрагивали людей. Их заботили проблемы выживания или прорыва в предпринимательское сословие, строившее свой успех на неуспехе страны. Целевая аудитория еще не сформировалась, некому было переосмыслять изложенные идеи и транслировать их на широкую аудиторию.

Для авторов Манифеста тогда еще не видны были глубинные процессы, раздиравшие страну. Демографическая проблема еще не была в достаточной мере проанализирована. О национальной модели экономики говорить было преждевременно в связи с отсутствием знаний о работе реального сектора и механизмах разграбления страны. Воровство было очевидно, но невозможно было рассмотреть процесс «институализации» коррупции: превращение криминальных механизмов в легальные. Это направление деятельности олигархии в полной мере прояснилось только в первые годы нового века, когда криминальные капиталы всплыли на поверхность, утвердились в легальном бизнесе, а их защиту обеспечила «вертикаль» - коррумпированная бюрократия.

Отсутствие у патриотов собственной экономической доктрины вело к тому, что идеология отрывалась от повседневных проблем и не объясняло их. Разговоры о «духовности» превращались в «птичий язык» для погруженных в хозяйственную практику предпринимателей и специалистов. Порой это состояние приводило интеллектуалов до полного абсурда: представле-

ния о том, что либеральную экономику можно совместить с социалистическим устройством общества. Национальное мировоззрение теряло определенность, стремясь почерпнуть недостающее в чуждых доктринах.

Наконец, в 90-х годах патриотическое движение было замкнуто на проблемы России, не замечая мирового процесса, в который наша страна втянута.

После 2003 года, когда интеллектуалы уже многое продумали и прочувствовали в губительной системе, сложившейся в России, формулирование принципов мировоззренческого противостояния ей растеклось по публицистическим работам, а реальное противостояние олигархии сконцентрировалось в партии «Родина». Именно поэтому партия стала объектом изничтожающих «политтехнологий». Олигархия, легализовав свои грабительские инструменты, лишала нацию возможности легально противостоять ей. Была погублена «Родина», противозаконно лишена права на регистрацию партия «Великая Россия», страну накрыла волна политических репрессий (ее сущность отражена в ежегодных докладах «Русофобия в России», выпускаемых Русским информационном центром).

Попытки создания национально ориентированной идеологии предпринимались не раз, но адресного читателя так и не нашли. Одни по причине непоследовательности создававших идеологические документы групп (Хартия прав и свобод русского народа «Русская правда», 2006), другие – от желания разрешить раз и навсегда все вопросы, которые можно себе представить по поводу современной России и от попыток найти «носитель» для идеологии в кругах церковной бюрократии («Русская доктрина», 2007). Если в первом случае неудача была связана с тем, что она пыталась примирить радикалов русского движения (а это в принципе невозможно в силу субкультурной замкнутости радикальных объединений), то вторая – со стремлением найти для глубокого и многопланового сочинения широкую коалицию. Тот факт, что «Русскую доктрину» приняла как идеологию партия «Великая Россия» был скорее дискредитирующим моментом,

поскольку от потенциальной коалиции отшатнулись все, кто намеревался прислониться к власти, уговорить ее и возбудить в олигархии противоестественную для нее любовь к Отечеству.

Создание в 2009 году Национального манифеста – универсального документа, соединившего национальное мировоззрение, представление об общемировых процессах, политэкономию национализма и современную политическую теорию – стало прорывом в идеологическом творчестве. Увидев наши проблемы «с высоты птичьего полета», определившись с пониманием общемировых процессов и закономерностей, мы теперь можем разрабатывать и национальные приоритеты, и вполне прагматические задачи сегодняшнего дня.

Если министры не ведают, каковы цели социальной политики, то мы предложим национальному правительству цель сбережения нации и преодоления демографической катастрофы, «чтобы нашему роду не было переводу». И представим комплексную программу – не только в пропаганде отказа от неумеренного «пития» (кремляне вдруг разрешили говорить на эту тему, как будто в данном вопросе нужно еще что-то кому-то объяснять, а не действовать), но и во всех прочих сферах, где оздоровления требуют сначала мозги чиновников, а потом и вся жизнь нации. Если нынешний МИД не представляет себе задач России во внешней политике, то национальному правительству мы подскажем, что ключевая задача для России – воссоединение РФ, Украины, Белоруссии и Казахстана. И предложим стратегию такого воссоединения. Если нынешняя власть не может определить действительно необходимое для нации, то это сделает иная власть, которой мы должны помочь тем, что в интеллектуальном плане многое уже будет продумано и решения разработаны.

Детские болезни русской идеологии

Главная опасность для нарождающегося русского национализма, это русский этноцентризм. Для этноцентриста главное — его этнос, его народ; для русского националиста основная ценность — Государство Российское. Потому что на современном этапе

развития человечества в государственности воплощается высшая форма самоорганизации его политических субъектов - наций и народов. Недопустимо противопоставлять русский национализм русскому государству. Государство является формой самоорганизации, инструментом утверждения национальных ценностей, орудием защиты национальных интересов в мире. Иначе относиться к этому вопросу было бы большой, непоправимой ошибкой.

Современная Россия — русское государство, в которой пока еще нет русской власти. Это единственная и главная проблема, если говорить о сегодняшнем дне.

Необходимо помнить: национализм как основополагающий принцип политики возникает тогда, когда власть в государстве принадлежит элите, которая исповедует идеологию национализма. На сегодняшний день все великие державы мира имеют националистические режимы, обеспечиваемые национальной элитой.

Нельзя в то же время требовать от простых людей, чтобы они поголовно были националистами. Не надо провоцировать их нелепыми вопросами бытия. К примеру: не хочет ли он, допустим, чтобы Чечня стала свободной? Для решения подобных проблем существует органы власти.

Та ситуация, которую сейчас переживает Россия, содержит все необходимые признаки революции. Она отрицает ранее существовавшие в стране политический режим и экономический строй, которые можно характеризовать как феодально-бюрократические, и утверждает принципиально новые отношения.

Раз власть являлась по своей природе феодально-бюрократической, то она, само собой разумеется, не могла быть национальной. Потому, в частности, и создавались квазигосударства на территории России. Посмотрите, как членились крупные государства в древности и в средние века — это на наши предшественники в мировом развитии.

А как поступала буржуазная революция с подобными рудиментами, например, во Франции? Она уничтожила деление на провинции и создала департаменты, которые существуют по сей день. Она провозгласила: нет бретонцев, гасконцев, эльзасцев; есть французы! Те, кто не хотел быть французами, либо уничтожались, либо смирялись. И все, в конце концов, стали французами. Такова закономерность любой буржуазной революции.

Другое дело, что нельзя требовать немедленного, с сегодня на завтра, превращения этнически разнородного населения в однородный национально-политический монолит. Это болезненный, но закономерный исторический процесс. Поэтому главный тезис: надо понять, что сейчас не «состоялась революция», не «совершилась революция», а идёт революция в России. Революция утверждает нормальное капиталистическое хозяйствование, русское буржуазное общество XXI века.

Современная русская революция не приобрела национального характера, в этом её трагедия. Проявился капиталистический характер революции, а русского национального компонента в ней еще нет. Буржуазное начало — это всегда начало эгоистическое, и если одновременно с ним отсутствует национальная идеология, начинается распад, развал, этнический и территориальный сепаратизм. Очевидно, кроме национализма ничто не сможет обеспечить целостность страны.

Главное в каждой революции — это вопрос о власти, захват государственной машины. Не отрицать государственную машину, не разрушать ее, а захватить эту машину. И пусть политические противники русской революции называют её как им заблагорассудится, так им удобно: орудием насилия, ночным сторожем. То, что хорошо марксистам или либералам, неприемлемо для националистов. Русские националисты должны овладеть государственной машиной России.

Если признать, что сейчас Россия — это Российская Федерация без Украины, Казахстана, Чечни, Татарстана, Тувы и так далее, то национальная революция закончится крахом, так и не начавшись. И тогда, действительно, русский национализм превра-

тится в русский этноцентризм, окажется на одном уровне и в одной упряжке с этноцентризмом молдаван, чеченцев, казахов, узбеков и т.д.

У русской национальной революции должна быть духовно-нравственная основа. Следует оспорить расхожее утверждение, что «антиквариат нужно выбрасывать». Серьёзные собственники, исповедующие буржуазно-капиталистические идеи, антиквариат собирают, а не выбрасывают. Если то, что создавалось на территории России нашими предками, нашими духовными отцами — выбросить, то с чем мы останемся? У русских нет еще одной тысячи лет, чтобы создать какую-то новую духовно-нравственную основу развития. Значит, надо брать ту, которая есть.

Духовная жизнь России, зачастую подсознательно, имеет своей естественной основой православие. Нужно формулировать основы национальной русской этики на глубокой и серьезной исторической базе реальной духовности. Национальная этика пока не приобрела законченной, упорядоченной формы — её еще предстоит создать современным русским мыслителям.

Век революций

Ужаснувшись масштабам утрат для Русской цивилизации, мы не должны впадать в пессимизм, ибо у русской истории есть и оптимистическое прочтение. Русскую историю XX века можно представить как Великую русскую революцию, которая не была более трагичной или кровавой чем европейские национальные революции.

Первый этап этой революции (1905-1935) связан с революцией ремесленников, мастеровых, которым было мало чуда русской индустриализации начала века, мало 10% роста производства ежегодно. Стесняющая развитие бюрократическая система была отброшена, потому что не поспевала за историческим временем.

Следующий этап революции – этап становления современного воинского сословия – был поглощен войной, но дал русским не

только величайший национальный символ Победы, но и образцы мощи русского духа.

Третий этап начался в 1985, когда революция интеллектуалов взломала строй советской бюрократии. Русским интеллектуалам было мало фальшивого советского благополучия, позволяющего кормить всю страну за счет нефтедолларов и отучающего людей работать. Наука и образование требовали не 5-10%, а 30-40% от ВВП, соответствующих современным требованиям индустриального и культурного развития.

Наконец, решающий этап – революция национального капитала – начинается сегодня, когда русское предпринимательское сословие начинает осознавать себя именно как национальное, имеющее свои интересы, отличные от интересов транснациональных корпораций и биржевых спекулянтов, прямо противоположные интересам коррупционеров и мафиози.

Русская перспектива в XXI века связана с объединением русского интеллекта и русского производителя. Именно этот союз может вывести русский народ из того состояния, в котором он уже наполовину считает себя "россиянами". Именно этот союз даст России русскую власть в русском национальном государстве, где под покровительством русских будет место другим народам, имеющим вместе с русскими общее Отечество.

Россия, безусловно, является мононациональным государством. И не только потому, что русских в России более 85%. Дело в том, что сам термин "нация" означает государственный суверенитет, право на который подтверждено историей. В России нацией в этом смысле являются только русские. Поэтому русские являются единственным в России государствообразующим народом. Насколько русские являются нацией, настолько и Россия является государством. И мы на опыте убеждаемся: чем меньше в государственной политике русского, тем менее внятно явлено само государство.

Судьба России на переломе. В будущем веке Россия может быть только русской (русским национальным государством, пре-

емницей исторических форм общежития и права Российской Империи) или ее не будет вообще.

Русофобия и русофагия

Русская религиозная и философская мысль давно уже определили судьбу русских как народа, удерживающего мир от торжества «тайны беззакония», а потому переваривающего в себе все локальные «апокалипсисы». Именно поэтому русские видение истории – трагический оптимизм, в котором присутствует понимание неизбежности локальных поражений и уверенность в финальной победе Христа в Своем Пришествии. От этого и традиционный образ русского человека как воина и пахаря, на котором «вся тяга земная».

Смысл современной русской истории отражен в мысли Н.Я. Данилевского: «Прогресс состоит не в том, чтобы все шли в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности, исходить в разных направлениях». В XX веке Россия исходила это поле вдоль и поперек, найдя для себя и других впечатляющие исторические уроки. Проблема состоит в том, чтобы усвоить эти уроки.

Вероятно главный урок русской истории XX века – трагедия утраты русскими собственного государства, своей веры и своей истории. Последние сто лет – это история отпадения русских от понимания задач государства, от православной веры и памяти предков, история трагических последствий этого отпадения и их осознания.

Смута в русском духе произошла от увлечения европейскими идеями Просвещения, либерализма и гуманизма. Внесенные на русскую почву они дали ядовитые плоды – денационализированную разночинскую интеллигенцию, породившую марксистские кружки и чудище большевизма.

Большевики не только спровоцировали столкновения русских между собой в гражданской войне, не только уничтожали цвет нации - ведущие сословия, но и смутили русское самосознание интернационализмом. В результате страна была разрублена эт-

ническими границами, по которым и распалась в 1991. К власти прорвались китайские добровольцы, еврейские «образованцы», латышские стрелки и сонмище прочих участников этого вселенского интернационала, оторвавшихся от собственной национальной почвы.

Теоретическим достижением большевиков стало уничтожение такого понятия, как «великоросс». В результате смешались понятия об этнической и национальной природе русских. Оказалось, что малороссы – уже не русские. До сих пор мы не можем восстановить нормального понимания того, что русские – это нация, состоящая из трех основных русских этносов (великороссы, малороссы и белорусы), ряда малых этносов (русины, поморы и др.), а также из обрусевших представителей иных этносов.

На смену большевикам пришла когорта сталинских «меченосцев», искрошившая прежний интернационал, но оставившая его политику без изменения. Россией правили нерусские люди, «великодержавный шовинизм» корчевался по-прежнему. Только в годину испытаний Великой Отечественной войны на словах Сталин вспомнил русских полководцев. Празднуя Победу он лицемерно поднял тост «за великий русский народ». Но именно сталинские лагеря добивали цвет русской нации, русскими жизнями оплачивался авантюризм и некомпетентность советской военной верхушки. Мы должны помнить это, склоняя головы перед подвигом русского солдата.

Русский гений в послевоенные годы обеспечил технологический прорыв СССР и его ведущую роль в мировых событиях. Но советская антинациональная бюрократия выхолостила этот успех, надорвала силы русских, опоила русских лицемерием застойных лет и породила «демократическую революцию», ни в чем не отступившую от ленинской национальной политики. Именно советская номенклатура превратила «творческую интеллигенцию» в новый пролетариат, у которого нет Отечества, а журналистику – в передовой отряд этого «пролетариата».

Именно журналисты сегодня образовали сплоченный паразитический слой, живущий за счет разорения страны и доводящий

болезнь русофобии до русофагии. «Убей в себе русского», - вот что пропагандируют средства массовой информации на протяжении последнего десятилетия. В результате активный компонент в русском народе составляет не более 15% осознающих себя русскими и готовых к защите своей русской идентичности.

Возрождение демоса

Российская история последних лет перенасыщена словами о демократии. Эти слова въелись во все поры общества, разлагая его, разрушая иерархические структуры и информационную вязь современного производства, современного государства. Воспринятая, подобно туберкулезной палочке, политическая доктрина понравилась тем, кому очередной эксперимент над страной сулил материальные выгоды и удовлетворение плотоядного любопытства. Суть той формы демократии, которая была внедрена в России, состоит в ее принципиально антинациональном характере. Эта демократия не имеет ничего общего ни с одним историческим периодом страны, абсолютно беспочвенна и сподручна только тайным замыслам ненавистников русской цивилизации.

Эта демократия вывернула Россию наизнанку, и мы увидели, что у нее внутри. Проблема состоит в том, чтобы вывалившиеся внутренности снова убрать на свое место, успокоить государственный организм, дав срастись переломам, нанесенным безжалостными экспериментаторами. Для этого нужно ясное видение происшедшего и мастерство хирурга, умеющего сшивать плоть и накладывать гипс.

Вряд ли есть необходимость цитировать Аристотеля или Полибия, создавших более двух тысяч лет назад теорию государственной власти, но всё-таки необходимо подчеркнуть, что власть в государстве может принадлежать либо одному, либо немногими, либо меньшинству.

При анализе власти греческие классики подчеркивали, что каждая его форма может быть по природе либо «правильной» - тогда она развивает и защищает общественный организм, либо «неправильной», - и тогда она губит его. Власть одного может

быть монархической (правильной) или тиранической (неправильной). Власть немногих может быть аристократической (правильной) или олигархической (неправильной). Правильная власть меньшинства (активных граждан, демоса) демократия, неправильная (толпы, черни, простонародья) – охлократия.

Если власть в России действует на управляемое общество разрушительно, то закономерно следует и вывод по отношению к её природе. Она – «неправильная». Когда в 1985-1989 гг. начался объективный период смены всех общественных институтов, неправильная власть немногих (олигархия) была заменена неправильной властью меньшинства (охлократия).

Но всё дело в том, кого представляло властное меньшинство, чьи интересы оно объективно выражало - демоса или толпы, граждан или черни. Поскольку все фундаментальные основы страны после падения партноменклатуры оказалась в фазе саморазрушения, надо признать - состояние населения страны таково, что оно представляет собой пока что толпу, чернь, подобие Панургова стада. Поэтому, после того, как формализм голосований сменился реальностью выборов, государственные должности оказались, строго говоря, в руках не народных трибунов и авторитетных общественных деятелей, в власть перешла отнюдь не к лучшим. Ею завладели демагоги, казнокрады и предатели.

Что произошло с народонаселением России? Так ли оно безумно, как его поступки? Ясно одно - перед нами не порок, не злодейство, не безумие, а скорее свойства, присущие если и не детству, то юности нации. Когда запретный плод, в виде всеобщих выборов, оказался доступен всем, избиратели, истосковавшиеся по политической борьбе, увлеклись ею, словно дети новой игрой. Иначе говоря, подобно тринадцатилетнему ребенку, русские при первом сердечном трепете были готовы увлечься всем без разбору.

Но избирательное право не является изначальным естественным правом всех жителей. Оно представляет собой итог длительного движения от периода, когда власть принадлежала одному, к периоду, когда власть принадлежит всем – то есть от ча-

стного к единичному и от единичного к общему. Чтобы со знанием дела принимать участие в выборе лучших на государственные должности, надо иметь в наличии не только этих лучших, но также исторический опыт и сознание ответственности тех, кто выбирает.

Русским для безвредного применения всеобщего, равного, прямого избирательного права не хватает и глубокого исторического и политического опыта, и полноценных институтов гражданского общества - партий, профсоюзов, территориальных общин, мощного экономически устойчивого среднего класса. Нетрудно, к примеру, обнаружить наличие разброда и шатания в среде русских промышленников и предпринимателей, мировоззрение которых опирается не на национальную философию, а на клановый, своекорыстный интерес.

Таким образом, Россия пока ещё не в состоянии без отрицательных для себя последствий использовать приемы и методы власти меньшинства. И вовсе не потому, что русские органически несовместимы с демократией. Чтобы природа власти меньшинства могла приобрести свойства демократии, народ страны должен превратиться в активных граждан, стать демосом. А это не делается ни за год, ни за десять лет. Англичанам, прочно вставшим на этот путь раньше других, потребовалось не менее пяти веков, французам, немцам, испанцам - лет триста.

Весь период так называемой «советской власти» в сущности, являлся отрицанием власти, избираемой гражданами. Он воспрепятствовал накоплению избирательного опыта, по крайней мере, шести поколениям наших соотечественников. Не мудрено, что возможность превратиться с сегодня на завтра в полноценных избирателей оказалась для них ловушкой. Повторим еще раз: очутившись в ней, нация не могла не совершать одну ошибку за другой, избирая то ложный путь развития, то политиков, негодных к государственной деятельности.

Как можно покончить с «неправильной» властью? Установить ту или иную форму «правильной» власти. Вместе с тем должно быть ясно, что как для монархии, так и для аристократии в Рос-

сии имеется еще меньше предпосылок, чем для демократии. А раз так, то не остается иного пути, кроме как превращать охлократию в разумную форму национальной демократии, которая в русских условиях есть соборность. Но сделать это сразу вряд ли невозможно. Потому что в самом обществе отсутствует критическая масса активных граждан, способных на единство действий, осознающих при этом и истинные её интересы, ценности и цели, и серьёзную опасность, нависшую над отечеством.

С одной стороны, речь может идти о деспотическом вмешательстве откровенной силы в дела государственных институтов. Режим охлократии не может пасть сам собой, для этого нужны организованные усилия. В России единственными надежными союзниками могут быть, как и во времена Александра III, лишь её армия и военно-морской флот. Но меры, которые могут предпринять вооруженные силы страны для её спасения, совершенно недостаточны. Как известно, применяя штыки, можно навести порядок, но долго сидеть на них невозможно.

Беда России в «неправильных» формах власти, которые доминируют в государстве слишком часто. В текущем столетии причина подобного явления коренится в несоответствии границ активного избирательного права, предоставленного всем без разбору, и гражданством, свойства которого присущи немногим. Для того чтобы избавить страну от таких разрушительных форм, сохраняя при этом избирательные методы, принципиально важно придать статус гражданина России в пределах, подлежащих её юрисдикции, лишь тем гражданам СССР и их потомкам, которые родились на этой территории и принадлежат к коренным народам данной территории. Лишь эта категория граждан должна приобрести право голоса. что позволит быстро оздоровит политическую жизнь в стране. Очевидно, что от участия в принятии государственных решений должны быть отстранены деклассированные, денационализированные, деморализованные элементы. В обществе необходимо создавать положительные стимулы для того, чтобы его члены стремились к приобретению статуса пол-

ноценных избирателей, имеющих формальное право реально участвовать в государственной власти.

Парадокс состоит в том, что для утверждения в России подлинного народовластия необходим на первых порах его развития период цензовой демократии. Последняя, предоставив власть в стране лучшим, будет шаг за шагом расширять свою социально-экономическую базу, преобразуясь в демократию принципиально иного, широкого типа, обоснованно признающей полноценными избирателями большинство взрослых граждан страны, то есть, в строй русской соборности.

Программные ориентиры

Само собой понятно, что мы хотим сильной России, т.е. могущественного государства, обладающего сильными политическими институтами: армией, флотом, правоохранительными органами, но, главное – реализованным интеллектуальным и духовным потенциалом: развитой наукой, передовыми технологиями, образованием, культурой и здравоохранением. В этом сегодня, прежде всего, проявляется сила государства. Настолько сильного, чтобы защитить национальные интересы, достоинство граждан, дать им благоприятные условия для самореализации, и в собственной стране, и за рубежом. Вопрос в современной России стоит принципиально: либо становиться в фарватер политики США, превращаясь – как склоняются слишком многие в российской элите – в «младшего партнера», либо совершить рывок в будущее, вернуть себе лидерство. Либо – либо. Добиться этой цели можно, укрепляя государственные институты, возвращая их в экономическую и общественную жизнь. Мы считаем, что отличительной особенностью России является безусловный приоритет государственных, то есть национальных интересов над классовыми, тем более партийными.

Мы хотим восстановления политического и территориального единства государства. Мы должны ясно заявить (как это сделали немцы, китайцы, японцы), что наша конечная цель воссоздание единого Российского государства и только при ясном волеизъяв-

лении отколовшихся территорий. Россия – продолжатель Российской империи и СССР не только по международным обязательствам и долгам, но и по праву на единое экономическое, культурное и информационное пространство. Национальные интересы, права и обязанности граждан восстановленной России – это интересы, права и обязанности всех граждан бывшей Российской империи и СССР, а не только граждан Российской Федерации.

Мы хотим, чтобы государственная власть обеспечивала условия для развития всех разумных форм собственности, если они эффективны для развития нации. Это означает, что в разных регионах, разных отраслях, в разное время могут преобладать различные формы собственности. Правовое и политическое влияние власти должно быть направлено на то, чтобы добиваться максимальной эффективности экономики.

Государственный контроль над основными стратегическими отраслями должен сохраняться. Сказанное относится в полной мере и к земельному вопросу. По сути, у нас нет выбора. Либо Россия имеет конкурентоспособную, эффективную, высокотехнологическую и наукоемкую экономику, либо она попадает в унизительную зависимость от развитых стран. Третьего пути не существует.

Мы хотим, чтобы нация и государство развивались на основе традиций России, учитывая ее духовные основы и ценности. Мы убеждены в том, что роль традиционных для России ценностей – религии, исторического и культурного наследия - остается заниженной, хотя именно на этой основе только и возможно возрождение великой России, ее экономики, военного и информационного могущества. Россия не может не быть великой, как бы ни старались усреднить ее значение в мире. Великая страна не может не иметь великой истории, великого наследия. В этом ее историческая и духовная миссия.

Устранить результаты варварского эксперимента над нашей страной можно только обратным политическим проектом, проектом принципиально несовместимым с антинациональной де-

мократией — национальной диктатурой. Вопрос стоит так: либо умерщвление России теми способами, которые у нас у всех перед глазами, либо ее возрождение действиями противоположного характера.

Главное в этом проекте должно быть не всеобщее потрясение общества очередной перестройкой (что фактически предлагают коммунисты), а явление силы государства в отношении наиболее рьяных его врагов. Государственная власть должна вмешаться в политику открыто и открыто покарать предателей, преступников и откровенных врагов.

Идеология национализма — сложный мировоззренческий комплекс, над которым еще работать и работать русским мыслителям. Зато идеология национальной диктатуры может быть выражена предельно кратко, всего в нескольких пунктах:

1. Идея нации — единственная идея, способная предотвратить распад России, преодолеть идеологическую раздробленность общества и назревающий классовый конфликт. Эта идея позволяет с минимальными потерями для России провести национальную революцию и обрести для нее достойное будущее в новом тысячелетии.

2. В России есть только один народ, способный к национальному строительству — русский народ, объединяющий великороссов, малороссов и белорусов. Остальные народы по своему культурному уровню и исторической миссии могут быть в России только этническими меньшинствами.

3. Русская нация — превыше всего. Если человеческая цивилизация собирается решать свои проблемы за счет русских, мы будем всеми силами противодействовать такой цивилизации.

4. Национальная диктатура — средство для возрождения русской нации, путь к национальной демократии. Отказаться от диктатуры, значит обречь Россию на десятилетия бесплодных поисков согласия с теми, кто ненавидит Россию и мечтает о ее уничтожении.

5. Национальная диктатура требует прихода к власти национального диктатора, который возьмет на себя всю полноту ответственности. Диктатор должен ограничивать свою власть только интересами нации.

6. Главным союзником националистов является государство. При всех недостатках государственного устройства, безнравственности чиновничества, бездарности верховного руководства, любые другие институты общества либо немощны, либо прямо антинациональны. Все то, что в государстве служит русской нации, необходимо решительно поддерживать, со всем, что направлено против русской нации, необходимо бороться.

7. Наши враги — это враги русской традиции и русской национальной перспективы:

— русофобы, страшащиеся усиления России и власти русских (особенно те, кто говорит: “Когда идея становится национальной, это означает погром”);

— этношовинисты, вынуждающие народы России к столкновению;

— политики-космополиты, насаждающие антинациональные или безнациональные идеологии от коммунизма до либерализма;

— религиозные фанаты, пропагандирующие нерусский духовный строй или не понимающие национального характера духовной жизни.

Русский национализм – это не повторение по европейским лекалам принципов национального эгоизма, стремящегося поработить весь мир. Эгоизм такого типа стратегически несостоятелен и уже привел мировую экономическую систему к кризису и балансированию на грани краха, который может быть затушеван только крупными войнами, которые уже ведутся, уничтожая на наших глазах крупные самодостаточные государства.

«Русскость» национализма состоит в его привязанности к русской традиции. Русский интерес состоит в том, чтобы воспроизвести Россию и русский народ такими, какими они известны в истории – успешную государственность, высокую духовность (всечеловеческий образец), сбалансированный с остальным ми-

ром национальный интерес. Поэтому русский национализм не может быть ни либеральным, ни «левым». Обе эти формы приводят к сепаратизму, отрицанию русскости в подавляющем большинстве русских людей, к замыканию от мира и ненависти к «другому». В обоих случаях борьба против бюрократии сводится к борьбе против России.

Что в курсе ныне правящей бюрократии является более всего неприемлемым для людей, ассоциирующих себя с русским народом?

1. Верность антиконституционным и потому преступным Беловежским соглашениям 1991 года. Превращение распада центральной власти в государстве в распад самого государства.

2. Признание демографического кризиса, но «решение проблемы» путём поощрения ускоренного заселения России выходцами с Юга и Востока.

3. Заталкивание хозяйственного потенциала России в «мировой рынок» на правах сырьевого придатка и за счёт ликвидации научно-промышленного и сельскохозяйственного потенциала, используя при этом для его управления экономический механизм, принципиально чуждый русскому национальному хозяйству.

4. Под видом модернизации и реформирования вооруженных сил - по сути, разоружение страны, что в перспективе низведет ее до уровня простого сателлита великих держав. При этом наращивание полицейских структур и внутренних войск, предназначенных для осуществления мер устрашения собственного народонаселения.

5. Последовательная ликвидация русской духовной, культурной и образовательной традиции, замена ее западными мультикультурными и псевдорелигиозными суррогатами.

6. Сознательная денационализация и русофобия во всех сферах жизни.

7. Узурпирование государственной власти бюрократией, чьё управление страной подобно трудолюбию саранчи, уничтожающей всё живое, когда правительство, вместо того чтобы забо-

титься о благополучии и славе Отечества, превращается в комитет по его ликвидации.

Казалось бы, все это – общее представление для националистов всех «мастей». Но на деле оказывается, что противники русской традиции (противники сознательные или бессознательные) – неявный союзник разрушителей страны.

Главный порок курса Ельцина-Путина – ликвидация геополитической и цивилизационной субъектности России. То же самое, по сути дела, пропагандируют «нацдемы» (национал-либералы) и «энэсы» (национал-социалисты). При этом они лишены знания России, подменяя его публицистическими изысками и подыгрыванием невежественным суждениям, проистекающим из домыслов советского и постсоветского времени.

В отличие от новодельных концепций национализма, русский консервативный национализм имеет солидную теоретическую базу с блестящими именами русских мыслителей, философов, ученых, публицистов, политиков прошлого. Ломоносов. Державин, Татищев, Карамзин, Пушкин, Уваров, «Славянофилы», Достоевский, Тютчев, Катков, Леонтьев, Победоносцев, Менделеев, Меньшиков, Ковалевский, Витте, Тихомиров, Ильин.

Духовной основой русского консерватизма является русское православие, русское богословие, базовым мировоззрением – русский национализм: обобщенные представления об объективном мире, о месте человека в нём, о его отношении к действительности и самому себе, о русском народе и русской нации, о русском государстве, о понимании русской истории и представление о русском будущем.

Изложить, даже кратно, русскую консервативную идеологию, над разработкой которой работают десятки и сотни современных авторов, невозможно. Но можно назвать некоторые принципы, на которых зиждутся его программные установки.

Например, в области политической экономии, консерваторы опираются на теорию «закрытого торгового государства», созданную Фихте, Листом и Менделеевым. Отсюда вытекает необходимость политики протекционизма и критика практики «отры-

того торгового государства» с разорительной политикой «свободного рынка», проводимой существующим режимом.

Консервативная идеология категорически против денежного фетишизма, придающего деньгам свойства универсального и всесильного товара, который обменивается на любые блага и ценности, превращая весь мир в базар, а человеческие отношения – в торговлю. Но деньги утратили монетарную форму, выражавшуюся в золоте и серебре, и перестали быть товаром. Однако они продолжают оставаться им, порождая чудовищные по своим разрушительным результатам последствия, баснословно обогащая олигархию и бюрократию. Отсюда необходимость коренного преобразования всего экономического механизма, связанного с использованием денег, включая упразднение права финансовых институтов «торговать деньгами» и получать ссудный процент.

В воспроизводственном процессе, фазами которого являются производство, посредничество и потребление, приоритет и поощрение должны разумно предоставляться производству. Национальная экономика должна производить товары, а не денежные знаки или бухгалтерские отчеты. Важен реальный товарообмен, удовлетворяющие реальные потребности нации и государства, а не финансовые потоки.

Национальное государство не нуждается в принудительном накоплении или в дифференцированном и индивидуализированном страховании. Если вся нация создает свой национальный доход, то и вся нация может пользоваться его плодами. Часть средств от этого дохода должна идти на государственные нужды, а часть – на социальные, в которых одно из главных мест занимает пенсионное обеспечение. Пенсия должна рассчитываться не в денежной форме, а в доле текущего национального дохода, которую при утверждении бюджета власть должна ежегодно выделять на эту цель. Ибо распределено может быть только то, что нация заработала, создала в истекшем году.

Идеалом современного русского национального государства (государства-общины, государства-корпорации) является для

консервативной идеологии такой тип отношений, которые могут использовать все научные и технические достижения, не превращая при этом человека в винт или шуруп большой индустриальной машины государства-предприятия, но также и не позволяя ему деградировать до примитивного потребителя государства-супермаркета. Развивающейся нации необходимо государство, где работа несет радость, где заботятся о детях, ценят честное слово, верят в любовь и дружбу, сопереживают общим утратам и обретениям, помогают соседям, а если придется, все с оружием в руках вместе защищают свой общий дом – родную страну. Все объединены общим проектом строительства своего государства-империи как высшей формы самоорганизации. Нация – это социальная общность духовных святынь, политических ценностей, культурных идеалов, исторического пути, державного строительства.

Консерваторы - противники идеи отделения церкви от государства и образования от религии, противники секуляризации сознания. Общества, не связанные подвигом веры, созерцанием традиции, переживанием исторического прошлого, едиными представлениями о грехе и добродетели, неизбежно идут к своему краху. Будущее принадлежит тем, для кого вера, Отечество, нация, честь, долг, любовь выше земных благ и самой жизни.

С точки зрения русского консерватизма, главная задача, цель или стратегия – вернуть Великороссии присущее ей свойства цивилизационного и геополитического «магнита». Что позволит в перспективе воссоединить страну, обеспечить рост ее коренного, прежде всего русского, населения, восстановить хозяйственно-экономическую, культурную и военно-стратегическую мощь. Для обеспечения безопасности совокупный потенциал Русской цивилизации, Российского государства должен составлять не менее 20-30% от мирового.

Каковы направления, в сторону которых, по консервативным представлениям, должна развиваться внутренняя политика государственной власти?

1. Обеспечивать прекращение деградации и вымирания коренного населения страны. Всеми силами и средствами влиять на ускоренный рост физически и духовно здоровой нации, что должно быть для власти главным.

2. Упорядочить хозяйственную организацию государства. Стратегические отрасли, военно-промышленное производство, включая фундаментальные и прикладные исследования, должны быть корпоративизированы.

3. Привести в соответствие с русскими условиями и традицией отношения собственности на полезные ископаемые и естественные ресурсы природы, основные средства производства, пути сообщения и связи, интеллектуальный капитал и жилищно-коммунальный городской фонд.

4. Ориентировать экономику на эффективное обслуживание русского способа производства, представляющие собой базовые, неизменные материальные факторы хозяйствования.

5. Российское государство – не сырьевой придаток в мировом разделении труда. Нефть, уголь, газ, лес – не топливо и не колониальный товар.

6. Земледелие должно получить приоритетное развитие. Товарообмен между городом и селом должен быть ориентирован в пользу крестьян. Россия должна обеспечивать себя продовольствием.

7. Принципиально изменить политику градостроительства. Россия должна быть страной средних и малых городов, комфортных для жизни, с усадебной посемейной застройкой.

8. Законодательство и практическая деятельность власти должны исходить из принципа: полноценная многодетная семья – основа общества.

9. Превратить территориальную общину, способную к самоуправлению, в первичное организационное звено государства.

10. Оставить незыблемой максиму Александра III о том, что армия и флот – единственные верные союзники России. К тому же необходимо восстановить военную организацию Российского государства, совокупность необходимых и достаточных органи-

зационно-технических средств обеспечения обороноспособности, национальной и общественной безопасности и вооружения народа.

11. Духовно-нравственное оздоровление на основе русской религиозной, философской, литературной и образовательной традиции.

12. Система, принципы, институты, методы власти – на началах национального народовластия, традиции и особенностей переживаемого страной периода.

Что касается внешнеполитической линии, то она должна носить по необходимости подчиненный характер, обслуживая потребности внутренней политики.

Главное условия развития – избавить государственную власть в России от бюрократической узурпации. Разумеется, не надо путать бюрократию и чиновничество, паразитарную касту и полезную корпорацию. Первое смертельно опасно, второе - необходимо. Государственная власть должна быть в руках политиков, а не чиновников или «хозяйственников». Чиновник же должен добросовестно и честно служить власти, но не быть властью. А «хозяйственник» - добросовестно и честно служить предприятию или общине, которые его наняли, не подменяя собой собственников.

Если исходить из того, что сувереном является русская нация, а практически - граждане государства, имеющие право избирать и быть избранными, то все институты власти должны избираться ими. Нельзя иметь власть, лишенную авторитета и зависящую от настроения «высшего должностного лица».

Средством восстановления дееспособности власти и жизнеспособности нации русские консерваторы видят национальную диктатуру, некоторые аналоги которой можно усмотреть в доктрине «консервативной революции» начала XX века.

Говоря очень коротко, можно предложить следующую систему мероприятий национальной диктатуры, вводимых по одно за другим, выстроенных в некий план:

В области обороны и безопасности

Воссоздание единства Вооруженных Сил, подчинение всех вооруженных формирований единому командованию, унификаций их статуса. Создание мобильной армии из боеспособных частей, ликвидация разложившихся структур, аттестация генералитета и резкое его сокращение. Создание в системе прокуратуры органов безопасности, контролирующих деятельность администрации. Введение смертной казни за создание преступных сообществ вне зависимости от результатов преступной деятельности. Немедленный арест всех преступных авторитетов и заключение под стражу на 2-3 года. Установление права граждан на ношение и применение оружия самообороны.

В области политической стабилизации

Роспуск всех коллегиальных органов власти, объявление выборов в конституционную ассамблею через два года по системе цензов, отбирающих во власть лучших. Введение цензуры средств массовой информации на предмет нравственной чистоплотности и политической лояльности. Национализация телевидения. Публичное расследование событий августа — декабря 1991 и октября 1993. Подписка о невыезде с постоянного места жительства для всех, причастных к ним высших должностных лиц, запрет для них на занятие руководящих должностей в любых секторах экономики и управления.

В области экономики и социальной политики

Полное разделение частной и государственной собственности (продажа или принудительный выкуп соответствующих пакетов акций), мораторий на создание частно-государственных предприятий. Приостановление выплаты долгов России вплоть до решения вопроса о возвращении ей собственности, золотого запаса и вкладов Российской Империи. Отмена налогов на инвестиции отечественных производителей в основные фонды. Резкое увеличение налогового бремени на роскошь. Введение ответственности руководителей и учредителей за сокрытие налогов всем своим имуществом.

Отмена всех налоговых и социальных льгот и замена их обоснованными выплатами из бюджета. Введение налога на бездетность. В демографически неблагополучных территориях принятие третьего ребенка в семье на полное государственное обеспечение. Введение паспортного учета по национальной и этнической принадлежности с учетом знания языка, двойной идентичности (например: русский, великоросс; русский, белорус; русский, украинец; русский армянского происхождения; россиянин, татарин и т.п.).

В международных отношениях

Учреждение русских общин во всех так называемых «союзных республиках», превращение их в единственного экономического посредника в отношениях с Россией. Разрыв дипломатических отношений с Прибалтийскими республиками и блокада их сухопутных границ. Снижение уровня представительства во всех международных организациях, выход из ООН и Совета Европы. Полный запрет на ввоз в Россию видеопродукции из-за рубежа.

Понятно, что большинство из мероприятий, представленных в списке, не требуют большого шума и политических деклараций. Они должны проводится спокойно, без излишней экзальтации.

Национальная диктатура не должна планироваться на неопределенный срок. Государство не должно постоянно напрягать карательные органы в открытых действиях. Достигнув определенных результатов, национальная диктатура должна уступить место национальной демократии для подавляющего большинства граждан России, а карательные операции должны стать уделом спецслужб, задачи которых точно определены.

Здесь имеется трудность. Дело в том, что диктатура не нравится сама себе, она со временем исчерпывает ресурсы нации. Поэтому диктатура, не видящая своих целевых и временных пределов, не может быть национальной. Ее последствием снова будет отупляющий застой и либеральная «оттепель», отбрасывающая страну вспять. Отсюда следует, что национальной может быть признана только та диктатура, которая ясно проводит границу, за

которую ее мероприятия не переходят, и решительно пресекает растекание репрессивной практики.

Национальная диктатура есть восстановление справедливости. (Только не надо путать справедливость с благотворительностью.) Если несправедливость станет ее оружием диктатуры, она утратит национальный характер и превратится в орудие секты или клана. Справедливость требует прощения малой вины (которая есть почти на каждом) и наказание большой, ее истины должны быть понятны большинству и говорить на языке большинства, не выпуская научных теорий дальше специальных изданий.

Диктатура должна уметь объясниться с обществом. В этом смысле националистические издания будут наносить лишь вред национальному возрождению и вредить национальной диктатуре, если будут ратовать за то, что принципиально не может быть принято и понято большинством. Это тем более принципиально, что национальная диктатура ищет себе основания первоначально именно в слове.

И все-таки, в настоящее время любая форма диктатуры будет благом для России. Антинациональная демократия никогда не перерастет в национальную, но любая диктатура имеет шансы и внутреннюю потенцию приобрети национальную форму.

Что это значит?

Во-первых: милитаризм общества и государства. Потому что революция всегда болезнь. А раз болезнь, значит организм нации ослабевает. Что защитит ослабевшую Россию? Только милитаризация, милитаризация и еще раз милитаризация — как экономическая, так и общественная.

Во-вторых, русских должно быть пятьсот миллионов на суверенной территории России. В противном случае она всегда будет объектом притязаний. Когда русских будет пятьсот миллионов, у них хватит сил на всё. И даже Китай не полезет к нам, зная, что здесь живёт пятьсот миллионов русских. Это задача примерно пятидесяти лет, разумеется, при правильной национальной политике. России нужен демографический взрыв.

В-третьих. Опрометчиво повторять вслед за нашими оппонентами, что мол, распался Советский Союз или что-то в этом роде. Распалась не Россия, а власть в России. Врагам России очень хочется, чтобы в общественном мнении сложилось представление, что распалась страна. Тогда действительно восстановить её не сможет никто. А если распалась всего-навсего власть в стране? Восстановить власть — раз плюнуть. Сменить её — тем более. Перестанем цитировать наших противников, действовать по их правилам, не будем ввязываться в их игры. Поскольку распался не Советский Союз, а имеет место разложение феодальной власти в России, естественной стратегией русской революции становится реваншизм. То есть восстановление государственной власти на её национальной территории.

Перед нацией и государственной властью на ближайшую перспективу должны быть поставлены и решены следующие задачи.

1. Преодоление кризиса власти. Отстранение от власти лиц, причастных к подрыву или умалению основ национального и государственного существования. Очищение госаппарата от коррупционеров и изменников. Обеспечение территориальной целостности России и единства законов на всей её территории.

2. Унификация государственных учреждений, централизация структур исполнительной власти, сокращение числа федеральных ведомств до 10-15. Решительный отпор этношовинизму и сепаратизму. Восстановление государствообразующего статуса русского народа. Стратегический курс на воссоединение русских в едином государстве. Статус наибольшего благоприятствования для соотечественников, проживающих за рубежом.

3. Преодоление экономического кризиса за счет концентрации ресурсов в руках государственной власти и наведения порядка в стране. Введение государственного планирования развития национальной экономики. Восстановление государственной собственности над предприятиями, находящимися в незаконном обладании и недобросовестном владении. Национализация крупнейших бюджетообразующих предприятий и объединений. Национализация природной ренты. Установление прогрессивного на-

логообложения. Государственные гарантии компенсаций пострадавшим от действий недобросовестных финансистов. Частная собственность на землю только для владельцев индивидуального негородского жилья.

4. Восстановление обороноспособности страны за счет поддержки ведущих предприятий ВПК и восстановления потенциала мощных шахтных ракетных пусковых установок. Сокращение бюрократических структур армии. Переход от воинской повинности к всеобщей воинской учебе. Альтернативная служба только в порядке обслуживания интересов армии и флота. Восстановление обязанности офицера носить личное оружие, права гражданина на хранение и применение оружия самообороны.

5. Преодоление демографического кризиса. Стимулирование рождаемости в демографически неблагополучных регионах. Целевая программа «Полная семья – трое детей» для Центральной России и Сибири. Повышение правового статуса семьи в сравнении со статусом отдельного гражданина.

6. Ужесточение мер против преступности. Снятие моратория на смертную казнь. Введение смертной казни за убийство, распространение наркотиков, особо опасные преступления против нации и государства. Создание из военнообязанных, находящихся в запасе, гражданских милиционных образований (гражданского вооруженного ополчения) для обеспечения общественной безопасности.

7. Создание гарантий против терроризма и локальных войн на территории России. Принятие закона «О мерах по подавлению мятежа». Безоговорочное и безусловное уничтожение бандформирований в Чечне, арест и ссылка их пособников. Проведение восстановительных мероприятий только в полностью умиротворенных районах.

8. Обеспечение информационной безопасности страны. Национализация ведущих электронных СМИ, прежде всего - общефедеральных каналов телевидения. Пресечение пропаганды безнравственности, порнографии, антипатриотизма и нездорового и порочного образа жизни. Установление нравственного контроля

над телевещанием. Принятие закона о защите русской культуры и русского языка.

9. Введение и реализация программы возвращения всех долгов по вкладам, пенсиям, пособиям и зарплатам с учетом возросшего масштаба цен. Введение уголовной ответственность за нецелевое использование государственных средств.

10. Государственная поддержка Православия и признание его ведущей роли в формировании основ российской государственности. Решение вопроса о возврате Русской Православной Церкви реквизированного у нее в прежние годы церковного имущества.

11. Объединительные и оборонные приоритеты во внешней политике. Укрепление союза с Белоруссией и подготовка к скорейшему государственному объединению России и Белоруссии. Использование СНГ для быстрого развития интеграционных процессов, обеспечения военно-стратегической стабильности на границах России. Приоритет во внешней политике сотрудничеству с Индией, Китаем и Ираном. Создание системы коллективной безопасности против политики «нового мирового порядка».

12. Пересмотр отношений с кредиторами России, участвовавшими в поддержании политического произвола последнего десятилетия и пособничестве расхитителям российского национального достояния. Предъявление претензий зарубежным государствам, захватившим зарубежную собственность, ценности и золотой запас Российской Империи и СССР.

Преодоление глубокого системного кризиса, в котором Российское государство находится в течение последних двух десятилетий состоит в осуществлении русской доктрины, национально-консервативной политической программы. Однако, русский консерватизм устранен от практической политики с 1917 года. Почти целое столетие в России доминируют политические силы, опирающиеся на либеральные и коммунистические/социалистические концепции, практическая реализация которых, в конечном счёте, трижды оборачивалась поражением страны и непомерными материальными, военными, духовными

потерями и человеческими жертвами, разгулом русофобии, этносепаратизма и сецессионализма, узурпацией власти бюрократией.

Когда обстоятельства дали возможность для создания разных политических организаций, консерватизм к этому не был готов и в избранных тогда представительных органах власти депутаты-консерваторы исчислялись единицами. Только раз консерваторам удалось прорваться в Госдуму – это был блок «Родина».

Однако, бюрократический переворот 1991-1993 годов, а затем сращивание бюрократии и олигархии во властвующую монопольную касту (1994-2007) очистили политическую арену, оставив на ней лишь фигляров и марионеток, согласившихся имитировать многопартийность либо в виде «партии власти», либо в форме «партий оппозиции». Присвоив власть и поделив страну на «зоны интересов», бюрократия лишила оппозицию легитимации, вытеснив в политическую резервацию все реальные политические партии.

Общество пребывает в состоянии мировоззренческого и идеологического раскола. Каждое из мировоззрений – интернационализм, космополитизм, национализм - имеет примерно одинаковое число сторонников, обстоятельство, объективно предполагающее для политических партий, принадлежащих к оппозиции, возможность и необходимость тактического сотрудничества вместо бесплодной грызни и бессмысленного соперничества. Тем более что национальные и патриотические мотивы во всё большей степени усваиваются и левыми, и либералами. Главенство русского консервативного национализма в процессе освобождения от тирании альянса олигархии и бюрократии – залог успешного преодоления опасностей как «перестройки-2» и окончательного лишения страны всех признаков суверенитета, так и коммунистического реванша, залог проведения мер национальной диктатуры и восстановления России в тех национально-государственных и хозяйственных формах, которые отражают ее исторический путь и духовно-нравственную традицию.

* * *

В "Национальном манифесте" мы обозначили основное противоречие эпохи – противоречие между нацией и олигархией. В этом смысле новый национализм – это не столкновение между нациями, а схватка между национальными силами и олигархией, порабощающей нацию. Мы увидели свою задачу не в том, чтобы «качнуть низы», доказать им необходимость восстания (не дай Бог, если подобное будет «доказано» – тогда все мы станем жертвами), а в том, чтобы дать интеллекту нации мировоззренческие принципы, спасительные в условиях кризиса, в условиях угасания эпохи.

Мы увидели, то жало, которое надо вырвать из пасти олигархии, чтобы сделать ее экспонатом зверинца – ссудный процент и оборот денежных суррогатов. Мы определили, что целями национального движения является освобождение нации, ее производительных сил, избавление предпринимателя от бюрократического грабежа, освобождение творческих сил нации от диктата «золотого тельца», от беспочвенной интеллигенции, поступившей на службу в пропагандистские структуры, оправдывающие ростовщичество, спекуляцию, монополию, беззаконие, кураж чиновника и вора.

Впереди еще большая работа по формированию среды единомышленников, по программным разработкам в различных сферах, по запуску публицистической машины, приспособленной под нужды интеллектуалов-националистов.

Мы должны **интеллектуально победить** там, где намерены победить в принципе. Вредоносность олигархии и обслуживающей ее коррумпированной бюрократии должна стать очевидной каждому думающему человеку, каждому, кто предпримет хотя бы слабую попытку оторваться от телевизора («зомбоящика») и подумать о своей собственной судьбе, судьбе своей семьи, судьбе нации.

Националисты должны стремиться к невозможному, чтобы получить необходимое.